

Министерство культуры и национальной политики
Республики Коми
Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН

Серия «Стоявшие у истоков»

Выпуск 2

*И. Л. Жеребцов, А. Ф. Сметанин,
М. В. Таскаев, Л. А. Жданов*

СОЗДАТЕЛИ КОМИ АВТОНОМИИ

Сыктывкар 2006

УДК 8(092)+39(092)

Жеребцов И.Л., Сметанин А.Ф., Таскаев М.В., Жданов Л.А. **Создатели Коми автономии** / Отв. ред. Е.Н.Рожкин. Сыктывкар, 2006. 128 с. (Стоявшие у истоков; Вып. 2).

Второй выпуск книжной серии «Стоявшие у истоков» посвящен видным политическим деятелям Коми края, внесшим весомый вклад в создание Коми автономии: Дмитрию Яковлевичу Попову, Дмитрию Александровичу Батиеву, Дмитрию Ивановичу Селиванову, Якову Федоровичу Потапову. В книге в научно-популярной форме рассказывается о жизни этих личностей, о той сложнейшей обстановке, в которой протекала их деятельность. Во вводном очерке говорится о своего рода «предыстории» создания Коми автономии – о том, как в разные эпохи управлялся Коми край, как в крае проявлялось стремление населения к самоуправлению. Книга предназначена для широких кругов читателей.

Редколлегия серии «Стоявшие у истоков»

К.э.н. Е.Н.Рожкин (председатель), к.и.н. А.Ф.Сметанин (зам. председателя), д.и.н. И.Л.Жеребцов (отв. секретарь), д.культ. М.И.Бурлыкина, М.Л.Герцман, д.филол.н. М.В.Мелихов, В.А.Рохин, д.и.н. В.А.Семенов, А.Н.Сивкова, д.г.н. В.И.Силин, П.М.Столповский, В.В.Тимин, д.филол.н. Г.И.Тираспольский, д.филол.н. Е.А.Цыпанов

Ответственный редактор

кандидат экономических наук Е.Н.Рожкин

Рецензенты

доктор исторических наук А.Н.Турубанов
кандидат исторических наук М.Б.Рогачев

Фото на обложке: I Всезырянский съезд коммунистов (январь 1921 г.).

© И.Л.Жеребцов, А.Ф.Сметанин,
М.В.Таскаев, Л.А.Жданов, 2006

Предисловие редактора

В 2005 году Департамент национальной политики Министерства культуры и национальной политики Республики Коми и Институт языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук подготовили и издали книгу очерков истории становления гуманитарной науки в Коми, в которой рассказано о жизни и научном творчестве ряда видных коми ученых-гуманитариев, стоявших у истоков становления коми гуманитарной науки, о том, как происходило становление гуманитарных научных исследований в Коми. Книга вызвала огромный интерес читателей, и в начале 2006 года вышло второе издание, дополненное очерками об исследователях П.Г.Доронине, Г.А.Нечаеве и В.М.Подорове. Тогда же возникла идея организовать серию научно-популярных изданий, адресованных широким кругам общественности, под общим названием «Стоявшие у истоков».

Второй выпуск, который предлагается вашему вниманию, приурочен к 85-летию создания национальной государственности коми. В нем рассказывается о видных политических деятелях Коми края, внесших весомый вклад в создание Коми автономии. Среди них Дмитрий Яковлевич Попов, Дмитрий Александрович Батиев, Дмитрий Иванович Селиванов, Яков Федорович Потапов. Авторы книги, известные в Республике Коми историки А.Ф.Сметанин, И.Л.Жеребцов, Л.А.Жданов, М.В.Таскаев, в научно-популярной форме рассказывают о жизни этих личностей, о той сложнейшей обстановке, в которой протекала деятельность коми политиков, об острых дискуссиях между ними. Вводный очерк раскрывает своеобразную «предысторию» создания Коми автономии, повествуя о том, как в Коми крае в разные эпохи проявлялось стремление населения к самоуправлению. Надеюсь, эта книга будет встречена читателями с таким же большим интересом, как и первый выпуск серии.

В дальнейшем серия «Стоявшие у истоков» будет обязательно продолжена, поскольку в истории Республики Коми было много выдающихся личностей, прославивших ее. Как справедливо отметил во введении к первому выпуску данной серии книг директор Института языка, литературы и истории, заместитель председателя Президиума Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук, академик Академии военно-исторических наук А.Ф.Сметанин, пора отдать должное этим замечательным людям, обстоятельно рассказав об их вкладе в развитие нашей республики.

Е.Н.Рожкин, кандидат экономических наук, руководитель департамента национальной политики Министерства культуры и национальной политики Республики Коми

**Очерк 1. Долгий путь к национальной государственности
(Из истории управления и административного устройства
Коми края)**

Легенда о Биармии

В двадцатые годы XX столетия, когда на политической карте России появилось и постепенно крепло новое национально-государственное образование – Коми автономная область, многие пытливые умы были заняты поиском в далеком и не очень далеком прошлом коми народа каких-либо важных исторических вех, личностей, событий, с которыми можно было бы связать истоки коми национальной государственности, найти нить, связавшую бы действительность и давно минувшие времена в единую историю с непрерывной преемственностью традиций.

Сложилось так, что наряду с реальными интереснейшими фактами прошлого коми народа предметом обостренного любопытства стала давняя легенда о Биармии – богатой земле, находившейся где-то на Севере. Еще в IX столетии скандинав Отар рассказал королю Альфреду о своем морском путешествии в «Биармию» и о виденных там жителях-биармийцах, живших на берегах большой реки. В скандинавской поэзии X века тоже упоминается о Биармии, богатой пушным зверем. Скандинавские исторические хроники XII и XIII столетий, саги, средневековые летописи повествуют о лесной, снежной и морозной стране Биармии, куда викинги ездили за пушниной, то торгуя, то воюя с местными жителями. Биармийцы занимались охотой, рыбной ловлей, держали оленей, молились идолам в святилищах, платили дань Руси. Морские плавания скандинавов на Север продолжались, пока позволял относительно теплый климат (так называемый малый климатический оптимум VIII–XIII столетий). Когда климат стал холоднее, плавать по морю стало труднее и опаснее, и путешествия скандинавов в Биармию прекратились. До сих пор ученые не пришли к единому мнению о том, где находилась Биармия; не исключено, что викинги имели в виду Европейский Северо-Восток, но многие исследователи полагают, что Биармия располагалась на Северной Двине или еще дальше к западу, вплоть до Кольского полуострова или Карелии. (Подробнее о походах викингов в Биармию можно прочитать в написанном археологом И.О.Васкулом специальном разделе учебника «История Республики Коми», изданного в 2000 году).

Со временем, уже в XVIII–XIX столетиях, вокруг упоминаний о Биармии сложилась целая легенда о некогда существовавшей на Европейском Севере могущественной стране с высокоразвитой культурой и экономикой и исчезнувшей со временем. Коми-пермяцкий писатель И.Н.Мошегов в 1920-х годах опубликовал целую серию очерков о том, какой была эта Биармия в его представлении; распад этого якобы «могущественного коми государства» он связывал с завоеванием Европейского Северо-Востока русскими. Иссле-

дования археологов и ученых других специальностей давно убедительно опровергли эту фантастическую гипотезу, однако и сегодня находятся желающие порассуждать о «былом величии» древней коми страны, «покоренной» чужеземцами...

Думается, народ коми не нуждается в приукрашивании своей истории – она и без того чрезвычайно интересна и богата событиями. Коми народ сформировался на рубеже I и II тысячелетий н.э. Теперь, когда преодолен новый рубеж тысячелетий; можно сказать, что исполнилось тысячелетие существования коми народа. Вот уже десять веков коми живут на северо-востоке европейской России, осваивая природные богатства этого сурового края. Давайте бегло проследим основные этапы развития коми народа до обретения им своей национальной государственности, обращая внимание на присущие разным эпохам черты управления и самоуправления.

По обычаям предков

На заре своей тысячелетней истории коми народ был разделен на несколько племен, обитавших не только в пределах современной Республики Коми (на Вычегде, Выми, Вишере, Сыsole, Лузе, Вашке; на Мезени и Печоре коми поселения появились позднее), но и западнее – в низовьях Вычегды и Лузы, на Пинеге и, возможно, некоторых других районах. Население края было довольно редким (несколько более населены были лишь берега Выми).

Как справедливо писал известнейший коми этнограф Л.Н.Жеребцов, на столь обширной территории, раскинувшейся по бассейнам разных рек, пермяне не могли быть единым племенем или даже союзом племен, а начавшийся процесс разложения родового строя еще более ослабил основанные на кровном родстве контакты между территориально разрозненными племенами.

По мере распада родоплеменных отношений в крае, по мнению видного этнографа Л.П.Лашука, первоначально сложились территориально-племенные объединения, являвшиеся промежуточными звеньями между племенами отмиравшего родового строя и будущими территориально-соседскими общинами. Они представляли собой тип этнической общности, который характеризовался собственным именем и диалектом, общностью территории, хозяйственно-экономических связей и культурно-бытового уклада. Друг от друга общности отличались по культурно-бытовым особенностям, хозяйству и диалектным отличиям языка.

Во главе территориально-племенных объединений стояли, видимо, вожди (документы конца XIV века называют их «сотниками»), жрецы, знать. Разумеется, выделение из общего числа жителей этой социальной верхушки еще не означало, что в крае сформировалось раннеклассовое общество, и не может свидетельствовать о начальном этапе государственности древних коми. На Европейском Северо-Востоке не обнаружены крупные городища (протогорода), которые могли служить центрами этнической консолидации

(как это было, например, южнее – у коми-пермяков и удмуртов). Немаловажную роль в процессе социально-политического развития древнекоми общества сыграл климатический фактор. Несмотря на потепление, климат севера оставался, конечно, не столь благоприятным, как в расположенных южнее регионах, где природно-климатические условия позволяли успешнее вести производящее хозяйство, приводившее к ускорению разложения родового общества и феодализации племенной знати, в то время как на севере более суровый климат приводил к консервации архаичных элементов в общественном развитии, замедлял разложение первобытно-родового строя и сложение начального этапа государственности у древних коми.

Хотя уже в 967 году в древнерусской Степенной книге, по сведениям русского историка XVIII века В.Н.Татищева, упоминается народ «пермь», обитавший примерно в районах позднейшего расселения коми и коми-пермяков, а в «Повести временных лет», выдающемся памятнике русской письменности начала XII века, «пермь» упоминается среди народов, которые «суть свой язык имуще» и «дань дают Руси», но древние коми жили по своим законам и обычаям. Русские лишь изредка появлялись в этих краях. Первыми ступили в этот отделенный уголок Европы новгородцы. В «Повести временных лет» приведен рассказ о походе новгородцев в 1096 году на Европейский Северо-Восток за данью («послах отрок свои в Печеру люди, иже суть дань дающе Новгороду»). Эпизодически появлявшиеся здесь новгородские «ушкуйники» (группы вооруженных людей, плававших на лодках-ушкунях и совершавших набеги на разбросанные по северным рекам поселения разных племен и народов) объявляли местных жителей «подданными» Господина Великого Новгорода и приказывали платить дань мехами, но о каком-либо реальном управлении здешних земель новгородцами говорить не приходится. Ушкуйники приходили и исчезали как кошмарный сон, о котором старались побыстрее забыть; а жизнь в Коми крае продолжала течь «по обычаю предков».

Но шли годы и столетия, и все ближе к населенным коми народом землям приближались погосты и становища русских земель и княжеств. В конце XII столетия и в самом Коми крае возникли первые русские поселения, являвшиеся сначала опорными пунктами сборщиков дани, а со временем ставшие торгово-ремесленными поселениями и военно-административными центрами. В их числе были Карыбйвское городище на нижней Вычегде и Пожегское на Выми – единственное сравнительно крупное городище в Коми крае, являвшееся русским военно-административным и ремесленно-торговым центром (подробнее о русской колонизации европейского Северо-Востока можно прочитать в книгах крупнейшего коми археолога Э.А.Савельевой и ее коллег К.С.Королева и других). В XII–XIII веках на Ижме близ устья Ухты возникло небольшое городище, которое археологи связывают с пермью вычегодской. Учитывая, что городище располагалось на пути из Двинского бассейна в Печорский край, можно соотнести его появление с

каким-либо из походов новгородцев на Печору и в Югру (известны, например, походы 1187 и 1193 годов); в этих походах, вероятно, принимали участие коми, которые и могли поселиться близ устья Ухты. Видимо, городище должно было служить опорным пунктом при продвижении на Печору; возможно также, что оно предназначалось для прикрытия северо-восточных подступов к Коми краю от вражеских – скорее всего, самоедских (ненецких) – набегов. По мнению археологов, городище существовало недолго и могло быть сожжено. Не исключено, что сожжение городища могло стать ответом самоеды на вторжение очередного новгородского отряда. Известно, например, что отряд новгородцев в 1187 году понес значительные потери «в Печоре».

Богатый пушным зверем регион манил к себе взоры не только Новгорода, провозгласившего себя (на правах «первооткрывателя») хозяином всего европейского Севера нынешней России, но и Ростово-Суздальского (или Владимиро-Суздальского, как оно стало называться позднее) княжества – самого могущественного государственного образования в Северо-Восточной Руси. Ростовский князь сам был не прочь поставить под свой контроль крайний северо-восток Европы, тем более что новгородцы так и не смогли здесь толком обосноваться. На рубеже XI–XII веков появился Устюг, ставший опорной базой Ростово-Суздальского княжества в продвижении в Коми край. Вскоре после возникновения этого города под контроль Ростова попали населенные коми земли по р. Луза. В более отдаленных от русских земель районах (Вымь, Вашка, Сысола, средняя Вычегда) ни Новгород, ни Ростов прочно закрепиться не могли.

В XIV веке в соперничество новгородцев и суздальцев вмешалось быстро развивавшееся Московское княжество. В 1333 году московский князь Иван Калита взял в свои руки сбор дани для Золотой Орды («черный выход» или «черный бор») с населения европейского Северо-Востока: «Князь великий Иван Данилович взверже гнев свой на устюжцов и на ноугородцев, – рассказывает Вычегодско-Вымская летопись, – почто устюжци и ноугородцы от Вычегды и от Печоры не дают черный выход Ордынскому царю, и дали князю Ивану на черный бор Вычегду и Печору и с тех времен князь московский почал взимати дани с пермские люди». В 1364 году в руки Москвы перешел Великий Устюг, а с ним, вероятно, и Прилузье. Здесь, как отмечал видный коми историк В.Н.Давыдов, появились московские должностные лица – тиуны (помощники великокняжеских наместников или волостелей), доводчики (судебно-полицейские помощники волостелей и тиунов) и приставы (судебно-административные исполнители), подчинившиеся наместникам и воеводам, присылавшимся в Устюг великим князем Московским.

Важным шагом в укреплении влияния Московского князя в остальной части Коми края, по-прежнему управлявшейся собственными руководителями – старейшинами или, как сообщается в русскоязычных документах, сотниками, стало образование в 1383 году Пермской епархии во главе со

Стефаном Пермским; резиденция епископа находилась в Усть-Выми. Ряд ученых полагал, что епископы Пермские осуществляли не только духовную, но также и административную власть в Коми крае, ведали обороной края и исполняли внешнеполитические функции, то есть, в сущности, были наместниками Московского князя; поэтому можно считать, что с этого времени Коми край вошел в состав Московского княжества. Однако другие историки убеждены, что не следует отводить епископам столь большую роль в управлении Коми краем, да и сам процесс вхождения Коми края в Русское государство завершился лишь столетием позже.

Как бы то ни было, несомненно одно: хотя в Коми крае (во всем или же только в отдельных районах) в XIV веке появились московские чиновники, однако они отнюдь не обладали всей полнотой власти на местах. Во главе отдельных территориально-племенных общностей коми стояли «сотники». Наиболее известным из них был вишерский сотник Пам, резко выступавший против Стефана Пермского как представителя Московского князя, навязывавшего Коми краю новую, чуждую местным жителям жестко централизованную систему управления. «Не слушайте Стефана, пришельца... из Москвы! Что хорошего быть может нам от Москвы? Не оттуда ли к нам тяготы идут, дани тяжкие, и насилия, и судьи, и соглядатаи, и караульчики?» – обращался Пам к соплеменникам. Однако с постепенным усилением верховной власти великого князя и его представителей все же приходилось считаться – тем более, что Стефан многое сделал, например, для снабжения жителей Коми края хлебом в голодные годы.

Таинственные князья

В XV веке власть Москвы в Коми крае укрепилась. В 1451 году сюда был прислан наместник великого князя – Ермолай, происходивший, согласно известию Вычегодско-Вымской летописи, из рода князей Верейских, дальних великокняжеских родственников. Однако стоит сказать, что происхождение Ермолая несколько туманно.

Титул князей Верейских появился в первой половине XV в., не позднее 1434 года, после смерти Андрея, князя Можайского (сына Дмитрия Донского), когда Можайский удел был поделен между двумя его сыновьями. Старший, Иван Андреевич стал носить титул князя Можайского, а Михаилу Андреевичу достался выделенный из Можайского княжества Верейский удел. Так что первым (и, кстати, последним) удельным князем Верейским являлся Михаил Андреевич – внук Дмитрия Донского и двоюродный брат великого князя Василия Темного. Если Иван Можайский в период междоусобной войны за великокняжеский престол поддержал Дмитрия Шемяку, то Михаил Андреевич встал на сторону Василия Темного. Благодаря этому Верейское удельное княжество, единственное из всех, сохранило свой статус после победы Василия над противниками. Более того, владения Михаила

Андреевича Верейского даже расширились за счет части владений Д.Шемяки (впрочем, потом, в 1465 году, их пришлось вернуть великому князю).

Кем Ермолай Вымский мог приходиться Михаилу Верейскому? Братом? Сыном? Внуком? Племянником? Нам известно об одном сыне, одной дочери и одном брате Михаила Верейского. Судя по имеющимся данным, у Андрея Дмитриевича Можайского, отца Михаила Верейского, было два сына, между которыми, как уже говорилось, и было по его последней воле разделено Можайское удельное княжество задолго до появления Ермолая на Выми. Видный российский историк С.М.Соловьев в своем классическом труде «История России» упоминает двух сыновей Андрея Дмитриевича Можайского – старшего Ивана и младшего Михаила. То, что у Михаила был еще один брат, средний, который почему-то не получил после смерти отца своего удела, жил с Михаилом Верейским до 1451 года, оказался никак не вовлечен в междоусобицы и прочие события, в которых активно участвовали оба брата, и затем был направлен на Вымь, слишком маловероятно.

То, что Ермолай – племянник Михаила Верейского по линии его единственного брата, можно исключить. Иван Можайский с 1445 года был ближайшим сподвижником Дмитрия Шемяки – главного врага великого князя Василия Дмитриевича. Именно Иван Можайский в 1446 году пленил Василия и позволил на время Шемяке взять верх в Московском княжестве (в результате этого пленения Василий Дмитриевич был ослеплен Шемякой и получил прозвание Темный). Так что хотя в 1447 году Иван Можайский вместе с Шемякой и подписали (при посредничестве Михаила Верейского и Бориса Тверского) формальный мир с Василием Темным, однако отношения между Василием Темным и Иваном Можайским сохранялись враждебные. Поэтому сын Ивана вряд ли был бы направлен наместником великого князя, особенно в регион, на который часто покушался Дмитрий Шемяка (один из организованных им набегов имел место как раз накануне появления на Выми Ермолая, в 1450 году, а через год после того, как Ермолай приступил к правлению на Выми, Шемяка взял в плен епископа Пермского Питирима). А уж после того как Иван Можайский был лишен своего княжеского удела и с 1454 года оказался с женой и детьми в изгнании (и, в конце концов, был казнен в Москве в 1462 году), вряд ли Ермолай, будучи его сыном сохранил бы свой пост. К тому же летописцы, очевидно, охарактеризовали бы Ермолая как представителя рода можайских князей (по отцу), а не верейских (по дяде).

Судя по имеющимся данным, у Михаила Андреевича Верейского в 1470–1480-х годах имелся единственный сын, Василий, живший с ним в Верее, и одна дочь. Сын Василий Михайлович был женат на греческой царевне, племяннице великой княгини Софии (жены Ивана III), участвовал вместе с отцом в походе 1471 года на Новгород. Вскоре после 1482 года Василий Михайлович с супругой и детьми уехал в Литву из-за того, что Иван III решил забрать у него назад приданое жены, грозя тюрьмой за непослушание. Там, в Литве, он и жил до 1490-х годов, а потом, на исходе XV века, возможно,

вернулся в Россию вместе с двоюродным братом Семеном Ивановичем, сыном Ивана Андреевича Можайского. К этому времени Верейский удел был уже присоединен к Москве. Иван III отобрал его после бегства Василия Михайловича, затем дал Верейское княжество в управление Михаилу Андреевичу, но уже не как наследуемый удел, а как свое великокняжеское пожалование, «в пожизненное пользование». После смерти в 1485 году Михаила Андреевича Верейского Верея перешла к великому князю.

Дочь Михаила Андреевича Верейского не позднее 1445 года (а, скорее всего, существенно раньше) была выдана замуж за Бориса Александровича (князя Тверского с 1426 года). Вполне вероятно, что именно вскорости после его вокняжения Михаил Верейский и отдал за него дочь. Раньше это было сомнительно: во-первых, Борис и, очевидно, дочь Михаила Верейского были еще слишком юны, да и Борис не являлся особо выгодным женихом, поскольку шансы его на власть в Тверском княжестве выглядели довольно призрачно (правил его дед, затем престол доставался бы отцу, а после – старшему брату; и только «моровое поветрие», унесшее в могилу одного за другим троих тверских князей, двое из которых едва успели вступить на престол, позволило Борису стать великим князем Тверским – и то при этом пришлось выдержать нелегкую конкуренцию со своим дядей). Известно, что в 1446 году у Бориса Тверского имелась юная дочь Мария, ставшая позднее первой женой великого князя Ивана III.

Ермолай Вымский никак не мог быть сыном Василия Михайловича Верейского: в 1451 году он сам уже был в возрасте (вероятно, не менее 35 лет), поскольку имел двух вполне взрослых сыновей, Михаила и Василия, старший из которых был тогда же назначен великокняжеским наместником в Пермь Великую. Те же причины заставляют усомниться и в том, что появившийся на свет явно не позднее 1416 года (а то и раньше) Ермолай являлся сыном Бориса Тверского и его жены, дочери Михаила Андреевича Верейского. Тем более что в этом случае куда более вероятно было бы упоминание летописцев о принадлежности Ермолая к роду князей тверских (по отцу), а не верейских (по матери).

Остается несколько возможных вариантов происхождения Ермолая. Например, кроме двух сыновей, Ивана и Михаила, у Андрея Дмитриевича Можайского могла быть еще дочь, отданная в замужество, и Ермолай являлся ее сыном. В этом случае, правда, опять-таки непонятно, почему летописцы указывали его принадлежность к верейскому (материнскому), а не какому-либо иному княжескому роду (отцовскому). Разве что отец Ермолая к середине XV века уже умер, вдова лишилась владений и жила в Верее с братом. Если гипотетический отец Ермолая не был замешан в кознях против Василия Темного, то в благодарность за помощь, которую оказал Василию Темному Михаил Верейский, его племянника могли направить править Вымской землей (тем более, если отец Ермолая поддерживал Василия Темного в этих усобицах).

Можно сделать и другое предположение: Ермолай – старший сын Михаила Андреевича (появившийся на свет, когда отец его еще был весьма молод). В этом случае Ермолая и его сыновей, внуков Михаила Андреевича, тем более могли направить управлять Вымью и Пермью Великой в награду за поддержку Михаилом Верейским Василия Темного. И тогда вполне естественно, что летописцы указывают на их принадлежность именно к верейскому роду. В материалах, связанных с взаимоотношениями верейских князей с великим князем в 1470–1480-х годах, Ермолай не упоминается, поскольку к этому времени уже скончался на Выми (это произошло, очевидно, не позднее середины 60-х годов XV века, поскольку в 1465 году летопись упоминает в качестве князя Вымского не Ермолая, а лишь его сына Василия).

Странно, правда, что Ермолай нигде не упоминается в контексте бурных событий 1440-х годов, в которых активнейшим образом участвовали его предполагаемый отец Михаил Верейский и дядя Иван Можайский: ни в связи с борьбой против татарских набегов, ни в связи с княжескими усобицами. Меж тем, судя по вероятному возрасту Ермолая, ему было как раз впору проявлять свою ратную доблесть. Впрочем, князей и княжеских сыновей на Руси хватало с лихвой, деяния всех летописцам описать было не под силу. Однако не упоминают о каких-либо внуках Михаила Андреевича Верейского (кроме детей Владимира Михайловича и его сестры, бывшей замужем за тверским князем) и историки в связи с ликвидацией Верейского удела. Впрочем, претендовать на удел при жизни Михаила Андреевича его внуки, естественно, не могли, а в конечном итоге и само удельное княжество было ликвидировано.

Где была «коми столица»?

Итак, Ермолай был назначен наместником великого князя в Перми Вычегодской и стал титуловаться князем Вымским. Вместе с ним в Коми край приехал его сын Василий. Старший сын Ермолая, Михаил, стал наместником в Перми Великой. Его резиденция находилась в Чердыни. А вот где поселился Ермолай с Василием – опять-таки загадка. Предположений было немало. Первым претендентом на место пребывания княжеской резиденции является Княжпогост – казалось бы, само название этого селения (Княжеский погост) указывает на то, что именно здесь жили князья. Однако писцовые книги не сохранили никаких упоминаний о наличии в Княжпогосте каких-либо сооружений (укреплений) или вооружения, которые можно было связать с пребыванием тут наместников. Конечно, к началу XVII столетия (за более ранний период документы не сохранились) многое могло, что называется, пойти прахом. Но в ряде других селений укрепленные городки XV столетия хотя бы частично сохранились и в XVII веке. Почему же в Княжпогосте ничего такого не осталось? Кроме того, Княжпогост располагался хотя и на важном Чрезкаменном пути в Сибирь, шедшем из бассейна

Северной Двины в бассейн Печоры (с Выми и ее притоков на Ухту и Ижму) и далее за Урал, однако находился, в сущности, на окраине края, не очень подходившей для местопребывания правителя. К тому же эта местность находилась в опасной близости от не слишком дружелюбно настроенных племен «самояди» (ненцев), которые могли устроить набег на резиденцию (так что без укреплений было не обойтись). Скорее, в окрестностях Княжпогоста князь Вымский мог задумать устроить что-то вроде пограничного опорного пункта (в конечном итоге по каким-то причинам таковым стала Туръя).

Другой претендент – Усть-Вымь. Там во второй половине XV века существовал укрепленный городок, где, в частности, пребывал епископ Пермский. Местоположение Усть-Выми в центре края тоже делало этот населенный пункт удобным местом для княжеской «столицы». Здесь было поспокойнее, чем в Княжпогосте, хотя и сюда добирались враги с востока (вогулы, кочевавшие на верхней Вычегде). Однако епископу и князю было бы, пожалуй, тесновато жить в одном селении (как говорится, двум медведям в одной берлоге не ужиться). Да и стал бы наместник великого князя жить в вотчине епископа? Разве что в самом начале, по приезде в Коми край, Ермолай мог какое-то время гостить у епископа в Усть-Выми – до тех пор, пока не обустроил свою резиденцию (если, конечно, существовала такая необходимость).

Наконец, третий вариант – Яренский городок, известный еще со времен Стефана Пермского. Здесь с конца XIV века существовали оборонительные сооружения, так что в случае вражеского нападения (а время, напомним, было тревожное, на Руси лилась кровь) наместник мог укрыться от противника за прочными стенами. Яренск находился в отдалении от беспокойных восточных соседей (самояди и вогулов). Отсюда было поближе к Устюгу и другим русским землям, удобнее было поддерживать связи с ними, с Москвой. Сегодня Яренск воспринимается как западная окраина Коми. Но в XV столетии западная граница края (Перми Вычегодской) пролегла гораздо ниже по течению Вычегды, почти у устья Виляди, так что в то время Яренск отнюдь не был окраинным поселением. Поэтому вполне возможно, что именно Яренск был резиденцией вымских князей. Не случайно именно здесь позднее, уже в начале XVII века, располагалась резиденция уездного воеводы – главного должностного лица местного управления.

«...ведает во всем, кроме душегубства»

Князь Вымский управлял Коми краем по специальной «наказной уставной грамоте», в которой оговаривались его права и обязанности. Ему надлежало держать в покорности местное население, обеспечивать исправное поступление дани, выполнение повинностей, исполнять судебные функции, оборонять край от возможных вражеских нападений, строить укрепленные городки-крепости, собирать дружины и возглавлять их во время военных

походов. Князю помогали тиуны, доводчики и приставы. За свою службу, как отмечал историк В.Н.Давыдов, наместник получал с населения «кормь» – кормление. Князь Вымский управлял не всем населением Коми края. Усть-Вымь и ряд близлежащих селений входили в вотчину епископов Пермских, и здесь верховным владыкой был епископ, который, по словам документа, «ведает сам свои люди во всем, кроме душегубства» (т.е. суд над убийцами осуществлял не епископ, а князь Вымский). Прилузье подчинялось не Вымскому князю, а устюжскому наместнику.

Но это не означало полной ликвидации древних самоуправленческих начал в Коми крае. Напротив, традиционная система самоуправления продолжала играть в крае важную роль. Характерно, что даже административное деление Коми края было проведено с учетом существовавших территориально-племенных объединений древних коми, и образованные здесь во второй половине XV века земли и волости совпадали с территориями их расселения. В этот период древние коми (пермяне) населяли обширную территорию Европейского Северо-Востока по берегам рек, принадлежащих к Двинскому, Мезенскому и Камско-Вятскому бассейнам. На данной территории располагалось несколько территориально-племенных образований: пермяне пинежские (включая и пермян, живших к северу от р. Пинега, на притоке р. Кулой – Немьюге), удорские (вашские), вымские, нижневытегодские, вилегодские, лужские, сысольские (зыряне, сырьяне), ужгинские (сирьяне). На их основе и стали формироваться административно-территориальные единицы, получившие принятые в Русском государстве наименования: земли, волости, станы.

Во главе этих земель и волостей стояли сотники, избиравшиеся местным населением. Князья вымские не имели права заменять сотников по своей воле. Сотники выражали волю и интересы населения своих земель-волостей в отношениях с наместниками, епископами и даже с великокняжеской властью. Известно, например, что сотники обращались от имени вычегжан, удорцев и сысольцев к Московскому князю с жалобой на епископа Филофея и его людей, отнявших у коми «дедины и отчины» земли и угодья. Великий князь Иван III прислал епископу специальную грамоту с запрещением вмешиваться в дела, которыми должны распоряжаться сотники. Даже церковные сборы с местных жителей осуществляли не люди епископа, а выбранные населением старосты. Дани и даже «кормление» для князей Вымских князья и их чиновники не имели права собирать сами – это делали сотники и «десятники» (также выборные лица). Сотники, кроме того, участвовали в подписании мирного договора с вогульскими (мансийскими) князьями, возглавляли набранные в своих землях и волостях военные отряды во время походов. Все это говорит о сохранявшейся в Коми крае значительной автономии земель и волостей, о наличии в них самоуправления. Попытки наместников уменьшить автономные права вызывали острое сопротивление населения.

Коми край входит в Московское государство

Долго ли правил Пермью Вычегодской Ермолай Вымский, не известно. Во всяком случае, в 1465 году в роли князя фигурирует уже его сын Василий Ермолаевич. При нем Новгород в результате походов московского войска 1471 и 1477–1478 годов лишился самостоятельности и перестал предъявлять права на Коми край. Великому князю оставалось сделать последний шаг по объединению страны: провести описание земель и населения, вошедших в единое Московское государство. Но Василий Вымский до этого не дожил. Княжение его завершилось в 1480 году при весьма трагических обстоятельствах. Князь Василий решил построить на Выми возле Турьи новый укрепленный городок (вероятно, для защиты от возможных набегов «самояди» с северо-востока), однако местные жители взбунтовались и убили князя. Летопись сообщает: «Вымичем не любо тое городок строити: пошто нам этот городок и на кого, и посеки вымичи Василья князя насмерть».

После гибели Василия наместниками стали его сыновья Петр и Федор. При них уже на следующий год (1481) в Коми крае было проведено первое описание земель и населения, которое окончательно закрепило эту территорию в составе Московского княжества; длительный процесс вхождения Коми края в Русское государство завершился. В 2006 году исполняется 525 лет этому знаменательному событию.

Описание земель и населения 1481 года охватило большую часть Коми края (Вычегда, Вымь, Вашка, Сысола, верховья Камы): «Лета 6989 прислал князь великий Ивашку Гаврилова Вычегодские знамени и луки писати. Писал тое писец луки вычегодские, и вымские, и сысоленские, и удоренские, и владыки Филофея вотчину...». Очевидно, зафиксированный этим описанием регион представлял собой определенную территориальную и административную общность, единство – в отличие от юго-западной (Луза, Виледь) и северо-западной (Пинега, Немьюга) частей Коми края, которые не попали в описание 1481 года и, следовательно, принадлежали к иным территориальным объединениям.

В жалованной грамоте Ивана III 1484/85 года вышеупомянутая территориальная общность именуется Пермью Вычегодской. В Вычегодско-Вымской летописи Пермь Вычегодская именуется землей, как и соседние административно-территориальные образования того времени (II половина XV века) – Устюжская земля, Двинская земля. Согласно грамоте 1484/85 года, земля Пермь Вычегодская состояла из нескольких больших округов, часть которых – вероятно, вследствие своей обширности – также именовались землями: Вычегодской, Сысольской, Удорской, Вымской земель и Ужгинской (Ужговской) волости. Пермь Вычегодскую можно рассматривать **не только как административно-территориальное** (подобно соседним Двинской и Устюжской землям), **но в определенной степени и как этническое образование, поскольку она представляла собой основную часть этнической территории коми.** Этническая специфика сказалась и на сложении

территориально-административных округов внутри Перми Вычегодской: каждый из районов проживания территориально-племенных групп коми составил отдельный округ (Вычегодская, Сысольская, Удорская, Вымская земли и Ужгинская волость). Лишь один округ был образован не на территориально-племенной основе – Усть-Вымская вотчина епископов Пермских.

Петр Вымский погиб во время зимнего похода в Югру (за Урал) 1499–1500 годов. Его брат Федор Вымский в одиночестве правил Пермью Вычегодской еще два года – до 1502 года, когда великий князь направил князя в Пустозерский городок в низовьях Печоры – «правити на Пусте-озере волостью Печорою». В Вычегодском крае князья-наместники были ему уже не нужны, поскольку земли коми прочно вошли в состав Московского государства и к тому же перестали быть «порубежными». Теперь нужно было укреплять новые северо-восточные рубежи.

Кстати, вскоре, в 1505 году, расстался с должностью великопермского наместника и двоюродный брат Федора Вымского князь Матвей Михайлович. О нем мы тоже мало что знаем. Родился он, возможно, в 1462 году или чуть раньше, поскольку именно тогда епископ Иона Пермский ездил в Пермь Великую (Чердынь) и крестил «Михайловых княжат», то есть сыновей князя Михаила Ермолаевича. Когда Матвей сменил своего отца на посту наместника, не известно. Между прочим, в 1471 году Михаил Ермолаевич едва не лишился наместничей должности. В тот год великий князь Иван III послал отряды против казанских татар. Войско простояло под Казанью пять дней, но штурм так и не состоялся. Правитель Перми Великой Михаил Ермолаевич стал склоняться к поддержке казанцев. Осенью 1471 года Иван III послал на Каму войско, чтобы наказать самовольца-наместника. Отряд захватил Чердынь и другие города. Михаил был арестован, в 1472 году отправлен в Москву, но после того как поклялся в верности великому князю, отпущен назад «на Пермь-ж княжити». Долго ли еще ему довелось быть наместником, не известно. Видимо, больше он супротив воли великого князя не выступал, поскольку со временем власть в Перми Великой перешла по наследству к его уже упоминавшемуся сыну Матвею.

После ликвидации в 1502 году власти князей Вымских в Коми крае других наместников в Пермь Вычегодскую, очевидно, не назначили. В 1505 году скончался Иван III. В его завещании были указаны в числе других земель и волостей, доставшихся старшему сыну Василию, «Вычегра» (Вычегда), Вымь, Удора, Сысола, Печора, Устюг, Пинега, Мезень, Немьюга, Югра, Пермь Великая и др. Как видно, Пермь Вычегодская как единое образование в этом документе не указана, а названы в отдельности ее составные части. Возможно, после того, как Федор Вымский был переведен на Печору, Вычегда, Вымь, Сысола и Удора не имели общего управителя-наместника и управлялись либо назначенными в эти земли-волости волостелями, либо своими выборными сотниками.

«Выборные земские люди»

В 1555 году была отменена система кормлений. Эта земская реформа и полученные в результате ее проведения от Ивана Грозного жалованные и уставные грамоты дали землям-волостям Коми края значительные права самоуправления, автономию. Крестьяне Лузской Пермцы, например, получили такую грамоту в том же 1555 году. Согласно этой грамоте, устюжским и сольвычегодским наместникам запрещено было собирать здесь подати и вершить суд; эти права предоставлялись «выборным земским людям». Вероятно, аналогичные грамоты получили и некоторые другие (а, возможно, и все) земли-волости края, управлявшиеся выборными лицами. Старосты ведали раскладкой и сбором налогов, судили людей и «управу чинили» по уставной грамоте и «Судебнику» (стоит отметить, что в Коми крае в конце XVI века, вероятно, был в употреблении своеобразный «Зырянский судебник», упоминания о котором сохранились в документах XVII века, и который, видимо, содержал некоторые отличия по сравнению с общерусским «Судебником»).

На территории Вычегодского уезда (бывшей Перми Вычегодской) в 1580-х годах было восемь крупных земель-волостей: Вычегодская земля, Плесовская волость, Сысольская волость, Усть-Вымская вотчина, Вымская земля, волость Ужга, Удора и Глотова Слободка.

На автономии некоторых земель Вычегодского уезда конца XVI века обратил внимание еще в середине XIX века исследователь А.Градковский: «Централизация уживалась с сильнейшим административным дроблением страны. Правительство не только допускало беспрепятственное сношение каждой общественной единицы с Москвою, но постоянно допускало дробление уже существующих волостей на новые. В 1591 году крестьяне Глотовой Слободки жаловались царю, что им неудобно подати платить с другими волостями... Царь пожаловал слобожан и велел им подати платить и к Москве привозить в царскую казну, а в прочие волости ни в какие подати не тянуть».

Самостоятельность земель-волостей не была полной; при всей своей автономии в судебном и податном отношениях все они являлись частями более крупной административно-территориальной единицы, что прослеживается по документам. Так, грамота Ивана IV 1582 года выделяет на территории бывшей Перми Вычегодской (Вычегодского уезда) четыре относительно самостоятельных административно-территориальных образования: Вычегду Яренского городка, Вымь, Сысолу и Удору. В грамоте не названы остальные земли-волости (Ужгинская, Плесовская и другие) – возможно, потому, что они входили в состав перечисленных четырех районов. Например, Плесовская волость, Усть-Вымь и Сойгинский монастырь вместе с Вычегодской землей-волостью – в «Вычегду Еренского городка» (можно назвать ее «Большой Вычегдой»), чтобы избежать путаницы), Ужга и Верхокамье вместе с Сысольской землей – в «Сысолу» («Большую

Сысолу»), Глотова Слободка вместе с Вымской землей и Вишерой – в «Вымь» («Большую Вымь»). Пока это лишь предположение, хотя, судя по контексту грамоты 1582 года, данная возможность не исключена: в грамоте речь идет явно о всей территории Вычегодского уезда. М.А.Мацук пишет, что источники XVII века содержат сведения о попытках подчинения Ужгинской волости Сысольской земле. Подобные факты могли иметь место и в других районах края, и в более раннее время.

Каждый из этих четырех крупных округов управлялся выборными лицами – сотниками. В 1582 году вычегодским сотником был Григорий Иванов сын Кузнец, вымским сотником – Андрей Сухонос, сысольским – Федор Ларионов сын Смирной, удорским – Артей Першин. Им подчинялись другие должностные лица земель-волостей. Центром «Большой Вычегды» был, несомненно, Яренск, центром Удоры – вероятно, Важгорт, центром «Большой Сысолы» – Вотча, центром «Большой Выми» – Турья. Совокупность всех четырех вышеперечисленных округов в грамоте именуется «Еренский (Яренский) городок и уезд», а жители – «вычегжанами». Источники не сохранили сведений о том, какое должностное лицо возглавляло «Еренский городок и уезд» и было ли оно вообще (воеводское управление было введено здесь только в начале XVII в.).

Некоторые сведения о системе управления Коми краем во второй половине XVI века содержатся в записках англичанина Д.Флетчера, побывавшего в Московии в 1588–1589 годах. Флетчер писал: «Что касается Печоры, Перми и той части Сибири, которая теперь принадлежит Царю, то их удерживают (в подчинении – *Авт.*) тем же простым способом, каким они были покорены, то есть более грозой меча, нежели самим оружием. Во-первых: Царь... содержит в них... гарнизоны, хотя и незначительные по числу солдат, но достаточные для удержания туземцев в повиновении. Во-вторых: здешние начальники и судьи все Русские и сменяются Царем очень часто, именно, каждый год по два и по три раза, несмотря на то, что здесь нечего слишком опасаться какого-либо нововведения. В-третьих: он разделяет их на многие мелкие управления, подобно трости, переломленной на несколько мелких частей, так что, будучи разделены, они не имеют никакой силы...» Учитывая, что сотники и прочие должностные лица земель-волостей избирались населением из местных жителей, а не назначались царем из русских, то можно предположить, что в записках Д.Флетчера речь идет о назначавшихся царем номинальных главах всего «Еренского городка и уезда», скорее всего, даже не имевшими реальных властных полномочий, принадлежавших земским сотникам. Однако не исключено, что Флетчер имел в виду в своей книге старую, уже вышедшую из употребления после реформы 1555 года систему «кормлений».

Рождение уездов

В XVI веке основной единицей административно-территориального деления Русского государства стал уезд, постепенно сменивший прежние

земли (процесс образования уездов в стране завершился в начале XVII века). В соответствии с этой тенденцией термин «уезд», видимо, стал употребляться в документах того времени применительно ко всем бывшим землям, в том числе и к земле Перми Вычегодской, хотя, как уже говорилось выше, вполне вероятно, что с 1502 года единого административного управления этой землей не было и как административная единица она фактически не существовала. К бывшей Перми Вычегодской термин «уезд» стал применяться с середины XVI века: в 1546 году впервые в документах отмечен «Вычегодский уезд», позднее употреблялись также термины «Вымский уезд» и уже упоминавшийся «Яренский городок и уезд».

Однако, быть может, «уезд», объединявший четыре крупных упомянутых выше округа, существовал лишь формально, имел чисто географический смысл как название определенной исторически сложившейся территории, не имевшей в тот момент своего органа управления (подобно названию «Поморские города» или «Поморье», употреблявшемуся в делопроизводстве XVI–XVII веков применительно к территории Русского Севера и не подразумевавшего наличия административного единства названной территории). На самом деле отдельными «уездами» с большим основанием можно было бы назвать Вычегду, Сысолу, Вымь и Удору. В пользу такого предположения говорит и то, что в грамоте 1582 года названные округа именовались не только «волостками» или «землицами», но и «уездами». Употребление в одном документе разных терминов свидетельствует, во-первых, о незавершенности реформирования самой системы административного деления, о неустоявшихся еще терминах, а во-вторых, о некотором «промежуточном» положении Вычегды, Сысолы, Выми и Удоры между старыми землями-волостями и формировавшимся уездом. Стоит напомнить, что и в завещании Ивана III 1505 года в числе самостоятельных земель перечислены те же Вычегда, Сысола, Вымь и Удора, что и в 1582 году. Таким образом, возможно, что четыре этих административных образования на протяжении почти всего XVI века, в сущности, являлись самостоятельными землями (уездами) и лишь формально числились составными частями Перми Вычегодской или Вычегодского (Вымского, Яренского) уезда.

При проведении описания 1586 года в системе управления некоторыми из названных больших административно-территориальных образований произошли изменения. В частности, «Большая Сысола» была разделена на части: Верхокамье было передано под юрисдикцию Перми Великой, а Ужга получила своего собственного сотника. В сотных с писцовой книги 1586 года назван «Ужговского погоста сотник Иван Григорьев» и сотник Федор Иванов сын Большой, живший в погосте Иб Большой и, очевидно, управлявший Сысольской землей.

О каких-либо изменениях в управлении остальными тремя большими округами сведений нет. Вычегодским сотником в 1586 году являлся Тимофей Иванов, живший в д. Другой Базлук волости Вадья. Материалы описания

1586 года по Удоре и Выми не сохранились. В сотной с писцовой книги 1586 года на Глотову слободку сотник не отмечен, а в более поздней царской грамоте 1593 года, адресованной жителям Глотовой слободки, из должностных лиц указаны только «старосты и целовальники». Можно, следовательно, заключить, что Глотова слободка своего сотника не имела и входила в состав какого-то более крупного объединения – либо, по-прежнему, Выми (в пользу этого свидетельствует тот факт, что грамота 1593 года адресована «на Вымь в Глотову слободку»), либо более близкой Удоре (в сотных с писцовой книги 1586 года на Вычегодскую и Сысольскую земли отмечается некоторая обособленность обитателей Удоре и Глотовой слободки от сысольских, вымских и вычегодских жителей в податном отношении; если «вымичам», «сысоличам», «усть-вымичам», «плесовичам», «вычегжанам» предлагалось «в службу и в подать, и во всяких розметах сщитатися» друг с другом, то «до Удоре им и до Глотовы слободы дела нет»). Завершение формирования Яренского уезда как единого целого относится уже к началу XVII века.

На территории соседней Устюжской земли во второй половине XVI века происходило формирование нескольких уездов – в частности, Сольвычегодского (Усольского), в состав которого вошли низовья Вычегды, Прилузье и Виледь. О существовании «Усольского уезда» говорится уже в грамоте Ивана IV 1582 года, однако в то время этот уезд еще не был окончательно оформлен. Сольвычегодские выборные люди предприняли даже попытку добиться включения территории бывшей Перми Вычегодской в складывавшийся Усольский уезд и в 1582 году послали в Москву «своего посацкого человека Петра Осеева бити челом. А сказал де тот их челобитчик Петр Осеев, что де будто Еренской городок и Вымь, и Сысола, и Удоре с усольцы один уезд». Челобитчику удалось ввести в заблуждение государевых дьяков, и те выдали ему грамоту о сборе денег совместно с усольцев и вычегжан. Вычегжанам с трудом удалось доказать, что к «Усольскому уезду» они отношения не имеют. Окончательно Сольвычегодский уезд, согласно Вычегодско-Вымской летописи, отделился от Устюга в 1590 году: «Лета 7098 отписал князь великий Феодор Иванович Вычегоцкие Соли от земли Устюжские и повеле ведатися тому Усолю присуды порознь, а Луские Пермцы и Вилегоцкое Пермцы к Усолю же отписал».

К концу XVI – началу XVII века сложился и Пустозерский уезд. Его формированию способствовал рост территории и населения Пустозерской волости. Отметим, что термин «уезд» был применен один раз к Пустозерской волости еще в платежнице 1575 года, хотя тогда уезда как такового еще не существовало. Употребление названия «Пустозерский уезд» в тексте документа указывало на самостоятельность волости по отношению к соседним административно-территориальным образованиям.

Воеводы у власти

На рубеже XVI–XVII веков положение стало меняться. В Русском государстве шли процессы централизации управления, укреплялась госу-

дарственная власть на местах. Вначале правительство распорядилось, чтобы кандидатуры сотских обязательно утверждались в столице, что поставило местное самоуправление под более жесткий контроль центра. А в 1606 году в Яренском уезде было введено воеводское управление, и, как подчеркивается в «Истории Коми АССР», «волости были лишены всех прав самоуправления и полностью подчинены воеводам и их администрации». Вероятно, с появлением воевод были упразднены должности сотников. Аналогичная ситуация была и в других уездах.

Воеводы назначались царем из числа русских дворян, поскольку своей аристократии в Коми крае не было; обычно они управляли уездами от года до трех лет. В ведении воеводы, отмечается в книге М.А.Мацука «Коми край от Бориса Годунова до Петра I», «находились вопросы обороны уезда, суда, поддержания... правопорядка. Он отвечал за исправный сбор податей и выполнение повинностей крестьянами». Воеводе подчинялись подъячий (делопроизводитель; во второй половине XVII века их стало двое), 6–8 приставов (они несли полицейскую службу, выполняли различные поручения воеводы, связанные с разъездами по уезду) и тюремные сторожа. Почти все они назначались из числа местных жителей. Канцелярия воеводы именовалась приказной избой; размещалась она, естественно, в уездном центре – Яренске.

Более крупных административно-территориальных единиц, объединявших бы несколько уездов, в то время не существовало. Уезды подчинялись напрямую московским ведомствам (приказам). Любопытно, что уезды, в которых проживали коми, оказались в подчинении разных ведомств. Сольвычегодский уезд находился в ведении приказа Дворцовой (позднее – Устюжской) четверти, Пустозерский уезд – в ведении приказа Новгородской чети. Яренский уезд долго «кочевал» из ведомства в ведомство, пока, наконец, как и Пустозерский уезд, не оказался в приказе Новгородской чети.

Население Коми края встретило нововведение с воеводским управлением в штыки. В Москву посыпались жалобы с душераздирающими подробностями воеводского лиходейства: воеводы «бьют их и мучат и в тюрьму сажают и в железа куют и за приставы дают и заграживают (угрожают) для своей бездельной корысти», и местным жителям «чинятся великие убытки». То ли дело, подчеркивали жалобщики, было в прежние времена, когда батюшка-государь разрешал им вести сбор налогов и судопроизводство по своему разумению – не было никаких злоупотреблений. Прилузские коми особо подчеркивали свое особое положение в Сольвычегодском уезде: «...живем мы от городов в дальнем расстоянии и язык у нас свой».

Основания для жалоб у местных жителей были, и немалые. Одним из наиболее ярких примеров является случай с введением нового налога («стрелецких денег») в 1614 году. Конечно, радости от этого населению не было никакой, но что делать – платить приходилось всем. Казалось бы, какие могут быть сложности при распределении («разверстке») налога, для кото-

рого существовала окладная единица – «сошка» (определенное количество пахотной земли). Ан нет – сошки-то существовали разные. В соседних с Коми краем уездах «разверстку» провели по «большой московской сошке», а в Яренском уезде – по местной «сошке», которая была в восемь раз меньше (должно быть, воевода решил «перевыполнить план» по сбору налогов и выслужиться перед столичным начальством). В результате удорцы, вымичи, вычегжане и сысольцы неожиданно для себя оказались обладателями куда большего количества «сошек» пахотной земли, чем их соседи – а налог-то взымался именно с «сошки» (независимо от того, большая она или маленькая)! Естественно, что и платить им пришлось бы гораздо больше.

К счастью, местные выборные лица быстро разобрались в воеводских хитростях и растолковали суть дела населению. Возмущение было велико. Как повествует документ, волостные люди «тот оклад не взяли, задались сильны и воеводе Сивергу не послушались, рвали приказным бороду, приставов и сборщиков побили, облаяли». Налог в тот год не был выплачен вообще, а на следующий год налогообложение провели уже справедливое – по «большой сошке». Крестьянам, впрочем, пришлось уплатить воеводе и подьячему штраф за непослушание и буйство («за бороду»).

Век Коми автономии

Тем не менее, XVII век можно без всякой иронии назвать веком коми автономии. Московские начальники в конце концов рассудили, что для них самое важное – это своевременное и полное поступление налогов в бюджет, а для этого немаловажно, чтобы налогоплательщики не разорялись и были в состоянии платить. И вот в 1629 году царь Михаил, первый из династии Романовых, пожаловал Сысольской земле грамоту, по которой сысольцы получили права самоуправления в судебной и налоговой сферах. Отныне «воеводам Еренского городка ведать и судить их ни в чем не велено, и разсылщиков не посылать». В 1630 году такую же грамоту получила Ужгинская волость. Добились самоуправления также Удорская волость, волость Глотова слободка (на верхней Мезени), Лузская Пермца, Вишерская и другие верхневыхегодские волости.

Эти «отхожие волости» обладали значительной долей самостоятельности. Они управлялись выбиравшимися из числа «добрых» (состоятельных) людей должностными лицами и по всем вопросам, связанным со сбором налогов и судопроизводством, обращались напрямую в Москву, минуя уездных воевод. Правительство определяло лишь общие размеры налогов, которое оно считало нужным получить с той или иной земли и волости. Как эти налоги распределялись между местными жителями, в зависимости от чего устанавливалась сумма налога на каждое хозяйство, решали на местах. Главным должностным лицом «отхожих волостей» (так назывались получившие самоуправление волости) стал земский судья, избиравшийся на один год. Он отвечал «за исправную уплату податей и выполнение

повинностей крестьянами, ...правопорядок и суд». В низовых административных округах – погостах – этими же вопросами ведали целовальники. Они тоже избирались на один год и подчинялись земскому судье.

Делопроизводство вели подчинявшиеся судье и целовальникам земские дьячки, которых нанимали на один год на средства, собираемые с крестьян. По предположению М.А.Мацука, крестьяне избирали также земского пристава, подчинявшегося судье и выполнявшего полицейские функции. В 1681 году появилось еще одно выборное должностное лицо – десятский (избиравшийся от каждых 10 дворов). Он был ответственен за то, чтобы «никакова воровства не было и пития продажного, ни зерни и душегубства, ни табаку и брань хмельных» (из книги М.А.Мацука «Коми край от Бориса Годунова до Петра I»).

В той части Коми края, которая не получила автономии от уездных властей, тем не менее также имелись органы самоуправления. В Вычегодской и Вымской землях избирались земские старосты, отвечавшие за раскладку налогов; им и воеводе подчинялись целовальники, избравшиеся по погостам. Земские старосты должны были отстаивать интересы населения своих земель перед воеводой и центральными властями и, действительно, пытались сделать это и даже жаловались порой на воеводу в Москву; однако земские старосты, в сущности, зависели от воеводы, поскольку не имели своего управленческого аппарата и без ведома и согласия воеводы мало что могли сделать.

Местные выборные власти многое старались делать для облегчения налогового бремени. Например, на положении местных крестьян тяжело отражались такие повинности как посылка на строительство речных судов в Зауралье, на обслуживание «ямской гоньбы» (перевозки грузов и людей по дорогам), что надолго отрывало людей от своего хозяйства. Органам местного самоуправления в Коми крае удалось добиться замены этих повинностей денежными выплатами.

Воеводам, надо сказать, подобная автономия не нравилась, и они норовили время от времени вмешаться во внутренние дела «отхожих волостей», невзирая на жалованные государем грамоты. Жители Вашки и Мезени, например, в середине XVII века жаловались в столицу, что уездные власти «государевых грамот не слушают», «приставов присылают многих и правят по себе многие поминки» (подношения, подарки); «сходит деревня с них (удорцев) воеводам на всякие расходы больше 100 руб. да приставам по 50 и больше» (думаю, излишне напоминать, что те рубли с современными несопоставимы...). В 1648 году на Удору прибыли посланцы яренских «кабацких голов», но местные жители их «на кабак не пустили и из волости выбили вон». Правительство присылало подтверждения жалованных грамот, и воеводы нехотя оставляли «отхожие волости» в покое. В 1653 году яренский воевода отправил царю грамоту, в которой обиженно констатировал: «Я холоп твой на Выми в Яренском городке на посаде и во всем

Яренском уезде, опричь Сысо́льских волостей и Ужги, и Глотовы слободки, и Удоры, и Вишеры, которых волостей крестьян холоп твой ничем не ведаю...».

Только Вымь и нижняя Вычегда оставались под управлением яренского воеводы. Показательно, что переписная книга Яренского уезда 1710 года, в которой должны были фиксироваться все населенные пункты и жители уезда, охватила только нижнюю Вычегду и Вымь. В нескольких правительственных указах второй половины XVII века Сысо́льские волости даже были названы «Сысо́льским уездом», что ярко подчеркивает их самостоятельность в судебной и податной сферах. Как пишет М.А.Мацук, в то время «в Новгородской четверти твердо было уяснено, что эти волости только формально числятся в составе Яренского уезда».

Впрочем, Москва иной раз пугала местных жителей тем, что может вернуть их под власть воевод. Стоило удорцам в 1650 году замешкаться с выплатой налогов, как столичное начальство грозно предупредило: «И буде учнут ослушаться и тех денег вскоре не пришлют, и их по-прежнему ведать Еренскому воеводе и за ослушание учинят старостам и судейкам наказание беспощадно». Страх лишиться самоуправления был велик, и недоимка была спешно отправлена в Москву... Особенно бузить местным жителям не давали, тем более когда дело касалось государственных интересов. В 1630-х годах решено было построить в Яренске новый острог, и жителям Сысо́льской земли и Глотовой слободки приказали прислать в город людей. Местные жители, ссылаясь на свое особое положение, отказались выполнить приказ. Наказание последовало быстро – прибыл отряд стрельцов, дабы «тех волостей выбрав пущих воров и горланов человек двух или трех, бив кнутов, посадить в тюрьму на три дни, чтобы на то смотря, вперед им неповадно было воровать – государеву указу ослушаться». Так под знаком борьбы двух тенденций – за централизацию и за автономизацию управления – и прошло XVII столетие.

Столетие реформ

XVIII столетие стало в России веком реформ. Не раз изменялась, в частности, система административного деления и управления регионами. Громоздкая система административно-территориального устройства затрудняла деятельность государства. Уездные власти, во главе которых с 1699 года, как пишет историк М.А.Мацук, стоял уже не воевода, а бурми́стр (бургомистр), напрямую сообщались с Москвой. Земли и волости коми сохраняли свою автономию. В 1703 году в Усть-Сысо́льском погосте была даже образована еще одна (наряду с яренской) приказная изба (уездная канцелярия). Бурные события первой четверти XVIII столетия (Северная война России со Швецией, крестьянское восстание под руководством К.Булавина на Дону, бунты в городах) потребовали реформирования государственного управления.

Для того, чтобы сделать более четкой систему управления регионами, в 1708 году Петр I ввел новые административно-территориальные единицы – губернии. Сначала их было восемь. Губернии делились на уезды. Пустозерский и Сольвычегодский уезды вошли в Архангелогородскую, а Яренский и Хлыновский (в его составе находилось несколько коми селений в среднем течении р. Летка) – в Сибирскую губернию. Губернатору подчинялись уездные власти. Через некоторое время выяснилось, что губернии оказались слишком обширными. В составе каждой из них находилось очень много уездов, и руководить ими из губернского центра было трудно.

На смену прежним административно-территориальным округам, обладавшим определенной спецификой формирования, связанной с этническим составом населения или с какими-либо историческими особенностями сложения территории, должны были прийти новые округа, сформированные по одному общему принципу – численности населения. В 1710 году была введена новая единица – доля. Первоначально она функционировала лишь как счетная единица при учете населения (одна доля составляла примерно 5,5 тыс. дворов), а с 1715 года стала и территориальным округом во главе с ландратами (одной из главных задач последних являлось проведение новых переписей населения). Приказную избу в Яренске заменила ландратская канцелярия. Усть-сысольская приказная изба была, видимо, ликвидирована.

Стремление уравнивать количество населения каждой доли привело к тому, что сосуществование долей и уездов (последние очень сильно различались между собой по численности жителей) в рамках одной системы административного устройства лишало систему управления нужной четкости. В различных случаях доля то совпадала с уездом, то объединяла несколько уездов, то, наоборот, уезд делился на несколько долей: всё зависело от численности населения уездов. Из-за недостаточной продуманности этой реформы введение долей оказалось недолговечным.

В 1719 году губернии были разделены на провинции. Архангельская губерния состояла из четырех провинций: Двинской (или Холмогорской – провинция губернского города Архангельска), Вологодской, Великоустюжской и Галицкой. Уезды упразднились, вместо них вводились дистрикты. Первоначально предполагалось, что дистрикт станет округом с одинаковым числом дворов в каждом из них (подобно доле). Но на Европейском Северо-Востоке и в Коми крае, в частности, дело свелось лишь к переименованию уездов в дистрикты, границы же их остались без изменений. Пустозерский дистрикт вошел в Двинскую провинцию, Сольвычегодский и переданный в Архангельскую губернию Яренский дистрикты – в Великоустюжскую провинцию. Хлыновский дистрикт находился в составе Вятской провинции Сибирской губернии.

Дистриктами руководил земский комиссар, подчинявшийся губернатору. Ландратская канцелярия была заменена канцелярией земского комиссара. Комиссар и его канцелярия, как отмечается в «Истории Коми АССР»,

«кроме полицейских дел и сбора налогов, ведали состоянием дорог, эксплуатацией государственных имуществ, надзором за исполнением повинностей (рекрутской... и пр.)». «Следы былой относительной автономии отдельных земель-волостей исчезают». Выборные должностные лица (десятские, сотские, старосты) подчинялись земскому комиссару. В 1719–1720 годах была организована городская ратуша в Яренске. Ее ратманы (депутаты) избирались из самых богатых городских купцов. В 1722 году введена единая система чинов («Табель о рангах»), которая должна была узаконить замещение постов в государственном аппарате по личным заслугам, способностям и опыту. Чиновничество разделили на классное (табельное, 14 классов) и внеклассное – канцеляристы, копиисты, подканцеляристы (позднее, с 1764 года чиновникам стали выплачивать государственное денежное жалование, хотя практиковалась по-прежнему и раздача земель высшим чиновникам). В 1724 году в Яренске появился новый орган управления – канцелярия Выборгского полкового двора, введенная «в целях уточнения подушной подати, усиления военно-карательных средств на местах, а также содержания войск, проведения рекрутских наборов и выполнения судебных функций».

Но все эти нововведения не удовлетворили правительство. Вскоре в столице, видимо, решили, что «старый друг лучше новых двух» и в 1727 году постановили: «Всех лишних управителей, и канцелярии и конторы земских комиссаров и прочих тому подобных вовсе отставить и положить всю расправу и суд по-прежнему на губернаторов и воевод». Дистрикты были упразднены, вновь введены уезды (название «уезды», надо сказать, употреблялось в официальных документах и раньше, невзирая на их официальную отмену в 1719 году). Тогда же Вятская провинция (а с ней и Хлыновский уезд с коми селениями на средней Летке) отошла от Сибирской губернии к Казанской. Воевода и его «товарищ» (заместитель, помощник) сосредоточил в своих руках всю полноту административной, хозяйственной и судебной власти в уезде; он отчитывался перед губернатором.

Уезды делились на волости, приходы или погосты, население которых избирало своих десятских и других должностных лиц. Усть-Вымская вотчина Вологодского архиепископа управлялась назначавшимися им должностными лицами. В 1764 году вышел указ о секуляризации церковных имуществ; вотчина архиепископа была ликвидирована, а крестьяне входивших в нее селений стали подведомственны светской власти – так называемой коллегии экономии (поэтому их называли «экономическими крестьянами»). Кроме подведомственности, они ничем не отличались от государственных крестьян и имели те же органы самоуправления.

В 1775 году началась новая реформа местного управления. Екатерина II решила упразднить прежние губернии, провинции и уезды и создать новые единицы, примерно одинаковые по количеству жителей: государство разделялось на новые губернии с 300-400 тыс. жителей, а губернии – на уезды

с 20-30 тыс. жителей. В 1780 году было образовано Вологодское наместничество, состоявшее из трех областей: Архангельской, Вологодской и Великоустюжской.

Яренский уезд был разделен на четыре части: Пысская волость отошла к Мезенскому уезду Архангельской области, четыре нижневыхгодские волости (Пустынская, Чакульская, Урдомская и Сойгинская), где к этому времени уже, очевидно, не оставалось коми – к Сольвычегодскому уезду Великоустюжской области, а на остальной территории были образованы Усть-Сысольский и новый Яренский уезды, тоже относившиеся к Великоустюжской области. Территорию бывшего Пустозерского уезда (он был упразднен) включили в Мезенский уезд.

Бывшая Лузская Пермца (Лузская четверть) Сольвычегодского уезда была в 1780 году передана в новый Лальский уезд Великоустюжской области. Слудка, Прокопьевка, Гурьевка и другие коми селения на средней Летке составляли Слудскую (позднее Прокопьевскую) волость Орловского уезда вновь образованной Вятской губернии. 31 декабря 1796 года Лальский уезд был упразднен; верхняя Луза, начиная с Лоемской волости, и верхняя Летка вошли в Усть-Сысольский уезд.

В 1784 году Архангельская область была преобразована в наместничество. В 1796 году Архангельское и Вологодское наместничества преобразовали в губернии, Великоустюжскую область ликвидировали. В 1797 году по указу Павла I проведена реформа низового административного управления. Вместо существовавших волостей, погостов, приходов вводился единый округ – волость, в каждой из которых должно было насчитываться примерно три тысячи ревизских душ. Созданные на территории Коми края новые волости были гораздо крупнее предшествовавших. В Яренском уезде осталось пять волостей вместо двадцати четырех, в Усть-Сысольском уезде – восемь вместо тридцати.

Таким образом, к концу XVIII века сложилась трехступенчатая система административно-территориального деления волость – уезд – губерния, не учитывавшая этнические особенности населения. (Необходимо подчеркнуть, что, строго говоря, волости являлись не столько территориальными подразделениями уезда, сколько единицами крестьянского самоуправления и суда. Как отмечает П.П.Котов, волости включали в себя только крестьянские земли, которые не покрывали всей площади уезда, а располагались отдельными участками среди угодий казны, купцов и т.п., часто чересполосно. В уездах имелись большие участки, где вообще не было крестьянских земель, постоянных селений и угодий, входивших бы в состав какой-нибудь волости). Эта система показала себя достаточно жизнеспособной в условиях самодержавного государства и просуществовала, частично реформируясь, до 1920-х годов.

Надо особо подчеркнуть, что Екатерининская реформа не сводилась только к перекройке административных границ. Как считают ученые

О.А.Омельченко и В.Б.Макаров, императрица, в сущности, изменила конструкцию регионального управления: доминирующее место в ней заняли «чиновники ведомств и учреждений, действующие строго по предписаниям государственного закона», «внешне независимые, но регламентированные почти абсолютно во всей своей административной деятельности». Чрезвычайно важно, что были расширены полномочия местных органов управления, появились коллегиальные властные учреждения (по крайней мере, на губернском уровне), складывалась система разделения властей по отраслям управления. В книге видного российского историка Н.П.Ерошкина «История государственных учреждений дореволюционной России» выделены три основных группы должностных лиц и учреждений, осуществлявших управление на местах: административно-полицейские, финансово-хозяйственные и судебные.

На уровне уездов, в состав которых входила территория Коми края, это выглядело следующим образом. Главным административно-полицейским органом в уезде являлся нижний земский суд, которым руководил земский капитан-исправник, подчинявшийся губернатору. Он должен был избираться на три года местным дворянством. Однако в таких уездах, как Усть-Сысольский и Яренский, дворян почти не было, а дворянские имения отсутствовали вовсе, поэтому кандидат на должность капитана-исправника определялся губернским правлением по представлению «трех достойных людей от верхней расправы» – губернского судебного учреждения.

В состав нижнего земского суда входили также два заседателя, также избиравшиеся дворянами уезда. В определенной степени появление нижнего земского суда можно рассматривать как шаг к созданию коллегиальных органов власти в уезде. В функции этого органа входили охрана «благочиния, добронравия и порядка», проведение в жизнь указаний и распоряжений вышестоящих властей, а также судебных приговоров. Кроме того, нижний земский суд осуществлял предварительное следствие по уголовным преступлениям. На губернском уровне административно-полицейские функции были возложены на губернатора, губернское правление и приказ общественного призрения.

Финансовыми и хозяйственными делами в уезде занималось уездное казначейство. Оно подчинялось губернской Казенной палате, возглавлявшейся вице-губернатором. В ведении уездного казначейства находились источники государственных доходов – подати, налоги, винные откупа и др., а также проведение ревизий податного населения. Судебные функции в уездах возлагались на суды первой инстанции, разделенные по сословному принципу: уездный суд (для дворян; его глава, уездный судья, и заседатели избирались местными дворянами), городской магистрат (для горожан) и нижнюю расправу (для крестьян). При уездном суде существовала дворянская опека – орган, охранявший имущественные права несовершеннолетних или недееспособных взрослых дворян-собственников.

Появился в уезде и прокурорский надзор за исполнением законов, осуществлявшийся уездным стряпчим (он подчинялся губернскому прокурору); полномочия уездного стряпчего были невелики, но, как справедливо отмечает исследователь В.Б.Макаров в своей книге «История государственного управления и местного самоуправления в России (IX в. – 1917 г.)», важен уже сам факт создания прокурорского надзора. Сословные суды высшей инстанции располагались в губернском центре – верхний земский суд, губернский магистрат и верхняя расправа. Там же функционировали палата уголовного суда, палата гражданского суда (важнейшие губернские суды, являвшиеся апелляционными инстанциями) и совестный суд (там рассматривались гражданские тяжбы, сложные в квалификации дела и преступления недееспособных лиц).

Чин капитана-исправника относился к 9 классу «Табели о рангах» (этому классу соответствовали армейский чин капитана, флотский – капитан-лейтенанта и гражданский чин титулярного советника). Прочие чиновники уездных органов принадлежали к более низким классам (коллежский, корабельный, губернский, провинциальный секретари, сенатский, синодский, кабинетский и коллежский регистраторы). Все высшие должности в местном аппарате управления занимали русские дворяне и чиновники, делопроизводство и судопроизводство велось исключительно на русском языке. Чиновниками становились исключительно мужчины. Как отмечают исследователи, Екатерининская реформа предполагала усиление роли дворян в местном управлении, в особенности на уровне уездов. Этому должно было содействовать введение выборности руководящих органов власти уездным дворянством, а также широкое привлечение дворян «в ряды растущей чиновной бюрократии» не путем принуждения к обязательной службе, как в Петровскую эпоху, а с помощью финансовой заинтересованности, пропаганды значимости и престижности государственной службы, обращения к чувству долга перед государем и Отечеством.

«Грамота на права, вольности и преимущества благородного дворянства» 1785 года гласила, что «всякой благородной дворянин обязан по первому позыву от самодержавной власти не щадить ни труда, ни самого живота для службы государственной». Однако всего этого оказалось недостаточно для достижения поставленной цели. Вместо ожидавшегося укрепления позиций дворянства в региональном государственном аппарате наблюдался обратный процесс: получившие «вольность» дворяне покидали ставшую необязательной государственную службу, а их место занимала чиновная бюрократия.

В таких регионах, как Коми край, где отсутствовало помещичье землевладение, и дворян в уездах было очень мало, процесс постепенной замены дворян-управленцев бюрократией должен был протекать еще явственнее. Хотя, разумеется, в Коми крае невелик был и кадровый резерв для занятия чиновничьих должностей в «присутственных местах» и формирования мест-

ной бюрократии. Желающих же ехать на управленческую службу на глухую окраину империи, каковой являлся тогда Коми край, также не находилось. Сходная ситуация, впрочем, была и в других регионах страны. В Карелии с мест постоянно сообщали, например, что в том или ином суде «должность секретаря никто не исправляет, отчего предвидится в делах остановка». Что говорить про уездный управленческий аппарат, если даже на губернском уровне весьма сложно было «с желаемым успехом вести дела», как констатировали в той же Карелии, где, в частности, в судебной палате оформлением бумаг занимались «худо умеющие писать дети от 12 до 14 лет» («История Карелии», Петрозаводск, 2001).

Крестьяне избирали из числа зажиточных односельчан своих волостных должностных лиц – сельских старост и сотских; были созданы волостные правления. Заводские волости (при Сереговском солеваренном, Ньючимском, Кажимском и Нючпасском заводах) управлялись приказчиками заводладельцев.

25 января (5 февраля) 1780 года на территории современной Республики Коми появился первый город, которому суждено было быстро стать фактической «столицей Зырянского края». Именно в этот день появился указ императрицы Екатерины II, согласно которому погост Усть-Сысола преобразовывался в город Усть-Сысольск, центр нового Усть-Сысольского уезда. 10 сентября 1780 года произошло официальное открытие города, для чего сюда специально приехали из Вологды представители губернских властей. Был учрежден и герб Усть-Сысольска. В соответствии с существовавшей традицией в его верхней части был помещен герб Вологодской губернии (выходящая из облаков рука, держащая державу и скипетр), а в нижней половине – собственно усть-сысольский герб – лежащий в берлоге медведь («в знак того, что такового рода зверей в окрестностях сего города находится довольно»).

Главным должностным лицом в городе являлся городничий, назначавшийся «сверху» из дворян – обычно из числа отставных чиновников и офицеров. Первым усть-сысольским городничим был капитан Огибалов. Городничий подчинялся и исполнял указания губернского правления и министерства внутренних дел. Он получал жалование от государства и дополнительные деньги из городской казны.

Историки М.Б.Рогачев и А.И.Цой в книге «Усть-Сысольск: страницы истории» (Сыктывкар, 1989) пишут: «Фактически городничий был полным хозяином города. Городскому обществу и его учреждениям деятельность городничего была неподотчетна. До начальства в губернском городе было далеко, так что особого контроля «сверху» тоже не было. В поле зрения главного чиновника города находились все стороны жизни городских обывателей. Он занимался выколачиванием податей, ...следил за выполнением повинностей и ведением городского хозяйства, осуществлял надзор за «благосостоянием и благонравием» горожан. Фактически он контролировал

и такие формально не подчиненные ему органы самоуправления как городская дума и магистрат... Для «поддержания порядка и общественной безопасности», за которые также отвечал городничий, в его распоряжении находились «полицейские служители» и караульная команда.

В Усть-Сысольске имелся городской магистрат, избиравшийся купцами и мещанами. В состав магистрата входили два бургомистра и три ратмана. Это было основное судебное учреждение города. «При магистрате находились сиротский и словесный суды. Первый ведал защитой имущественных прав городских вдов и сирот, второй (с устным судопроизводством) занимался разбором мелких споров и тяжб горожан» («История Коми АССР», Сыктывкар, 1978). Магистрат подчинялся главному магистрату при правительстве. Дела крестьян и дворян эти органы не рассматривали; если же в разбирательство оказывались замешаны лица разных сословий – горожане и негорожане, то, как отмечается в книге «Усть-Сысольск: страницы истории», «приходилось собирать межведомственный суд».

Вскоре, в 1785 году, в России был принят закон о самоуправлении в городах («городовое положение»). Согласно этому положению, горожане «доброго состояния» на своем собрании избирали сроком на три года городскую думу. Городская дума именовалась шестигласной, так как в нее должны были избираться гласные от шести городских сословий (по одному представителю от каждого). Но в Усть-Сысольске имелось лишь два сословия из шести – купцы и мещане (жившие в городе крестьяне, дворяне и духовенство к числу городских сословий не принадлежали). Поэтому в усть-сысольской думе было лишь два гласных и городской голова – руководитель думы (он был обычно из купцов). В ведении думы были налогообложение, бюджет, просвещение, здравоохранение, благоустройство города, а также принятие в члены городского общества. Городничий обращался к думе со своими предложениями; отдавать ей прямых приказов он не имел права. Дума подчинялась губернскому правлению; смета ее расходов утверждалась губернатором.

«Хоть несколько способных людей»

В XIX веке основная часть территории Коми края оставалась в составе Архангельской и Вологодской губерний. В 1820 году весь Европейский Север России – Вологодскую, Архангельскую и Олонецкую губернии – объединили в одно наместничество, но в 1830 году прежний порядок управления был восстановлен.

Уже в начале XIX века было очевидно, что существовавшая административная система не удовлетворяла потребностям нормального функционирования государства. Как пишут историки, необходимо было создать, в частности, общую систему бюрократической соподчиненности должностных лиц, перейти к отраслевому принципу управления, достичь оперативности всех звеньев управления, преодолеть «полуизоляцию» губернаторов от

центральных органов управления. Проекты преобразований центральных и местных органов власти и управления, разрабатывавшиеся в первой четверти XIX столетия, в целом остались неосуществленными.

Но, тем не менее, при Александре I были предприняты меры, оказавшие заметное влияние на формирование чиновной бюрократии. В первую очередь надо указать на новые требования к кандидатам на занятие постов в бюрократическом аппарате, вызванные планировавшимися реформами. Во главу угла ставились способности и знания. Уже в 1803 году предполагалось, что «ни в какой губернии спустя пять лет... никто не будет определен к гражданской должности, требующей юридических и других познаний, не окончив учения в общественном или частном училище». В указе «О правилах производства в чины по гражданской службе» 1809 года говорилось, что «все части Государственного служения требуют сведущих исполнителей». Ужесточились требования к образовательному цензу чиновников, для претендентов на чины с пятого по восьмой классы «Табели о рангах» нужно было представить диплом университета или сдать соответствующие экзамены. Это способствовало постепенному складыванию в России нового типа чиновников, «либеральной бюрократии». Впрочем, уездных чиновников Коми края, по-прежнему занимавших должности не выше девятого класса, это затрагивало довольно слабо. Более важным были установленные сроки производства в новые чины чиновникам с четырнадцатого по девятый классы (три года в каждом из классов). Отслужив три года синодским регистратором, чиновник получал чин сенатского регистратора, еще через три года службы мог стать провинциальным секретарем и т.д. Девятый класс давал чиновнику личное дворянство.

С течением времени правящим кругам империи становилось все яснее, что положение, в котором находится многомиллионное крестьянство России (как крепостное, так и государственное), чревато тяжелыми последствиями для страны: не только в силу возможных новых крупномасштабных восстаний, но и как тормоз для развития производительных сил государства. Назревшую проблему в середине 30-х годов XIX века намечено было решить путем постепенно проводившихся частичных реформ, не затрагивавших, насколько это возможно, интересы дворянского сословия. Начать реформирование решено было с государственной деревни. В 1837 году было создано Министерство государственных имуществ (ранее, с начала XIX века, существовал департамент государственных имуществ в министерстве финансов) во главе с генералом П.Д.Киселевым, сторонником постепенной отмены крепостного права. В 1837–1841 годах П.Д.Киселев провел реформу, целью которой было упорядочение управления государственными крестьянами. Предполагалось «дать казенным крестьянам такое устройство, которое поднимая их благосостояние, вместе с тем служило бы и образцом для будущего устройства крепостных крестьян».

В соответствии с этой реформой вводились округа, что, однако, никак не отразилось на территориях Яренского и Усть-Сысольского уездов, каждый из которых составил отдельный округ; Мезенский уезд вместе с Пинежским уездом вошел в Пинежский округ. С 1837 года уезды делились на два полицейские стана. В Яренском уезде первый стан составили вычегодские волости (становой пристав находился в Гаме), второй – Вашка, Мезень и Вымь (становой пристав размещался в Глотова); в Усть-Сысольском уезде в первый стан вошли сысольские и лузско-летские селения (становой пристав находился в Визинге), во второй – верхневыхегодские и верхнепечорские (становой пристав находился в Усть-Куломе).

В 1837 году вятский губернатор по просьбе вятских купцов обратился к правительству с предложением передать Объячевскую волость (включавшую в себя все Прилузье с Ношульской пристанью – важнейшим перевалочным пунктом на пути с Вятки на Сев. Двину) из Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в состав Вятской губернии. Ходатайство было отклонено. Позднее, в 1846 году вятский губернатор вновь обратился к правительству с предложением передать Объячевскую волость в состав Вятской губернии и предложил также построить железную (или, в крайнем случае, «железokonную») дорогу от Вятки до Ношульской пристани. Ходатайства снова были отклонены.

В 1841 году в Яренский уезд входили четыре волости государственных крестьян (Ибская, Айкинская, Ёртомская, Ленская) и одна заводская Сереговская, в Усть-Сысольский уезд – пять волостей государственных крестьян (Воронцовская, Сторожевская, Вильгортская, Остаповская, Троицко-Печорская) и три заводские – Нювчимская, Нючпаская и Кажимская. Верховья Печоры в первой половине XIX века входили в состав Ныробской волости Чердынского уезда Пермской губернии, с 1850 года – Корепинской волости того же уезда. Пыское сельское общество в 1850 году относилось к Лебской волости Мезенского уезда. На нижней Печоре в 1850 году существовали Ижемская, Усть-Цилемская и Тельвисочная (бывшая Устьинская) волости. В волостях существовали сельские общества. Сохранялось выборное крестьянское самоуправление. Сельскими обществами руководило сельское управление, волостями – волостное правление, подчинявшееся окружному управлению, а то, в свою очередь – губернской палате государственных имуществ. Во главе этой пирамиды стояло министерство государственных имуществ.

Создание сильного, четко работающего управленческого аппарата в волостях должно было, в частности, защитить государственных крестьян от грабежа и притеснений со стороны чиновничества. Дело в том, что ранее ведавшее казенной деревней министерство финансов, занятое главным образом поиском средств для обеспечения нормального функционирования государства, не в силах было «надлежащим образом следить за бытом казенных крестьян», которые «оказывались без защиты в руках дворянской

администрации». Последняя, как считал выдающийся российский историк В.О.Ключевский, блюдя интересы помещиков и принадлежащего им «живого имущества» – крепостных крестьян, раскладывала наиболее тяжелые натуральные повинности на государственных крестьян, вследствие чего «быт казенных крестьян расстроился; они обеднели и стали тяжелым бременем на плечах правительства. Каждый неурожай заставлял казну выдавать огромные ссуды на пропитание этих крестьян и обсеменение их полей».

В соответствии с реформой сохранялось выборное крестьянское самоуправление. Сельскими обществами, существовавшими в волостях, руководило сельское управление, волостями – волостное правление, подчинявшееся окружному управлению, а то, в свою очередь – губернской палате государственных имуществ. Во главе этой пирамиды стояло министерство государственных имуществ. В 1838 году государственные крестьяне получили права на участие в сельских и волостных сходах, где решались вопросы местного самоуправления, на перечисление в купеческое и мещанское сословия, на обучение детей в общих учебных заведениях, на занятие торговлей и ремеслами и т.д. Это должно было сгладить конфликты, зревшие между крестьянством и властями. Министерство государственных имуществ также «уделяло большое внимание поднятию агротехнического уровня крестьянского земледелия», внедряло посадки картофеля, содействовало улучшению быта государственных крестьян – открытию школ, больниц, ветеринарных пунктов в сельской местности. По мнению В.О.Ключевского, высоко оценивавшего результаты реформы, П.Д.Киселеву «принадлежало то устройство сельских и городских обществ, основные черты которого были потом перенесены в положение 19 февраля для вышедших на волю крепостных крестьян».

В дальнейшем П.Д.Киселев планировал осуществить меры по личному освобождению крепостных крестьян с выделением им небольших наделов земли и точной фиксацией размеров барщины и оброка, однако помещики выразили недовольство этими планами, и император Николай I счел их осуществление преждевременным, хотя и считал крепостное право «злом». На его решение оказали влияние и многочисленные крестьянские выступления в государственной деревне («картофельные бунты» и др.) конца 30-х – начала 40-х годов, вызвавшие «опасение, что с началом отмены крепостного права придут в движение все классы и сословия огромной страны». В результате изменения в управлении государственными крестьянами оказалась единственным осуществленным шагом в задумывавшемся правительством Николая I деле реформирования. Вместе с тем ученые обращают внимание на то, что в царствование Николая I (в 1827, 1841, 1843, 1847 годах и др.) был принят ряд законов, направленных на ограничение власти помещиков над крепостными.

Губернские и уездные (окружные) органы власти в первой половине XIX столетия не претерпели принципиальных изменений по сравнению с

предшествовавшим периодом. Историк В.Б.Макаров указывает на то, что появление министерств создало новую вертикаль управления, шедшую от министерств. Губернатор оказался в двойственном положении: он назначался императором и подчинялся непосредственно ему, но в то же время, входя в штат Министерства внутренних дел, оказывался и в подчинении министра. В.О.Ключевский считал, что «подверглось некоторым изменениям только управление сословное, дворянское»: «При Александре было... несколько расширено участие дворянства в местном управлении», а при Николае I «по закону 1831 года дворянству предоставлено было право выбирать председателей обеих» судебных палат; «таким образом, ...общий суд, несословный, в губернии отдан был в распоряжение дворянства». В то же время в 1831 году «было ограничено право участия дворянства в губернском управлении установлением ценза»; право голоса при выборах руководящих органов получали только те дворяне, которые удовлетворяли введённому имущественному цензу. По принятому в 1837 году закону изменилось устройство земской полиции, руководимой дворянством. «Исправник, начальник уездной полиции, действовал по-прежнему, но каждый уезд был разделен на станы, и во главе стана поставлен был становой... – чиновник, который назначается губернским управлением только по рекомендации дворянского собрания». В целом на фоне общего роста бюрократического аппарата участие дворян в его деятельности ослабевало.

Александр I считал первостепенной для дворян службу не на выборных должностях, а лишь в качестве «назначенцев». Отмена императором производства в чины и представления к наградам дворян, занимавших выборные должности, естественно, еще более ослабила и так небольшой интерес дворянства к участию в выборных органах местного управления. Поэтому, по мнению В.Б.Макарова, попытка Николая I исправить положение, уравнив «избранных» и «назначенцев» в правах на чины и награды, уже не имела ожидаемого результата. В 1854 году было принято новое «Положение о порядке производства в чины по гражданской службе». В зависимости от образования все чиновники подразделялись на три группы: с высшим, со средним и с низшим или домашним образованием. Для перехода в иной разряд следовало сдавать экзамены. Для производства в чины в каждом из разрядов устанавливались определенные сроки.

Качественный уровень уездных управленцев современники оценивали весьма критически. Как отмечается в «Истории Коми АССР», «все должностные места в аппарате уездного и окружного управления занимали русские чиновники, причем это были худшие представители русской чиновной бюрократии. Архангельский губернатор признавал, что у губернского начальства нет возможности иметь «полезных и хоть несколько способных людей» и оно вынуждено определять на должности таких, «которые по неисправностям своим или по дурному поведению были уволены из других мест и не могут более приискать службы»».

Злоупотребления чиновников на местах были настолько широко распространены, что верховная власть, в сущности, не имела возможности навести должный порядок в этой сфере. Выбор средств для этого в сложившихся исторических условиях был весьма ограничен. Одним из них являлись выборные местные органы, на которые исследователи указывают как на возможный противовес самовластию чиновников-назначенцев. Но следует иметь в виду, что выборность должностных лиц отнюдь не обеспечивала появление на службе более квалифицированных и знающих людей, чем те, кто назначался на должности «сверху». Порой эффект был противоположный: «Чиновники, служащие по выборам, нередко менее способны и надежны, чем определяемые от правительства», – докладывал Николаю I министр внутренних дел в 1842 году. Не приносила желаемого результата и деятельность разнообразных контролирующих и ревизирующих органов, призванных пресекать беззаконие на местах. Она, в сущности, приводила лишь к росту централизации и количества запрашивавшихся отчетов, препятствовала развитию разумной инициативы местной власти. Отметим, что закон 1850 года дал право начальникам увольнять подчиненных чиновников без объяснения причин и права обжалования. Конечно, не следует абсолютизировать отрицательные оценки и считать, что всё уездное руководство ни на что не годилось. На самом деле губернаторы и министры нередко преувеличивали недостатки деятельности уездных властей «вследствие неизбывного стремления высшего начальства списать все беды на нижестоящих», как вполне справедливо полагает В.Б.Макаров.

Необходимо учитывать и своеобразную ситуацию, в которой оказались местные управленцы (число которых в изучаемое время практически не изменилось) после значительного роста центральных органов управления, произошедших в течение первой половины XIX века вследствие утверждения бюрократического централизма. В столице чрезвычайно выросло количество всевозможных чиновников-канцеляристов. Как писал в своей книге «Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века» Н.П.Ерошкин, бюрократизировавшиеся административные органы стремились контролировать самые различные сферы жизни государства и его регионов, зачастую занимаясь делами, им не свойственными, считая, по наблюдениям современников, «своей обязанностью руководить и промышленного человека, запрещая ему предпринимать дело по мнению администрации, необдуманное; и медика, снабжая его подробной инструкцией, как лечить больного; и писателя, поправляя слог и смысл его сочинения».

Процитируем слова В.О.Ключевского, весьма точно обрисовавшего сложившуюся ситуацию: «Центральные учреждения ежегодно выбрасывали в канцелярии, палаты десятки, сотни тысяч бумаг, по которым эти палаты и канцелярии должны были чинить исполнение. Этот непрерывный бумажный поток, лившийся из центра в губернии, наводнял местные учреждения,

отнимал у них всякую возможность обсуждать дела; все торопились очищать их: не исполнить дело, а «очистить» бумагу – вот что стало задачей местной администрации; все цели общественного порядка, который охранялся администрацией, ...свелись к опрятному содержанию писаного листа бумаги; общество и его интересы отодвинулись перед чиновником далеко на задний план. Все управление представляло громадный и не совсем правильный механизм, который без усталы работал, но который был гораздо шире, тяжелее наверху, чем внизу, так что нижние части и колеса подвергались опасности треснуть от слишком усиленной деятельности в верхних. Чем больше развивался такой механизм, тем менее оставалось у руководителей его возможности следить за действием его частей».

В целом проблемы развития местного управления, назревшие в процессе исторического развития страны и ее регионов, не были решены и в середине XIX века. Задачи реформ (создание сильного квалифицированного управленческого аппарата на местах и надлежащего контроля за его деятельностью) не были достигнуты. Имели место, по формулировке В.Б.Макарова, «расширение полномочий администрации, полицейской опеки, деградация сословного самоуправления, бюрократизация всей системы управления». Необходима была решительная перестройка управленческой структуры, создание действенных органов местного самоуправления как необходимого противовеса чиновничьему аппарату.

«Свободные сельские обыватели», горожане и их управители

19 февраля 1861 года император Александр II подписал знаменитый манифест об отмене крепостного права. Это положило начало демократическим реформам всего государственного строя России и, в частности, органов управления и самоуправления. 25 декабря 1862 года появились Временные правила об устройстве полиции. Прежние полицейские органы (земский исправник и земский суд, а в уездных центрах – городничий) объединялись в уездное полицейское управление, возглавлявшееся исправником, которого назначал губернатор. «Централизация городской и уездной полиции расширяла полицейскую власть исправников, распространявшуюся теперь на весь уезд», – пишут авторы «Истории Сыктывкара».

18 января 1866 года был принят закон «О преобразовании общественного управления государственных крестьян...». Согласно новому закону, управление крестьянами переходило в руки Министерства внутренних дел. Была создана единая для всех крестьян (и бывших государственных, и бывших частновладельческих), именовавшихся теперь «свободными сельскими обывателями», система управления.

В сельских обществах главным органом был сельский сход, в котором участвовали все домохозяева. На волостной сход избирались уже только представители – по одному от нескольких дворов. На сходах избирались волостные и сельские должностные лица: волостное правление, волостной

суд, сельский староста, писарь, сборщик податей, волостной старшина и др. Они контролировались мировыми посредниками, назначавшимися Сенатом по представлению губернских властей. По закону, мировые посредники должны были выбираться из дворян. Но в Коми крае их было крайне мало, поэтому губернатор назначал посредников из числа чиновников-разночинцев. Первоначально мировые посредники призваны были решать споры в поземельных отношениях, возникавших в ходе осуществления реформы, но вскоре стали органом правительственного надзора над крестьянским самоуправлением. Мировые посредники управляли мировыми участками, на которые делились уезды (это старое название вернулось, заменив введенное в 1830-х годах название «округ»). В Усть-Сысольском и Яренском уездах было образовано по два мировых участка. В Усть-Сысольске и Яренске проводились уездные мировые съезды. Выше уездного съезда по иерархии стояло губернское по крестьянским делам присутствие.

Первоначально определенная самостоятельность мировых посредников позволяла им более последовательно проводить в жизнь буржуазные реформы, особенно в первые годы, что вызывало недовольство консервативно настроенных деятелей высшего государственного управления. Со временем либерально настроенные мировые посредники были отстранены от должности. Авторы «Истории Коми АССР» полагают, что «мировые посредники чинили произвол и насилие, занимались вымогательством», «пользуясь известной самостоятельностью и бесконтрольностью со стороны губернских властей». В 1874 году институт мировых посредников в России (кроме закавказских и западных губерний) был упразднен, их функции перешли к уездным по крестьянским делам присутствиям. В их состав входили уездный исправник, председатель уездной земской управы и правительственный чиновник. (В «Истории Коми АССР» ликвидация мировых посредников в Коми крае датирована 1882 годом).

В 1899 году в Коми крае (кроме Печорского уезда, образованного в 1891 году; здесь был создан один мировой участок) на смену уездным по крестьянским делам присутствиям пришли участковые земские начальники, получившие более широкие административно-судебные права по надзору за крестьянами. В Яренском уезде насчитывалось три земских начальника, в Усть-Сысольском уезде – пять земских начальников. Земские начальники проводили свои съезды в уездных центрах. Закон о земских начальниках (он был принят еще в 1889 году, за десятилетие до того, как был распространен на территорию Коми края), как подчеркивается в «Истории Коми АССР», способствовал «усилению в деревне административно-полицейской власти». Крестьянское самоуправление, говорится в том же исследовании, «закрепляло сословную неполноправность и замкнутость пореформенного крестьянства. Являясь низшим звеном аппарата управления, оно целиком зависело от вышестоящих его звеньев, от царской администрации и полиции».

Важные изменения произошли в городском управлении. Как пишет М.Б.Рогачев, после 1862 года были упразднены должности капитана-исправника и городничего, а управление полицией всего уезда сосредоточено в руках исправника, которого назначал губернатор. В 1870 году было принято «Городовое положение», согласно которому Городская дума стала не сословным, а всесословным выборным распорядительным органом. В Усть-Сысольскую думу горожане избирали до 30 гласных (депутатов), которые избирали исполнительный орган – городскую управу. В нее входили городской голова (являвшийся и председателем думы) и два или три члена. В 1892 году была проведена так называемая контрреформа, в соответствии с которой количество горожан, имевших право избирать гласных, заметно уменьшилось, сократилось до 20 и число гласных). Все решения думы, а также кандидатуры городского головы и членов управы, отмечает М.Б.Рогачев, утверждались губернской администрацией.

Важной реформой стало введение земств, ставших своего рода противовесом органам местного государственного управления. Согласно положению от 1 января 1864 года создавались органы местного самоуправления – губернские и уездные земские собрания и управы, в выборах которых участвовали представители всех сословий. Земских гласных (т.е. депутатов собраний) избирали на три года, членов управ – из числа гласных на тот же срок. Земские собрания созывались на несколько дней примерно раз в год, управы работали постоянно. В конце 1866 – начале 1867 года состоялись первые выборы в земские собрания в Усть-Сысольском и Яренском уездах, а открылись они в 1869 году (в Печорском уезде земства были введены только в 1917 году). В состав земских органов Коми края вошли купцы, зажиточные мещане и крестьяне. Этим местные земства отличались от земств других губерний России, в составе которых было много дворян. Земства были образованы для руководства местным хозяйством, просвещением и здравоохранением. Их деятельность контролировалась губернатором.

Укрупненные в ходе реформы П.Д.Киселева волости Коми края были чрезмерно обширны и вполне сопоставимы по размерам с уездами (округами) центра страны. Управление волостью, селения которой были удалены на 150–200 верст от волостного центра, оказалось малоэффективным. Поэтому в ходе реформ 1860-х годов волости были разукрупнены, округа упразднены. Из Корепинской волости Чердынского уезда в 1867 году выделилась Нюзимская волость, в состав которой вошли и верховья Печоры (позднее она стала именоваться Тулпанской). В Яренском уезде в 1873 году имелось семь волостей (Ленская, Сереговская, Айкинская, Важгортская, Княжпогостская, Косланская), в Усть-Сысольском – 26 волостей (Богородская, Визингская, Вильгортская, Вотчинская, Койгородская, Кочергинская, Щугорская и др.). На нижней Печоре и Ижме, входивших в Мезенский уезд, было пять волостей. Село Пысса с соседними селениями составляло Пысскую волость Мезенского уезда, а Слудка, Прокопьевка,

Булатовка и расположенные между ними населенные пункты на средней Летке – Слудскую волость Орловского уезда Вятской губернии.

В последующие годы количество волостей в уездах возросло. В Яренском уезде к 1881 году стало восемь волостей (Косланскую разделили на Глотовскую и Разгортскую), к 1890 году появились еще пять новых волостей (Ёртомская, Жешартская, Серёгово-Горская, Турьинская, Коквицкая). В 1901 году здесь насчитывалось 14 волостей. Интересно, что все новые волости возникали на территории, населенной коми, а русские селения на нижней Вычегде по-прежнему находились в составе одной Ленской волости. В 1918 году в той части Яренского уезда, которая вошла позднее в состав Коми области, насчитывалась уже 21 волость, в 1920 году – 22 волости. В Усть-Сысольском уезде в 1881–1890 годах были образованы две новые волости – Деревянская и Ибская, всего их стало 28. На самом рубеже столетий, в 1900–1901 годах появились Пожегодская и Пезмогская волости. К 1916 году число волостей увеличилось до 47, к июню 1918 года – до 60.

Коми на средней Летке проживали в Слудской и частично Мутницкой волостях Орловского уезда Вятской губернии. Село Большая Пысса на р. Мезень с прилежавшими деревнями составляло Пысскую волость Мезенского уезда (в 1918 году эта волость вошла в новый Усть-Вашский уезд). Самые верховья Печоры с русскими селениями Якшей и др. относились к Чердынскому уезду.

Рождение Печорского уезда

Существенные изменения произошли на нижней Печоре, где в 1891 году из Мезенского уезда выделили территорию бывшего Пустозерского уезда. Создание Печорского уезда заняло четверть века. Идею об образовании Печорского уезда выдвинул коми промышленник В.Н.Латкин, организовавший «Печорскую компанию» для разработки лесных богатств Печорского (называвшегося тогда «Запечорским») края. Вероятно, в 1866 году он обратился к архангельскому губернатору князю Гагарину «за содействием к развитию местной промышленности, разработке богатств Запечорского края и сбыту оных за границу чрез тамошний порт». По мнению Латкина, экономическому развитию Печорского края весьма способствовало бы выделение его из Мезенского уезда в отдельный уезд.

26 ноября 1866 года губернатор Гагарин представил в российское Министерство внутренних дел предложение «обособить Запечорский край, находящийся во 2 стане Мезенского уезда, в отдельную административную единицу, образовав из него... самостоятельный уезд – Печорский с разделением его на два стана и с открытием в селении Ижме полицейского управления». Гагарин предлагал «увеличить население нового уезда ссылкой приговариваемых в Сибирь на поселение с предоставлением им законных льгот и предоставив право переселения туда корелам Кемского уезда». На Печоре предполагалось учредить таможенный пост. Допол-

нительные письма на сей счет губернатор направил в МВД 30 ноября и 14 декабря того же года.

27 апреля 1867 года департамент полиции известил губернатора Гагарина, что Центральный статистический комитет поддержал проект создания Печорского уезда, предложив при этом вовсе упразднить Мезенский уезд, присоединить его западную часть к Пинежскому, а все уездные учреждения перевести из города Мезень в Ижму; «тогда селение Ижму... можно было бы возвести на степень города». Кроме того, ЦСК предложил включить в состав нового Печорского уезда Архангельской губернии верхнепечорские волости Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии и Чердынского уезда Пермской губернии; «в продобном составе Печорский уезд мог бы разделиться на два стана: Верхнее-Печорский, в который вошли бы части, отделенные от Пермской и Вологодской губерний, и Нижне-Печорский, состоящий из нынешнего 2-го стана Мезенского уезда». 13 мая 1867 года Гагарин согласился на это предложение и высказался за размещение администрации нового уезда в Ижме.

Затем обсуждение вопроса о Печорском уезде прекратилось на целый год – вероятно, из-за смерти осенью 1867 года В.Н.Латкина, инициировавшего эту идею. Однако князь Гагарин решил довести дело до конца и в июне 1868 года телеграммой запросил Министерство внутренних дел о ходе рассмотрения проекта, получив ответ, что проект создания уезда будет вскорости представлен в Государственный Совет. К тому времени в МВД поступило мнение министра финансов, который соглашался с идеей «возвести на степень уездного города селение Ижму или другое какое-либо более центральное в Печорском уезде», однако отверг предложение Центрального статистического комитета о включении в новый Печорский уезд Архангельской губернии верхнепечорских волостей из других губерний, ссылаясь на и без того громадную территорию Архангельской губернии и необходимость в результате такой передачи земель изменения границ губерний и уездов. Министр финансов счел ненужным и открытие таможенного поста на Печоре (этот документ датирован 1 мая 1868 года).

Государственный Совет в июне 1868 года рассмотрел проект образования Печорского уезда и разрешил губернатору в качестве первого шага учредить в Архангельской губернии одно новое станное полицейское управление с соответствующими штатами. 17 июня 1868 года это решение утвердил император Александр. 6 августа того же года Гагарин предложил губернскому правлению организовать новое станное полицейское в Запечорском крае Мезенского уезда «впредь до открытия Печорского уезда». Однако полицейское управление в конечном итоге открылось не в Ижме, а на противоположном краю Архангельской губернии – в городе Кемь, из-за сложившейся там весьма тревожной обстановки («беспорядки и буйства промышленников, контрабанда ромом и

солью и тайный провоз поморами за границу запрещенных русских изделий», – так писал на сей счет 13 января 1869 года князь Гагарин).

Между тем идею о создании уезда с центром в Ижме подхватили ижемцы. 15 марта 1869 года Гагарин отправил в МВД «приговор крестьян домовладельцев селения Ижмы, в Печорском крае, ходатайствующих о возведении их селения в уездный город». Гагарин предлагал также «для скорейшего развития села Ижмы в уездный город и для привлечения... наибольшего числа поселенцев» предоставить жителям льготное право свободно пользоваться государственным лесом «на все надобности». Однако министр государственных имуществ отписал в МВД 22 августа 1869 года, что решительно возражает против предоставления ижемцам таких льгот, ибо «такого рода льготы, как даровой отпуск, приучают жителей к нерасчетливому пользованию лесом и весьма мало способствуют экономическому развитию городов».

Несколько месяцев спустя князь Гагарин оставил пост губернатора. Но работа по созданию Печорского уезда продолжалась. 20 января 1870 года министр внутренних дел запросил дополнительные данные о населении Ижмы. В феврале 1870 года в Ижме побывали чиновники, убедившиеся, что «возведения Ижмы в город желает все толковое и зажиточное население». За это, в частности, высказался сход местных домохозяев. Однако новый губернатор Качалов, сменивший Гагарина, придерживался иного мнения. 30 сентября 1870 года он сообщил в Министерство внутренних дел: «По убеждению моему, селение Ижма вовсе не представляет таких удобств, которые должны обуславливать положение будущего административного центра Запечорского уезда. Селение Ижма, расположенное в южных частях этого отдаленного края, скорее при возведении на степень города повлияет на север Вологодской губернии, чем на северо-восток Архангельской». Качалов считал, что развитие Печорского края будет быстрее идти «только тогда, когда производительные силы края будут сосредоточены в одном из пунктов, находящихся на реке Печоре», и в качестве возможного сосредоточения этих сил ему виделось «богатое и промышленное селение Усть-Цильма, занимающее естественный срединный пункт при всех сношениях северных жителей уезда с южными и обратно». Усть-Цильма предпочтительнее для возведения в город, «чем удаленная от Пустозерской и Усть-Цилемской волостей и от Печоры Ижма».

Обсуждение вопроса о предполагаемом центре нового уезда обсуждалось больше года. В 1871 году чиновники побывали в Усть-Цильме, большинство жителей которой 19 сентября и 27 декабря 1871 года на сходах поддержали мысль о преобразовании Усть-Цильмы в город и уездный центр. 21 марта 1872 года усть-цилемы снова обсуждали на сходе этот вопрос. Как и ижемцы, они просили дозволения на бесплатное пользование лесом для перестройки домов в соответствии с городской планировкой; кроме того, лес был нужен и для «присутственных мест» и воинской команды, перво-

начальное размещение которых в Усть-Цильме было весьма затруднительно из-за «недостатка домов».

Сомнения относительно выбора уездного центра сохранялись. 3 мая 1872 года архангельский губернатор писал министру внутренних дел, что село Ижма по богатству жителей, по торгово-промышленному развитию и «в архитектурном отношении, несомненно, имеет преимущество перед Усть-Цильмою, но... богатство жителей этого селения и торговые его обороты обуславливаются ненормальным эксплуатированием с их стороны кочующих вблизи самоедов, прекращение чего составляет предмет особой заботливости губернского начальства... Будущее развитие этого селения... весьма сомнительно», поскольку оно в стороне от судоходной Печоры, полагал губернатор, и предлагал сделать выбор в пользу Усть-Цильмы. Но сомнения относительно размещения уездного центра, выявившиеся недостатки Ижмы, и Усть-Цильмы – и, естественно, уход со сцены инициаторов создания Печорского уезда (Латкина и Гагарина) – привели, в конечном итоге, к тому, что образование уезда надолго отложили. И только 21 мая 1891 года император Александр III утвердил решение Государственного Совета об образовании в составе Архангельской губернии Печорского уезда с центром в с. Усть-Цильма. При создании в нем насчитывалось шесть волостей: Кедвавомская, Красноборская, Мохченская, Усть-Кожвинская, Усть-Цилемская и Пустозерская. К 1905 году образовалась Ижемская волость, затем появились Усть-Усинская, Сизябская и Болбанская (позднее – Верхнеусинская) волости. В 1917 году в Печорском уезде имелось 16 волостей.

В начале XX века возник спор между властями Архангельской и Вологодской губерний относительно границ между губерниями в районе реки Ухта. 28–31 мая 1907 года на нефтепромысле Гансберга побывал вологодский губернатор А.Н.Хвостов, желавший убедиться, «действительно ли Ухтинские нефтяные промыслы находятся в пределах Архангельской, а не Вологодской губерний». Его сопровождало более двух десятков чиновников. Чиновники заявили гансбергу, что, «по их мнению, основанному на бывших при них топографических картах, вся местность, где находятся ухтинские нефтяные промыслы инженера Гансберга, принадлежат к Вологодской, а не к Архангельской губернии». 25 июня того же года А.Н.Хвостов направил в Министерство внутренних дел предложение провести точные границы между губерниями «в районе нефтеносных земель по реке Ухте». Из МВД 9 июля запросили мнение архангельского губернатора. Начальник архангельского управления земледелия и государственных имуществ Сушевский 20 июля 1907 года сообщил губернатору, что полагает «полезным и необходимым отнести весь нефтеносный район к одной из губерний, именно Вологодской, как имеющей уже лучшие пути сообщения».

Однако архангельский вице-губернатор с этим мнением решительно не согласился и 7 августа 1907 года сообщил в МВД: «Не вижу никаких осно-

ваний отрезать бассейн Ухты от Архангельской губернии, в пределах которой он всегда состоял, в пользу Вологодской губернии, в нынешних границах которой нефтеносность земель еще не установлена».

К обсуждению пограничного вопроса подключились разные ведомства. Министр торговли и промышленности 25 сентября 1907 года предложил включить весь Ухтинский нефтеносный район в пределы Вологодской губернии. В конце 1907 года этот вопрос обсуждался на межведомственном совещании в Петербурге. Дело двигалось медленно, а в 1908 году, правильнее сказать, не двигалось вовсе. 29 октября 1908 года МВД запросило архангельские власти относительно их мнения по перекройке границ, но те отмалчивались. 24 января 1909 года МВД направило в Архангельск новый запрос. В начале 1909 года архангельский губернатор подготовил ответ, который гласил, что лучше присоединить к Архангельской области нефтяной район Вологодской губернии, который гораздо ближе расположен к населенным пунктам Архангельской губернии, нежели к селениям губернии Вологодской, «хотя большой и безусловной надобности в этом нет, так как в Вологодской губернии пока делаются одни заявки, но самая разработка нефти ни на одном заводе не производится, и самих заводов не открывалось». 13 февраля 1909 года архангельский губернатор написал в МВД, что он против присоединения всего Ухтинского района к Вологодской губернии.

Наккнувшийся на упорное нежелание архангельского коллеги поступиться территорией, вологодский губернатор 8 января 1910 года направил в Архангельск предложение уточнить границу между губерниями во избежание споров и взаимных претензий, проведя ее «по естественной границе, образуемой течением реки Ухты». В течение 1910 года губернаторы обменивались предложениями о возможных границах (по Ухте, Тобышу, Шомвукве, верховьям Выми, верхней Ижме и др.). Однако устраивавшего обе стороны варианта найти не удавалось, несмотря на некоторые небольшие взаимные уступки. Во всяком случае, в Министерстве внутренних дел констатировали, что до 23 декабря 1911 года никакого решения не было принято. Граница между губерниями оставалась недостаточно определенной.

Такое административно-территориальное деление сохранялось до образования Коми автономной области.

«Зыряния»

В начале XX века в органах местного управления сколь-либо существенных изменений не произошло. Их структура оставалась прежней. «Табель о рангах» продолжал действовать вплоть до издания декрета «Об уничтожении сословий и гражданских чинов» 10 (23) ноября 1917 г. Можно отметить лишь, что под влиянием первой русской революции право служить в государственном аппарате получили представители всех сословий. Сохранялся образовательный ценз. Участие в революционной и оппозиционной деятельности считалось несовместимым с государственной службой.

Важно подчеркнуть, что, несмотря на существовавшие ограничения, связанные с формированием и деятельностью органов местного самоуправления в Коми крае, представители последних осознавали себя не просто «управленцами» одного из многих уездов России, но и представителями коми народа. Наиболее ярко это проявлялось в Усть-Сысольском уезде, абсолютное большинство жителей которого (включая и Усть-Сысольск) составляли коми. Этническое своеобразие города и уезда признавалось и на региональном уровне. Неофициальный титул «столицы Зырянского края» прочно закрепился за Усть-Сысольском. Характерно, например, сообщение одной из вологодских газет о мероприятиях по случаю 300-летия Дома Романовых в 1913 году: «Юбилейные торжества... в столице **Зырянни** (выделено мной – Авт.) прошли очень шумно».

Весьма показательно, например, что депутаты новой усть-сысольской городской думы, избранной летом 1917 года, в обращении к Временному правительству именовали свою думу «**Зырянской**», как бы заявляя тем самым свое право говорить не от имени жителей одного из городов России, но от имени зырянского (коми) народа. Разумеется, это было уже революционное время, когда умонастроения передовой части коми населения хорошо передавались, например, словами коми писателя В.Т.Чисталева, в апреле 1917 года писавшего: «Теперь имеем полное право называться зырянами, а край наш Зыряндией... Отныне будет свобода всем народам, живущим в России... Будем свободно говорить, писать и печатать по-своему, не боясь и не стесняясь...».

Но известно, что и значительно раньше руководители усть-сысольских органов местного самоуправления выдвинули весьма любопытную инициативу. В 1882 году видный коми ученый и просветитель Г.С.Лыткин опубликовал в «Новом времени» статью, в которой высказал мысль о том, что 1383 год – дата образования Пермской епархии – является временем присоединения Коми края к Русскому государству. В 1883 году эту идею поддержал председатель уездной земской управы Василий Михайлович Латкин, «из природных зырян», обратился к вологодскому губернатору с просьбой дозволить направить депутацию к императору в связи с предстоящим 500-летием присоединения Коми края к России: «Прихожу к убеждению, что 1383 год должен считаться годом присоединения зырянского края к Московскому государству, а потому 1883 год есть год пятисотлетия этого события, а следовательно мое личное ходатайство пред Вашим Превосходительством о разрешении доклада очередному Усть-Сысольскому уездному земскому собранию 1883 года касательно выбора депутации от зырянского края с целью подвергнуть к стопам Его Императорского Величества верно-подданнические чувства зырян по случаю 500-летней годовщины присоединения зырянского края к Московскому государству имеет положительное значение».

Вологодский губернатор переправил просьбу В.М.Латкина в Петербург министру внутренних дел. Тот попросил подготовить основанный на документах исторический очерк, в котором обосновывалась бы выдвинутая В.М.Латкиным идея. К сожалению, в Усть-Сысольске никаких старинных документов (летописей или чего-либо подобного) найти не удалось, и написанный В.М.Латкиным оказался не очень убедительным. Министр отправил его на рецензирование специалистам и получил ответ, что «окончательно... присоединение Зырянского края к Московскому государству последовало... в 1472 году», после подчинения Новгорода, когда «вся Пермская земля покорилась под державную руку великого князя Московского», а потому «500-летний юбилей совершенного присоединения Перми со всеми зырянами к Москве должен быть отнесен к 1972 году». На этом основании министр внутренних дел сообщил: «Ходатайство Латкина я не признаю возможным удовлетворить».

Но, несмотря на то, что инициатива усть-сысольских земских деятелей не была поддержана российскими властями и на то, что предложенная ими датировка весьма спорна, само их обращение к проблеме присоединения населенных коми народом земель в состав России, подчеркивание важности этого процесса и стремление обратить на него внимание высших лиц государства, безусловно, весьма примечательно, особенно в условиях Российской империи. Постепенное осознание земскими и другими местными политическими и общественными деятелями себя политиками в известной мере национальными, выражающими интересы особого народа, имеющего свою специфику в культурном и историческом развитии, несомненно, закладывало базу для появления в недалеком будущем политиков, формулировавших идеи создания национальной коми государственности.

В заключение уместным представляется упомянуть о том, что в настоящее время наиболее убедительной датой окончательного присоединения Коми края к России является упоминавшийся выше 1481 год – время проведения московскими писцами первого описания земель и населения в Коми крае. В 2006 году исполняется 525 лет со времени этого знаменательного события.

Литература

Вайровская С.В. Земство Коми края (1869–1918 гг.). Сыктывкар, 2001.

Давыдов В.Н. Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977.

Давыдов В.Н. Управление Коми краем (Пермью Вычегодской) во второй половине XV в.) // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983.

Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1968.

Ерошкин Н.П. Крепостническое самодержавие и его политические институты. Первая половина XIX века. М., 1981.

- Жеребцов И.Л. Коми край в системе административно-территориального деления России (конец XV– начало XX века). Сыктывкар, 1993.
- Жеребцов И.Л. Коми край в XVIII – середине XIX века: территория и население. Сыктывкар, 1998.
- Жеребцов И.Л., Королев К.С. «Повергнуть к стопам Его Императорского величества верноподданнические чувства зырян» // Известия Общества изучения Коми края. Сыктывкар, 2005. № 3.
- Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н. Миграции и исторические предпосылки формирования многонационального населения Республики Коми (до начала XX века). Сыктывкар, 2001.
- Жеребцов И.Л., Рожкин Е.Н., Сметанин А.Ф. Коми край в XV–XX веках: административно-территориальное деление и этнодемографические процессы. Сыктывкар, 2001.
- Жеребцов Л.Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами. М., 1982.
- Жеребцов Л.Н. Дороги этнографа. Сыктывкар, 2005.
- Зайончковский П.А. Отмена крепостного права в России. М., 1968.
- История Карелии. Петрозаводск, 2001.
- История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 1, 2.
- История Коми АССР. Сыктывкар, 1978.
- История России с начала XVIII до конца XIX века. М., 1996.
- История Сыктывкара. Сыктывкар, 1980.
- Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. М., 1989. Т. 5.
- Котов П.П. Динамика уровня земледелия в Коми крае в конце XVIII – начале XX вв. Сыктывкар, 1996.
- Лашук Л.П. Формирование народности коми. М., 1972.
- Лыткин В.И. Из истории словарного состава пермских языков // Вопросы языкознания, 1953. № 5.
- Макаров В.Б. История государственного управления и местного самоуправления в России (IX в. – 1917 г.). Ниж. Новгород, 2000.
- Омельченко О.А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993.
- Рогачев М.Б., Цой А.И. Усть-Сысольск: Страницы истории. Сыктывкар, 1989.
- Рожкин Е.Н. Этнодемографические процессы и административные границы на европейском Севере России. Сыктывкар, 2005.
- Савельева Э.А. Пермь вычегодская. М., 1971.
- Савельева Э.А. Этнокультурная история Европейского Северо-Востока в эпоху средневековья. Сыктывкар, 1995.
- Савельева Э.А., Королев К.С. Древние рукописи о Перми Вычегодской. Сыктывкар, 1997. С. 104.
- Сивоха И.Н. Селения в верховьях Печоры // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. V.
- Троицкий Н.А. Лекции по русской истории XIX века. Саратов, 1994.
- Эрнст Ю.Н. Административно-территориальное устройство Печорского уезда // Вестник культуры Коми ССР. Сыктывкар, 1991. № 4.

Очерк 2. **Духовный отец Коми автономии**

Кто он был – священник Дмитрий Яковлевич Попов, учитель Виктора Савина и духовный отец Коми автономии?

Уроженец сысольского села Вьльгорт, Д.Я.Попов – одна из самых колоритных политических фигур в истории Коми края XX века; священник-революционер, с крестом благословляющий Советскую власть, с именем Христовым ратующий за автономную Зырянскую республику.

Родился Дмитрий Яковлевич Попов в 1862 году (по другим данным, в 1866 году) в с.Вьльгорт Усть-Сысольского уезда Вологодской губернии в семье священника. Окончив шесть классов Вологодской духовной семинарии, в 1885 году он был определен псаломщиком в Христорождественскую церковь с.Деревянск. Спустя год Попов стал диаконом, а в 1888 году Иоанникий, епископ Велико-Устюжский, рукоположил молодого диакона в священники. Церковная карьера продвигалась успешно. В 1895 году Д.Я.Попов был назначен помощником благочинного пятого округа Усть-Сысольского уезда, а через три года стал благочинным. Начальство благожелательно относилось к Попову. Ему неоднократно объявлялась архипастырская благодарность «за ревностное отношение к делу», а в 1893 году Попов был награжден набедренником. В юбилейном 1911 году, когда отмечалось 25-летие священнослужения отца Дмитрия, духовный округ преподнес ему подарок – золотой наперсный крест Синодского образа. Безусловно, Дмитрий Яковлевич заслужил эти знаки внимания.

Был он не просто священником, а «врачом духовным», как писали о нем в приветственном адресе прихожане его церкви. Безбоязненно посещал эпидемических больных, открыл первую в уезде богадельню – приют для престарелых, инвалидов и сирот. Немало сделал для открытия в Деревянске церковно-приходской и второклассной школ. Сам преподавал в школах гуманитарные предметы и Закон Божий. Классик коми литературы, известнейший коми поэт и драматург Виктор Савин был учеником Д.Я.Попова. «За особое усердие к преподаванию Слова Божьего и ведение внебогослужебных собеседований» была объявлена Д.Я.Попову в 1895 году благодарность епархиального начальства.

В январе 1898 года начинается для Попова история с ревизией Ульяновского монастыря, в которой Дмитрий Яковлевич сыграл далеко не последнюю роль. Послушник Троице-Стефановского монастыря, расположенного в селе Ульяново Усть-Сысольского уезда, некто Белкин, написал донос начальству о «беспорядках» в обители: о сборе пожертвований для монастыря по всей губернии без разрешения епархии, о полном отсутствии отчетности в приходно-расходных монастырских книгах, о рукоприкладстве среди монахов и т.д. Для проверки фактов, изложенных Белкиным, Велико-Устюжское духовное правление сформировало комиссию, в которую вошел и благочинный Д.Я.Попов. Факты подтвердились. Игумен монастыря

о. Палладий получил строгий выговор от руководства за допущенные безобразия. Но этим дело не закончилось. В 1905 году правление решило вновь проверить финансовую деятельность монастыря, для чего была сформирована новая комиссия. Попов участвовал в работе и этой комиссии. На этот раз ревизоры не обнаружили каких-либо злоупотреблений в монастыре. Тем не менее, в 1907, 1910 и 1912 годах ревизии монастыря повторились. Попов возглавлял три последние финансовые комиссии, монастырская братия хорошо запомнила его в лицо.

Каково же было удивление монахов, когда в осенний день 15 ноября 1918 года именно Дмитрий Яковлевич Попов нагрянул с отрядом чекистов в монастырь для конфискации его ценностей. Началась последняя в истории обители ревизия. Чекисты вывезли в Усть-Сысольск около 30 тыс. руб. золотом, серебром, банкнотами и марками; серебряные и медные кресты, серебряные и бронзовые медали, прочие ценные бумаги и др. Акт об изъятии всего этого подписал уже не благочинный, а комиссар финансов Усть-Сысольского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Д.Я. Попов. В декабре 1918 года Ульяновский монастырь был закрыт по постановлению Усть-Сысольского Совета. Так завершилась история с ревизией. Но мы несколько забежали вперед.

Участие в делах Велико-Устюжского духовного правления принесло Д.Я. Попову общегубернскую известность, по крайней мере в церковных кругах. На проходившем в июне 1912 года съезде духовенства в Великом Устюге Дмитрий Яковлевич был выдвинут в выборщики депутатов IV Государственной Думы от Вологодской губернии. В ноябре 1912 года выборщики избрали Попова депутатом Думы. В Думе Попов работал в составе четырех думских комиссий: по законодательным предположениям, по делам Русской Православной церкви (в деятельности которой он принимал наиболее активное участие), по пенсиям и земельной.

Для населения Вологодской губернии, Коми края Попов был «своим человеком» в Думе. Многие, в первую очередь из Усть-Сысольского уезда, обращались к нему за помощью или советом в делах. Известен, по меньшей мере, один проект, для утверждения которого депутат Думы Д.Я. Попов приложил максимум усилий, и который стал для Дмитрия Яковлевича делом всей жизни. Это проект железнодорожного строительства на Севере. История его такова.

В 1912 году предприниматели Вольтман, Цайдлер, Верт и Пашков выдвинули проект «Обь-Урало-Беломорской железной дороги». Железнодорожная линия начиналась у села Чемашевского на реке Обь, пересекала Урал и через Троицко-Печорск и Ухту заканчивалась в Архангельске. В августе 1915 года архангельский художник А.А. Борисов начертил схему железнодорожного пути, соединяющую бассейн реки Обь не с Архангельском, а с незамерзающим Мурманским портом. Согласно этому проекту дорога начиналась в бассейне реки Обь (в районе впадения Иртыша), проходила

Урал и через Усть-Нем, Усть-Кулом и Усть-Сысольск выходила на Котлас и далее на Мурманск. Тем самым дорога соединяла в единую транспортную сеть Сибирь, Зырянский край, вятский и прикамский районы (через железнодорожную линию Вятка-Котлас). Усть-Сысольское земство, разумеется, было целиком заинтересовано в строительстве дороги по проекту А.А.Борисова (он получил название «Обь-Котласской железной дороги»).

В апреле 1916 года депутация усть-сысольских земцев прибыла в Санкт-Петербург для переговоров в Министерстве путей сообщения о неприемлемости строительства «Обь-Беломорской железной дороги» для Севера. 7 апреля Совет Министров России направил оба железнодорожных проекта для рассмотрения во второй департамент Государственного Совета. Усть-сысольцы обратились за помощью к депутату Думы Д.Я.Попову. Дмитрий Яковлевич провел консультации с рядом чиновником (в частности, он встречался с председателем второго департамента М.В.Дмитриевым, С.И.Тимашевым, О.Р.фон-Экеспарре, К.С.Немашевым, П.Н.Думитрашко, товарищем министра путей сообщения И.Н.Борисовым, начальником Инженерного управления МПС Козыревым и др.), в итоге чего 29 апреля 1916 года второй департамент Государственного Совета не утвердил проект строительства «Обь-Беломорской железной дороги».

Первая Мировая война, недостаток финансов не позволили МПС начать строительство «Обь-Котласской железной дороги». Потом началась Революция... Казалось бы, кто в революционное время начнет заниматься проектами железных дорог? Но Д.Я.Попов, избранный на Учредительном съезде Советов Усть-Сысольского уезда в январе 1918 года на пост председателя Усть-Сысольского совнархоза, продолжал внедрение проекта «Обь-Котласской железной дороги» в жизнь. Дмитрий Яковлевич объяснил делегатам I съезда Советов Усть-Сысольского уезда в марте-апреле 1918 года необходимость строительства для Коми края железной дороги и получил вердикт съезда заниматься этим вопросом. К этому времени Попов был уже известен в Вологодской губернии как авторитет по железным и прочим дорогам. Он выезжает в Великий Устюг и Вологду для проектирования грунтовых и шоссейных дорог, но главная дорога его жизни «Обь-Котласская» по-прежнему не разрабатывалась. Наконец, доклад Д.Я.Попова «Очередные задачи по постройке железнодорожного участка Котлас–Усть-Сысольск» был рассмотрен в Высшем Совете Народного Хозяйства (ВСНХ) в конце ноября 1918 года и получил одобрение. Совнарком утвердил проект. Дорога была передана в концессию норвежскому предпринимателю Ганневику, но ее строительство так и не началось. Гражданская война помешала осуществлению проекта.

Дмитрий Яковлевич до конца своей жизни занимался железнодорожным строительством. В сентябре 1919 года он получил приглашение переехать из Усть-Сысольска в Великий Устюг для работы в губсовнархозе по проектированию дорог в Северо-Двинской губернии, где он разработал

свой собственный проект железной дороги Вятка–Усть-Сысольск–Ухта. Но ни один из проектов так и не был реализован...

По партийной принадлежности Д.Я.Попов примыкал в Государственной Думе к прогрессистам. Прогрессивная партия была образована левыми октябристами и частью кадетов в ноябре 1912 года. Партия выступала за расширение прав народного представительства; реформу Государственного Совета; свободу слова, печати, собраний, союзов; неприкосновенность личности, свободу совести и свободу церкви; отмену сословных ограничений и привилегий; устранение посягательств на национальные особенности, культурную самобытность, родной язык и т.д. В IV Думе прогрессисты занимали 47 депутатских мест и считались «левыми». Сохранились сведения, что прогрессист Попов поддерживал в Думе депутатов-большевиков, полагая, что «только... рабочие депутаты настоящие защитники народа». По воспоминаниям советского наркома Г.И.Петровского, несколько раз Попов передавал в фонд газеты «Правда» десять рублей золотом.

Наступил год Великой российской революции. Самодержавие пало. Вместе с ним исчезли порядок и привычный уклад жизни. В стране воцарился хаос. Краевед В.П.Шляпин вспоминал о роли Д.Я.Попова в Февральской революции 1917 года: «Среди членов Думы выделиться, конечно, трудно было, однако и здесь он сумел выделиться, а именно, в начале революции, когда к Таврическому дворцу подошел отряд революционных войск, он вышел к нему в облачении и с крестом в руках и торжественно благословил этот отряд на начало революции. Поступок его был признан крайне смелым. Ведь он рисковал своей головой, если бы революция сорвалась, но зато, говорили, поступок этот не забудется и как эпизод войдет в историю революции и таким образом имя Дмитрия Яковлевича увековечится».

Д.Я.Попов организует в Петрограде вместе с иереем М.С.Поповым нечто вроде церковной партии под названием «Объединенный союз демократического духовенства и мирян». Программа «Союза» предусматривала демократизацию церкви в революционное время, в том числе введение богослужения в национальных регионах на родном языке. Отделения «Союза» были созданы во многих губерниях России. В июне 1917 года в Великом Устюге съезд духовенства и мирян пяти северо-восточных уездов Вологодской губернии присоединился к программе «Союза». Имя Д.Я.Попова гремело на Севере, как преобразователя церкви. В августе 1917 года Дмитрий Яковлевич приезжает в Усть-Сысольск, где способствует созданию усть-сысольского отделения «Союза». Попов пишет «Устав» усть-сысольского отделения, в котором подчеркивает, что «Объединенный союз демократического духовенства и мирян» выступает прежде всего как культурно-просветительское общество, «содействующее устройству религиозно-просветительских и миссионерских кружков, библиотек-читален, обществ трезвости, церковно-певческих курсов, церковных и народных хоров...» и т.д. «Союз» не занимался политической деятельностью, но в столь смутное

время все равно нужно было определяться, на чьей ты стороне. Часть членов «Союза» поддерживала эсеров, часть – кадетов. Сам Дмитрий Яковлевич вышел из Прогрессивной партии, к тому времени фактически уже прекратившей существование, и перешел в ряды Партии социалистов-революционеров (ПСР). Эсеры в 1917 году были самой многочисленной и самой популярной в народе партией. ПСР выдвигала идеи демократической республики, социализации земли, права наций на самоопределение, восьмичасового рабочего дня, развития кооперации и др. В Усть-Сысольском уезде организация ПСР возникла летом 1917 года.

Постепенно Д.Я.Попов все больше начинает заниматься политикой. В августе 1917 года он участвует в работе I съезда Советов крестьянских депутатов Усть-Сысольского уезда, где его выбрали товарищем председателя съезда. Попов выступал перед делегатами с изложением позиций различных политических партий по земельному вопросу. Съезд поддержал в политическом отношении программу ПСР и высказался за кандидатуру члена ЦК ПСР П.А.Сорокина от Усть-Сысольского уезда на выборах в Учредительное собрание.

Сроки выборов в Учредительное собрание неоднократно переносились и в конце концов были намечены на 11-12 ноября 1917 года. Незадолго до выборов большевики свергли Временное правительство, но сорвать выборы в Учредительное собрание не решились. Выборы состоялись. Население Коми края абсолютным большинством голосов поддержало кандидатов партии эсеров. В Усть-Сысольском уезде за них проголосовало почти 83%, а в Яренском – свыше 87% избирателей. Между тем, по стране началось «триумфальное шествие советской власти». Большевики, левые эсеры и анархисты разгоняли Временные комитеты и земства, учреждая на их месте Советы вкупе с партийными комитетами.

В Усть-Сысольске земство организовало общественное собрание, на которое были приглашены представители Городской Думы, Земельного комитета, уездного Совета крестьянских депутатов, других общественных организаций. Собрание резко осудило узурпацию власти большевиками. Д.Я.Попов был вместе с теми, кто осудил большевиков. Впрочем, сей факт остался незамеченным последними, когда советская власть победила в уезде. Да и сам Дмитрий Яковлевич был к тому времени уже в рядах победителей.

События ускорились после приезда в Усть-Сысольск в ноябре 1917 года группы московских агитаторов во главе с сочувствующим левым эсером М.Ф.Зайковым. Агитаторы вступили в тесный контакт с подпольной организацией РСДРП(б), созданной по инициативе демобилизованного солдата-фронтовика И.С.Юрьева в сентябре 1917 года в Кодзвильской волости. 20 ноября 1917 года М.Ф.Зайков и И.С.Юрьев договорились о совместных действиях по реорганизации власти в уезде. В декабре ситуация в Усть-Сысольске обострилась. Солдаты, настроенные по-большевистски агрессивно, громили магазины под предлогом реквизиции товаров для нужд

голодающих. Земская Управа не пользовалась авторитетом. Продовольственный кризис подстегнул создание новой верховной власти в уезде.

17 января 1918 года для организации авторитетной власти в Усть-Сысольске и уезде открылся Учредительный съезд, на котором объединились такие противоречивые силы, как земство, Советы солдатских и крестьянских депутатов, профсоюзы и различные партии (эсеры, кадеты и большевики). В полном составе примкнул к Учредительному съезду Продовольственный съезд, открывшийся на день раньше (сопредседателем этого съезда был, кстати, Д.Я.Попов).

Попов открыл Учредительный съезд Советов. В своей речи Дмитрий Яковлевич призвал делегатов «...создать сильную верховную власть для края, выражающую волю народа, власть беспартийную, которая будет носить название Совета Солдатских, Рабочих и Крестьянских Депутатов». Председателем съезда был избран А.М.Мартюшев (беспартийный), товарищами его Д.Я.Попов и Г.Г.Кассандров (оба – эсеры), секретарями И.С.Юрьев (большевик), Н.М.Фоминых и А.Д.Синцов (оба – беспартийные).

Съезд работал крайне нервно. Представители разных партий с трудом находили понимание друг с другом. Кадет И.П.Петроканский обращал внимание делегатов на то, что «власть (в уезде и городе) уже есть – земское и городское самоуправление», и, следовательно, разговоры о создании власти выглядят по меньшей мере странно. Эсер Г.Г.Кассандров заявлял, что «народная власть должна представлять все отдельные группы населения и прежде всего крестьян», а последние в Усть-Сысольском Совете пригородных слободок не представлены. В ответ на это большевик С.П.Малыгин возражал, что «там есть и крестьяне – 16 человек». А.Н.Вешняков, чьи политические симпатии колебались между эсерами и кадетами, резонно замечал: «Что же будет делать Земское собрание, если мы организуем новую верховную власть?» Ответ на это прозвучал у И.С.Юрьева: «Новая власть должна быть обязательно верховной. Земское собрание и его постановления будут утверждаться новой властью». В конце концов, земцы согласились с созданием новой, верховной власти в уезде, которая должна быть обязательно беспартийной, поскольку, как выразился председатель Городской Думы В.Ф.Попов: «Интересы народа понимаются разными партиями различно, а партий много». На съезде был выбран первый состав Усть-Сысольского Совета Солдатских, Крестьянских и Рабочих Депутатов, куда вошли представители всех слоев населения Усть-Сысольского уезда (были даже два священника – Д.Я.Попов и протоиерей А.Малевинский).

Попов выступил с заключительной речью. Так получилось, что он открывал и закрывал съезд. В заключительной речи Дмитрий Яковлевич заявил о «чрезвычайной важности автономии для нашего края». Попов говорил: «Нам, зырянам, имеющим особые условия быта, мировоззрения и языка, надо стремиться к этому, не считаясь с требованиями и интересами других. Край наш... имеет полное право на самостоятельное существование,

обладая громадностью территории, национальными богатствами и даже выходом в море... Мы должны... заявить о самостоятельности края. В будущем у нас должен быть собственный маленький парламент, устроенный по типу, принятому в Американских Соединенных Штатах». Попов закончил свою речь под аплодисменты: «Да здравствует свободный зырянский народ и его Совет!».

18 января 1918 года открылось первое заседание Усть-Сысольского Совета. Попов представлял в Совете усть-сысольскую организацию эсеров. На заседаниях Совета в январе 1918 года Дмитрий Яковлевич развил свою мысль об автономии для Коми края. Он заявил, что «мы установим автономию на совершенно свободных, бытовых началах в порядке внутреннего управления, не затрагивая вопроса о чеканке монеты, почте и телеграфе». В то же время Попов считал, что новой власти в Коми крае «надо придать и функции законодательной: проводить в жизнь пригодные для нас декреты и обязательные постановления... Если мы увидим, что распоряжения высшей власти правильны, то согласимся, если не правильны – не согласимся. Наша организация беспартийная, значит она будет рассматривать распоряжения центральной власти с точки зрения полезности для края, а не партийности. Поставим нашу власть в подчиненное положение постольку, поскольку это полезно для края, не умаляя значения ее верховности». Выступления Д.Я.Попова содержали в себе целую программу по созданию автономной Коми республики в составе России – первую программу национально-государственного строительства в нашем регионе.

На выборах исполнительного комитета Совета Попов был избран комиссаром отдела народного хозяйства (впоследствии Совета народного хозяйства). Мирские дела всецело захватили священника. Об этом и писал в своей жалобе Вологодской духовной консистории протоиерей Троицкого собора Усть-Сысольска А.Малевинский: «...проживающий в городе... священник Деревянской церкви Дмитрий Попов, ныне комиссар общественного хозяйства, в устроенном православным духовенством и мирянами... крестном ходе никакого участия не принимал и с градским духовенством никакого братского общения не имеет, состоя неотлучно товарищем председателя в местном исполнительном комитете солдатских и рабочих депутатов».

Тем временем беспартийный поначалу Усть-Сысольский Совет потихоньку большевизировался. Уже прозвучало право Совета на реквизицию любых товаров (в первую очередь муки) у имущих при опоре на вооруженные силы (предложил комиссар Попов, и это было принято). Председатель Усть-Сысольской Земской Управы С.О.Латкин был брошен в тюрьму за непризнание советской власти в городе. Перестали выходить «Известия Усть-Сысольского Земского Соборания». А ведь земство было в числе учредителей советской власти в уезде!

3 марта 1918 года Д.Я.Попов возглавил городскую манифестацию под красным флагом «Да здравствует Интернационал!», организованную с

единственной целью – продемонстрировать силу советской власти. Вологодская духовная консистория вновь получила жалобу Малевинского: «...в городе идет неопишуемая смута, возникновение которой местная интеллигенция приписывает священнику Дмитрию Попову, обвиняя соборное духовенство в потворстве сельскому батюшке...». Вслед за Малевинским жалобу на отца Дмитрия прислала в консисторию Усть-Сысольская судебная организация.

16 апреля консистория рассмотрела дело Д.Я.Попова. Учитывая, что Попов «явился главным инициатором создания в Усть-Сысольске Совета рабочих, солдатских и крестьянских», и что он «не выступал среди Совета в защиту церкви и Закона Божия, ...что он обязан был сделать, как служитель Божий», и что он «продолжает совместную с прочими членами Совета сокрушительную деятельность», консистория определила отозвать отца Дмитрия из города, «как противника Христова учения» и «отобрать (у него) иерейскую грамоту». Попову было объявлено, что если он в двухнедельный срок «не представит объяснения... по всем предъявленным к нему обвинениям» и «не принесет искреннего раскаяния в своих позорящих иерейский сан поступках», то «будет немедленно извергнут из священного сана».

Так закончилась церковная карьера отца Дмитрия. Поскольку он, естественно, никаких объяснений ни в двухнедельный срок, ни вообще никогда так и не представил, консистория лишила его сана священнослужителя. Указ об этом вышел 4 мая 1918 года. Отец Дмитрий стал «попом-расстригой». Рядом с ним, однако, сразу не сбросил и выделялся ею среди прочих деятелей Совета еще долго.

Детище Попова – усть-сысольское отделение «Объединенного союза демократического духовенства и мирян» было закрыто по постановлению ЧК в августе 1918 года за «уклонение с намеченного устава пути в сторону политической борьбы». К этому времени деятельность «Союза» Попова уже совершенно не интересовала.

Вначале руководимый Дмитрием Яковлевичем совнархоз занялся сбором материалов о лесных и прочих богатствах Коми края с целью представления в Москву обширного доклада об их разработке. На I съезде Советов Усть-Сысольского уезда в марте-апреле 1918 года Попов развернул перед делегатами план «плодотворного использования природных богатств». Нужны были деньги и немалые, чтобы освоить залежи полезных ископаемых, начать строительство новых промышленных объектов, прокладку дорог и т.д. В июне 1918 года Попов выехал в Москву, чтобы лично ходатайствовать в ВСНХ о кредитах для Коми края. В столице Попов добился приема у председателя ВСНХ А.И.Рыкова и передал ему два своих доклада «О лесных богатствах Усть-Сысольского уезда» и «О финансовом бессилии уезда». По словам Н.Д.Синцовой, в Москве Д.Я.Попов встречался также и с В.И.Лениным. Надо заметить, что Попов был одним из немногих коми советских деятелей, кто вообще встречался с Лениным... Вождем интересовался прежде

всего ухтинской нефтью. Итогом этих встреч стало выделение Совнаркомом кредита для Коми края в сумме 800 тыс. руб., о чем Дмитрий Яковлевич немедленно проинформировал Усть-Сысольск телеграммой. Деньги, правда, так и не были получены...

Находясь в Москве, Попов телеграммой из Усть-Сысольска получил полномочия делегата на V Всероссийский съезд Советов, открывшийся 4 июля 1918 года. Вторым делегатом от Усть-Сысольского уезда на этом съезде был В.И.Сорвачев. По партийной принадлежности Попов относил себя к этому времени уже не к эсерам, а к левым эсерам, Сорвачев же был большевиком. Через два дня работы съезда начался мятеж левых эсеров. В Москве заговорили пушки.

Партия левых социалистов-революционеров (ПЛСР) отделилась от ПСР в ноябре 1917 года, когда поддержала большевистский переворот. Некоторое время левые эсеры входили в состав Советского правительства, затем вышли из него и начали резко критиковать большевиков. На V Всероссийском съезде Советов ПЛСР рассчитывала изменить политику Советов – расторгнуть позорный Брестский мир с немцами, отменить декрет о комбедах, свернуть продрозверстку, а главное – дать советским, а не партийным органам всю полноту власти на местах. Съезд не поддержал левых эсеров, и тогда они решились открыто выступить против большевиков.

Левый эсер Д.Я.Попов, конечно, в мятеже не участвовал. Он поспешил выйти из мятежной партии, чтобы окончательно стать на сторону победителей. Мятеж был подавлен, его инициаторы расстреляны. Большевики разослали на места директиву о немедленном исключении всех левых и прочих эсеров из властных органов.

В течение июля 1918 года Д.Я.Попов покинул ряды еще одной не совсем пробольшевистской партии, а именно «Коми автономист чукор» («Партии коми автономистов»). Она была образована в июне 1918 года по инициативе Н.А.Шахова и И.Т.Чисталева в селе Помоздино и была представлена на II уездном съезде Советов как коми национальная партия. Д.Я.Попов являлся своеобразным «духовным отцом» коми автономистов, ибо их партийные цели совпадали с его проектом автономизации Коми края. «Коми автономист чукор» существовала недолго, правда, успев за короткий срок выпустить несколько громогласных воззваний, в том числе одно анти-русское, обвиняющее русских в эксплуатации коми народа. В 1930-е годы всем автономистам припомнили эти воззвания, определив как «буржуазный национализм».

Итак, в течение первого полугодия 1918 года Дмитрий Яковлевич трижды менял партийность: сменил ПСР на ПЛСР, вышел из ПЛСР и «Коми автономист чукор», стал неформальным большевиком. К осени 1918 года Попов официально числится «сочувствующим РКП(б)». Вступить же непосредственно в РКП(б) Попов не успел или не смог. Но по словам его ученика

В.А.Савина, к концу жизни Дмитрий Яковлевич «целиком принимал учение коммунизма».

Вернувшись из Москвы в родные края, Попов узнал, что II уездный съезд Советов подтвердил его полномочия на посту председателя Усть-Сысольского совнархоза. Кроме того, ему доверили комиссариаты финансов и социального обеспечения. В самом составе уездного Совета произошли крупные изменения: эсеры, левые эсеры, меньшевики-интернационалисты были выведены из его состава. Арестованы кадеты и препровождены в Котлас, где их потом расстреляли. Остались в Совете одни большевики.

Правда, надо заметить, что Дмитрий Яковлевич приютил у себя в комиссариатах приятелей из опальных партий. Например, в отделе соцобеспечения работали у него левые эсеры Багин и Спиридонов (причем, первый в свое время входил в уездный комитет ПЛСР), анархист-толстовец К.И.Шергин и др.

Сразу же после приезда 24 июля Д.Я.Попов принял участие в работе объединенного заседания исполкома Усть-Сысольского Совета и продовольственного отдела, на котором обсуждался вопрос о хлебе. Дмитрий Яковлевич предложил признать реквизицию хлеба у имущих неизбежной и телеграфировать наркому Л.Д.Троцкому запрос: допустима ли насильственная реквизиция военной силой после исчерпания всех мирных средств в случае полной безнадежности получения хлеба? Заседание приняло предложение Попова. В уезде появились продотряды.

История с хлебом имела для Д.Я.Попова продолжение. Голод 1918 года не коснулся высших советских и большевистских работников. Дмитрий Яковлевич тоже решил не голодать. Осенью 1918 года он организовал для себя целую баржу продовольствия из Деревянска: 39 пудов муки и около 60 пудов картофеля. Однако в пути баржа была задержана в Подъельске, а груз полностью конфискован местными коммунистами. Попов, возмущенный столь наглой выходкой подъельской ячейки РКП(б), подал на нее жалобу в уездный комитет партии. Дело получило огласку на I съезде коммунистов Усть-Сысольского уезда в декабре 1918 года. Действия подъельцев были признаны правильными. Их было много и они голодали, а Д.Я.Попов один, формально не коммунист и мог потерпеть.

Еще в 1914 году в Усть-Сысольске вышла книжка «Коми мойдан да съыланкывъяс» («Коми сказки и песни»), изданная краеведом А.А.Цембером. Под видом «песен» (дабы не привлечь внимание полиции к невиданному явлению – коми поэзии) в книге были опубликованы стихотворения коми поэтов М.Н.Лебедева, А.А.Чеусова, Д.Я.Попова и финна Ю.Вихмана. Таким образом, Дмитрий Яковлевич Попов был еще и поэтом. Перу Попова принадлежали стихи «Восход солнца», «Эжва», «Жатва», «Зимой» и др., в которых он описывал северную природу и крестьянский уклад жизни. «Коми мойдан да съыланкывъяс» получили широкую известность как одна из первых коми книг. В рецензии на нее Н.В.Ильинский, один из основателей

«Вологодского общества изучения Северного края», писал, что поэзия Д.Я.Попова напоминает поэзию Уайльда и Гамсуна, как похожа «угрюмая и суровая природа Скандинавии и ...Зырянского края». Д.Я.Попов упоминается в трехтомной советской «Истории коми литературы», изданной в 1980 году, как поэт «охранительного направления».

Когда большевики приступили к строительству коми социалистической культуры, Дмитрий Яковлевич энергично взялся за новое дело. Он был в числе учредителей первого коми литературного общества «Асья кыа» («Утренняя заря»), затем вошел в состав знаменитой «Коми комиссии», поставившей перед собой цель «национального воспитания зырянского народа путем создания зырянской литературы». Вместе с Поповым в комиссию входили В.А.Молодцов, В.А.Савин, В.И.Лыткин (Илля Вась), А.Н.Надеев, А.А.Цембер, И.Т.Чисталев, А.А.Маегов и др. – все известные деятели коми культуры. Кроме того, Дмитрий Яковлевич возглавил редколлегию уездной газеты «Зырянская жизнь», на страницах которой стал печатать свои стихи и статьи (иногда под псевдонимами «Пунимов» и «Зырянин»).

Приближалась первая годовщина Октябрьской революции. О том, как юбилей прошел в Усть-Сысольске, сегодня уже достаточно хорошо известно. Это был «наш день» для советской и партийно-большевистской номенклатуры. Сразу после манифестации началась грандиозная попойка, в которой приняли самое активное участие председатель уездисполкома В.П.Осипов, председатель уездной ЧК М.М.Ляпунов, председатель усть-сысольского комитета РКП(б) В.И.Чуистов, уездный военный комиссар И.Г.Казак, вологодский губернский комиссар А.А.Кузнецов, председатель совнархоза Д.Я.Попов и др. Выпито компанией было немало: два ведра и 12 бутылей спирта, изъятого из городской аптеки «для технических нужд». По показаниям большевика Д.И.Розанова, «...член исполкома Дмитрий Яковлевич Попов, всегда украшающий своими речами собрание, обратился к нам с прочувственным приветствием по поводу великой годовщины, причем я сразу заметил, что он был заметно в нетрезвом состоянии». Возмущенные пьянством администрации, рядовые коммунисты с помощью красноармейцев задержали некоторых участников юбилейного банкета, которые после возлияний катались по городу на лошадях, в милиции до полного отрезвления.

На следующий день, 8 ноября, состоялось собрание коммунистов и красноармейцев, на котором рядовые партийцы возмущенно критиковали пьяное руководство. Узнав об этом, председатель ЧК Ляпунов (к слову, бывший анархист) распорядился разогнать собрание и арестовать инициаторов, как пособников белогвардейцев. В Усть-Сысольске ввели чрезвычайное положение, гарнизон разоружили чекисты, десять человек бросили в тюрьму. Почту и телеграф контролировала ЧК. Позднее эти события были охарактеризованы как «переворот, восстание ЧК». Большевик С.И.Королев в своих воспоминаниях утверждает, что Д.Я.Попов был в числе тех, кто организовал

этот «переворот». В это трудно поверить. И.С.Юрьев в своих показаниях на процессе по делу Ляпунова и др. заявил, что «нигде помину нет про члена исполкома о.Дмитрия Попова, может быть за эти праздники он выпил спирту три бутылки, но остался в стороне».

Все, кто организовал события 7-9 ноября 1918 года в Усть-Сысольске, были позднее арестованы и преданы суду революционного трибунала. Д.Я.Попов отделался легким испугом, он сохранил за собой все портфели в уездном Совете.

Ноябрь 1918 года оказался вообще трудным месяцем. Вышел в свет декрет ВЦИК о чрезвычайном революционном налоге по РСФСР в сумме десяти миллиардов руб., по которому Усть-Сысольский уезд должен был выплатить в Комиссариат финансов РСФСР три миллиона руб. до конца года. Таких денег в уезде отродясь не водилось. Созданная Поповым Особая комиссия по выплате налога заседала дни и ночи, но не могла изыскать нужную сумму. Возможно, последняя ревизия (упомянутая выше) в Ульяновском монастыре была вызвана как раз декретом ВЦИК. 30 ноября Д.Я.Попов и возглавляемая им комиссия пришли к заключению, что «при отсутствии в уезде промышленности и торговли, слабо развитого земледелия и чрезвычайно низкой покупательной способности населения... налог в размере трех миллионов рублей является чрезвычайно тяжелым...» Комиссар финансов РСФСР Н.Крестинский, получив телеграмму Д.Я.Попова о «тяжести налога», любезно отстрочил выплату денег до 2 февраля 1919 года. После этого Особая комиссия Д.Я.Попова распределила суммы выплаты на каждую зырянскую волость. Причем, непропорционально. Например, сысольская Ыбская волость должна была заплатить 189540 руб., а рядом находящиеся Пажга и Выльгорт по 46 и 74 тысяч. Налог бил прежде всего по буржуям и кулакам. Последних, по данным Особой комиссии Попова, в Ыбской волости было много. Вот и решили встряхнуть их как следует.

В декабре 1918 года состоялся III уездный съезд Советов. Попов болел, вместо него отчитывался о деятельности совнархоза В.Н.Данилов. Делегаты признали, что Д.Я.Попов – «единственный человек, знающий до мелочи все наше хозяйство». Съезд выразил Попову, как «честному и энергичному работнику... самую горячую благодарность... за его высокополезную... деятельность... на благо и процветание Зырянского края». Дмитрий Яковлевич был переизбран на пост председателя совнархоза. В то же время он отказался от руководства уездными финансами и социальным обеспечением, решив заниматься только хозяйственными делами.

В 1919 году усть-сысольский совнархоз предпринял некоторые шаги по восстановлению уездной промышленности. Были открыты 50 кузниц, составлена смета на оборудование 14 смолокуреней. Выделены средства для модернизации Кажимских заводов, национализирована типография З.Д.Следникова. В планах совнархоза значилось строительство в уезде цементного и кирпичного заводов, а также завода по обработке фосфоритов.

В январе 1919 года экспедиция совнархоза под руководством Т.С.Колегова вернулась с Ухты, где занималась нефтедобычей, и привезла с собой свыше 46 пудов керосина, 14 бутылей бензина и 28 пудов колесной мази. Была доказана возможность разработки ухтинского месторождения в военное время.

Много сил и средств уходило на более прозаические дела, как-то: заготовка дров, реквизиция скота и лошадей для нужд Красной Армии, сбор ягеля для переработки в муку. Деятельность Д.Я.Попова во главе совнархоза получила одобрение на IV (март–апрель 1919 года) и V (июль 1919 года) съездах Советов Усть-Сысольского уезда.

В июне 1919 года Дмитрий Яковлевич принимает участие в I губернском съезде Советов народного хозяйства в Великом Устюге. Судя по газетным отчетам, Попов играл видную роль на этом форуме. Именно он выступил с итоговой речью, в которой обрисовал экономические перспективы революционной России: «Мы должны играть первенствующую роль на мировом рынке... В будущем Россия должна с честью нести знамя экономического обновления. Революция укрепитя тогда, когда будет правильно построена экономическая политика».

По возвращению из Устюга Дмитрий Яковлевич неожиданно заболел (сердечная недостаточность) и вышел в длительный отпуск. Однако подлечиться и отдохнуть ему не дали.

В это время в Усть-Сысольске располагался штаб советских войск Пинега-Печорского края. Он издавал свою газету «В Зырянском краю», на страницах которой подвергал местных коммунистов жестокой критике за их ошибки и недостаточную бдительность в отношении явных и тайных врагов советской власти. По мнению штабистов, к последним надо было бы отнести всех чиновников царского времени, не говоря уже о полицейских, ставших милиционерами, или о священниках, переквалифицировавшихся в комиссары. Усть-Сысольская организация РКП(б) попала в чрезвычайно неприятное положение. Штабисты прямо называли ее постановления и различного рода циркуляры «гнусными». В ночь на 5 июля штабисты организовали настоящую облаву с обыском на дому у неблагонадежных, по их мнению, советских работников Усть-Сысольска. Обыск произведен был, в том числе, и у Д.Я.Попова. Результаты акции не были сообщены усть-сысольскому уездисполкому. Последний, как высший орган власти в уезде, возмутился подобным отношением к себе и обратился с жалобой на штаб в усть-сысольский уездный комитет РКП(б). Тот в свою очередь подал жалобу в губком партии, где, в частности, отмечалось, что «...штабом... проведены реквизиции у граждан частной собственности (мебель, посуда и прочая домашняя утварь). Производились ...без ведома уездкомпартии и уездисполкома обыски и даже аресты советских служащих... произведен учет в лавке общества потребителей... учет имел чисто вымогательский характер (а именно – с целью получить кожаную обувь)...» и т.д. Северо-

Двинский губком РКП(б) оставил жалобу усть-сысольцев без внимания, и положение в городе нормализовалось только после смены руководства штаба Пинега-Печорского края.

В сентябре 1919 года Д.Я.Попов выехал в Великий Устюг на работу в северо-двинский губсовнархоз. К сожалению, пока не обнаружены архивные документы об этом периоде жизни и деятельности Дмитрия Яковлевича. По одним данным, Попов вернулся в Усть-Сысольск в конце 1920 года, по другим – в начале 1921 года. Был он уже серьезно болен и сразу уехал в Деревянск, где имел собственный дом. Там он и скончался 9 октября 1921 года.

По воспоминаниям А.А.Цембера, посетившего вдову Д.Я.Попова в марте 1922 года, «...перед смертью Д.Я.Попов жаловался, что его забыла Советская власть. Как больной, он нуждался в питательной пище, но не было ни мяса, ни сахара. Если бы не дочь Мария Дмитриевна Гусева, то у них не было бы и хлеба... На мой вопрос: «Дмитрий Яковлевич сам ли пожелал похорониться по православному обряду?» – вдова ответила, что она ему этот вопрос не смела задать, но дочь незадолго перед смертью спросила его, и он ответил, что после смерти он уже не может распорядиться». Отпевали «расстригу» несколько священников, что стоило вдове больших усилий. Похоронили Попова в церковной ограде.

В.А.Савин откликнулся на смерть учителя большим некрологом в газете «Югид туй», где признал, что «...таких людей, как Д.Я.Попов, мало было в дни революционной борьбы в Усть-Сысольском уезде, и память о нем должна остаться среди нас – молодых работников, вышедших на арену новой жизни после него».

Действительно, в 1920-е годы память о Д.Я.Попове еще сохраняли. На юбилейных торжествах с особой теплотой вспоминали о той роли, какую сыграл отец Дмитрий в установлении советской власти в Усть-Сысольске. Ситуация изменилась в 1930-е годы, когда начался безудержный поиск «врагов народа». Покойный Попов был хорош тем, что ни слова не мог сказать в свое оправдание. Тут же имя Дмитрия Яковлевича стало синонимом «контрреволюционера». Стремление Попова к образованию автономной Коми республики интерпретировали, как желание обособиться от Советской России и реставрировать капитализм. Припомнили Дмитрию Яковлевичу и пребывание его в рядах меньшевистских партий, особенно среди эсеров. И хотя Попов никогда не был кадетом, историк Н.И.Ульянов назвал его «зырянским Милюковым». Из активного сторонника советской власти Д.Я.Попов парадоксально превратился на страницах трудов советских историков в ее заклятого врага...

Литература и источники

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Февральская революция и смена власти в Коми крае // Вопросы социально-политической и социально-экономической истории

Республики Коми XX века. Сыктывкар, 1996. (Труды ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН; Вып. 61).

Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Первые проекты государственного строительства в Коми крае // Чтения, посвященные 100-летию Ф.Г.Тараканова. Сб. докладов и сообщений. Сыктывкар, 2000.

История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2.

Кузванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. Сыктывкар, 1996.

Таскаев М.В. Упоминается в трудах историков // Вестник политической информации, 1989. № 19.

Таскаев М.В. Экономическая деятельность Д.Я.Попова // Научные экспедиции и исследования Коми края. Сыктывкар, 1993.

Таскаев М.В. Комиссар в рясе // Родники пармы. Сыктывкар, 1996. Вып. 4.

Таскаев М.В. Попов Дмитрий Яковлевич // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар, 1999. Т. 2.

Таскаев М.В. Эх, дороги... // Родники пармы. Сыктывкар, 2000. Вып. 5.

Очерк 3. Борец за Коми республику

Пожалуй, ни одно из действующих лиц истории Коми республики не вызывало столь глубокого интереса, как Дмитрий Александрович Батиев. На его долю выпало столько хулы и хвалы, что с лихвой хватило бы не одному десятку политиков. Попробуем проследить основные вехи жизни этого политика, не идеализируя, но и не очерняя его.

Батиев, Сорокин, Кондратьев...

Загадки в жизни Дмитрия Батиева начинаются с даты его рождения. В разных документах, записи в которых сделаны либо самим Батиевым, либо с его слов, фигурируют различные числа: 19 октября, 1 ноября, 2 ноября... Это доставило немало хлопот биографам. Вероятнее всего, такая путаница была вызвана переменой в начале 1918 года так называемого «старого стиля» календаря на новый; при пересчете дат люди часто путались, сколько дней надо прибавлять к «старой» дате рождения, чтобы появилась новая. Ясность удалось внести краеведу из села Гам, родины Д.А.Батиева, А.И.Некрасову, установившему, что Дмитрий Батиев родился 19 (31) октября 1896 года. Произошло это в деревне Кебырыб, входящей в состав села Гам. Отец будущего политика большим достатком похвастаться не мог, главным его богатством были дети (у Дмитрия были две сестры и брат). Первые годы жизни Дмитрий Батиев провел в Кебырыбе, помогал родителям по хозяйству, учился в гамской второклассной школе, которую окончил в 1912 году, с 15 лет подрабатывал в Архангельске «мальчиком» на лесозаготовках и сплаве.

Дальнейшая его жизнь могла сложиться столь же прозаично, как и у подавляющего большинства его земляков, но судьба распорядилась иначе. Будущее Батиева оказалось на некоторое время причудливым образом связано с жизнью и деятельностью мальчика, бывшего семью годами старше, закончившего несколькими годами раньше него (в 1904 году) ту же гамскую школу и направленного местным учителем А.Н.Образцовым в учительскую семинарию, находившуюся в селе Хреново Костромской губернии. Звали того паренька Питирим Сорокин – будущий всемирно известный социолог, профессор Гарвардского университета в США... Вполне возможно, что и Батиев, поступивший в Хреновскую семинарию в 1913 году, попал туда по протекции А.Н.Образцова.

Жизнь Батиева во время учебы в Хреново складывалась поначалу в полном соответствии с названием этого села. Позднее он писал хорошо знавшему его видному советскому государственному деятелю А.С.Енукидзе: «Я учился один коми среди русских и постоянно вызывал среди них смех и издевательство своим незнанием русского языка и обычаев и до 20-ти лет я был среди русских «диким», что породило во мне вражду ко всему русскому, и я стал страшным националистом и все свои знания решил употребить на освобождение своего народа от национального гнета». (Читая это любо-

пытное признание, надо иметь в виду, что сделано оно было в 1933 году, когда Батиев находился в тюрьме по обвинению в «буржуазном национализме»). Интересно, что Сорокин тоже вспоминал, как «чувствовал себя чужаком», покинув Коми край: «Ощущение чужеродности сохранялось некоторое время по приезде в Хреновскую школу... Я, одетый в домотканые вещи, с манерами, лишенными городского лоска, выглядел и чувствовал себя деревенщиной, что давало повод некоторым людям в школе относиться ко мне соответственно моему виду».

Постепенно Батиев втянулся в суматошную жизнь семинарии и расположенных поблизости промышленных городов, привык говорить по-русски, стал тесно общаться с учащимися и преподавателями семинарии, встречался с рабочими и крестьянами, чиновниками и интеллигенцией, эсерами и социал-демократами, анархистами и монархистами... «Для достижения равноправия народов я считал необходимым сначала освободиться от царизма», – вспоминал Батиев. Наиболее близкими по духу показались ему воззрения социалистов-революционеров. Большое влияние при этом на Батиева оказал Николай Дмитриевич Кондратьев – будущий крупнейший российский экономист, пользовавшийся мировой известностью и репрессированный в 1930-х годах по делу так называемой «Трудовой крестьянской партии».

Кондратьев учился в той же семинарии, но раньше Батиева (он был на четыре года старше), в 1905–1907 годах, почти одновременно с Сорокиным (тот поступил в семинарию в 1904 году); будущие социолог и экономист тесно сдружились. Сорокин, увлекшийся в годы первой русской революции идеями эсеров и ставший, по его собственным словам, «активным агитатором за свержение царизма и руководителем отделения социалистов-революционеров в школе (семинарии) и округе», привлек заниматься общественно-политической деятельностью Кондратьева. После ареста, четырехмесячного заключения и исключения из семинарии в декабре 1906 года Сорокин уехал; Кондратьев сменил его на посту лидера эсеровского кружка. Впрочем, и он через полгода тоже был исключен и уехал в Петербург, учился там несколько лет, причем снимал жилье вместе с П.А.Сорокиным, а в 1915 году, после окончания университета (Сорокин закончил его в 1914 году), видимо, вернулся в Хреново.

Возможно, именно Кондратьев обратил внимание на зырянского юношу, еще недавно с трудом говорившего по-русски, а теперь ставшего недюжинным оратором. Как бы то ни было, в 1916 году Батиев вступил в существовавший в семинарии эсеровский кружок и позднее писал, что состоял «до 1917 года июня месяца у с.-р. (социалистов-революционеров – *Авт.*) у Кондратьева по общественной деятельности». Пожалуй, именно под влиянием Н.Д.Кондратьева Д.А.Батиев стал интересоваться и проблемами экономического развития.

Начало политической деятельности

Во время Февральской революции Батиев проявил себя активнейшим образом. Он стал председателем комитета учащихся семинарии, членом комитета всех средних учебных заведений Кинешемского уезда, «был одним из организаторов фабрично-заводских комитетов и проводником арестов консервативных элементов».

Вернувшись в мае 1917 года домой, Батиев быстро включился в общественно-политическую жизнь Коми края. Среди членов «новых», появившихся после Февраля руководящих органов (временные комитеты и др.), в Коми крае преобладали прежние чиновники. Но появились и новые политические силы. В Яренском уезде оппозиция группировалась вокруг образованного в Яренске 6 мая 1917 года оргкомитета по созданию уездной организации партии социалистов-революционеров (председатель оргкомитета С.П.Гулынин). Первая в сельской местности Яренского уезда эсеровская ячейка возникла в Гаме. Ее организовал Батиев, ставший ее председателем. Затем организации социалистов-революционеров появились в Усть-Выми и других селениях уезда. Симпатии Батиева и многих других жителей крестьянского Коми края эсерам вполне естественны: программные требования этой партии (демократическая республика, политические свободы, социализация земли и др.) были им близки и понятны. Социалисты-революционеры были нацелены на взятие власти в уезде. Эта цель была подтверждена позднее, 30–31 июля 1917 года, на Вологодском губернском съезде эсеровской партии, где была принята резолюция об основных задачах партийной работы в губернии. Первый пункт резолюции ориентировал эсеров на «захват в руки партии всех публично правовых органов губернии» (волостных, уездных, губернских земств, городских самоуправлений, продовольственных, земельных и других комитетов).

В мае 1917 года жители Жешартской волости на волостном сходе избрали Дмитрия Батиева делегатом на съезд крестьянских депутатов Яренского уезда. 29 мая (11 июня) Батиев и другие делегаты от волостей участвовали в заседании временного уездного комитета, на котором рассматривалось положение в уезде. Комитет был реорганизован «в желательном для крестьянства направлении». В его составе появился официальный представитель партии эсеров А.А.Черепанов, а также представители рабочих типографии, солдат, профсоюзов служащих и даже один портной. Однако председателем комитета остался уездный комиссар К.Е.Добряков.

Как сообщал позднее (2 августа 1917 года) С.П.Гулынин, «партийная организация социалистов-революционеров должна была взять на себя организацию Яренского совета крестьянских депутатов, для чего и был созван съезд крестьянских депутатов». I Учредительный Яренский уездный съезд крестьянских депутатов открылся 30 мая (12 июня) 1917 года и объявил себя выразителем интересов всего крестьянства уезда. Избранный на съезде Яренский уездный Совет крестьянских депутатов (его членом стал и Батиев)

высказался «за демократическую республику как единственно справедливую форму правления России», в поддержку Временного правительства, против сепаратного мира с Германией, но за общий мир – на основе самоопределения национальностей, без захватов чужих земель и без контрибуций. Совет не претендовал на передачу ему власти, но указал на «засилие царской, чуждой народу бюрократии» в существующих органах власти, декларировал свое «право контролировать и вмешиваться во все области местной жизни» и решительно потребовал, чтобы временный уездный комитет считался с его мнением. В те же дни проводились выборы в земскую управу, продовольственный и земельный комитеты, куда, по словам С.П.Гулынина, «удалось выдвинуть членов партии социалистов-революционеров». На съезде был создан и исполком уездного Совета из пяти человек, все – эсеры. Председателем исполкома стал С.П.Гулынин, секретарем С.А.Марков, членами – А.А.Черепанов, В.А.Исаков и Д.А.Батиев. Эсеры играли главную роль в «Яренской газете», первый номер которой вышел 20 июня 1917 года (в газете отмечалось, что она издается «при ближайшем участии Яренской культурно-просветительской комиссии, уездной организации социалистов-революционеров и исполкома Совета крестьянских депутатов Яренского уезда»). Газета сыграла огромную роль в пропаганде общедемократических идей в уезде.

Позднее, в 1924 году, заполняя один из документов, Батиев писал, что «в 1916 году до 1917 года июня месяца» был эсером, «после этого был беспартийным до начала 1919 года». Возможно, Батиев имел в виду, что с июня 1917-го он поддерживал не общую линию партии эсеров, а взгляды так называемых левых эсеров, образовавших «левую оппозицию» на съезде социалистов-революционеров именно в июне 1917 года. Однако на самом деле из партии эсеров Батиев ни в июне, ни в июле 1917 года не вышел (тем более что левые эсеры сформировали поначалу не отдельную партию, а лишь фракцию внутри нее). Известно, что Батиев присутствовал на состоявшемся 2 августа 1917 года собрании представителей эсеровских ячеек Яренского уезда (где был избран уездный комитет этой партии) и даже выступил там с сообщением о возникновении Гамской партийной ячейки и о ее работе (последняя заключалась в том, что «были прочитаны доклады на следующие темы: причины революции, ближайшие задачи демократии и т.д.»). 6 августа открылся II Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, работой которого руководили социалисты-революционеры. Они же и возглавили исполком уездного Совета (В.А.Исаков – председатель, С.А.Марков – секретарь). Вошел в состав руководящих органов и Д.А.Батиев.

В августе состоялся Вологодский губернский съезд эсеров, в котором участвовал П.А.Сорокин. (Он жил в столице, но связей с Коми краем и Устюгом, откуда был родом его отец, не терял. После Февральской революции Сорокин стал членом редакции газеты «Дело Народа», созданной эсерами, через некоторое время оставил эту газету и стал редактором газеты «Воля народа». По предложению А.Ф.Керенского он занял пост секретаря по

проблемам науки во Временном правительстве. Занимался Сорокин и организацией Всероссийского съезда крестьянских депутатов. Он являлся одним из лидеров партии социалистов-революционеров). Вполне вероятно, что на губернском съезде присутствовал и Батиев (как один из лидеров яренских эсеров), и именно тогда и могло произойти их личное знакомство. Сам Батиев писал, что «идеологическому влиянию», которое оказал на него Сорокин, «способствовало» «личное знакомство с ним в первые годы революции».

Мирному сосуществованию различных местных органов власти способствовало то, что все они имели одну основную цель – созыв Учредительного собрания, которое должно было решить все главные вопросы устройства России, объявленной 1 сентября 1917 года республикой. Окончательно уступить власть политикам «февральской волны» старые чиновники вынуждены были после выборов уездных земских собраний. В Яренском уезде они состоялись в сентябре 1917 года. Уездный временный комитет прекратил существование. Должность уездного комиссара Временного правительства сохранялась до конца 1917 года, но власть теперь была сосредоточена в руках земства, в руках яренских эсеров. С 1 сентября 1917 года до начала февраля 1918 года Д.А.Батиев работал учителем народной школы в Жешарте и Гаме. Одновременно с июня 1917 года он являлся председателем волостного ревкома, и именно этот пост, вероятно, отнимал большую часть его времени. Впоследствии Батиев записал в анкете относительно своей деятельности в 1917–1918 годах: «Готовился на учителя, но фактически работал с 1917 года июня месяца на общественной работе».

Время шло. Первая эйфория, вызванная демократическими переменами в политическом строе, сменилась у большей части населения недовольством из-за продолжавшихся экономических трудностей, конца которым было не видать. Не хватало самого необходимого. «В последнее время в городе нельзя найти ни одного коробка спичек. Скоро ли будут они и кто будет заботиться об обеспечении ими населения – судить трудно. Думают ли об этом кому нужно?» – писала осенью 1917 года «Яренская газета».

В конце октября 1917 года начала работу первая сессия Земского собрания нового состава Яренского уезда. На повестку дня были вынесены вопросы социально-экономических преобразований демократического характера в уездах. Но внезапно ситуация резко изменилась... 27 октября (9 ноября) из Вологды пришло ошеломляющее известие: «В Петрограде большевики захватили власть...» Местные органы власти в Коми крае встретили весть о перевороте в столице резко отрицательно. В Петроград и иные места полетели телеграммы: «Яренское объединенное заседание представителей местных самоуправлений, комитетов и организаций рабочих, солдатских и крестьянских депутатов единогласно протестует против захвата власти большевиками, требует признать большевизм врагом Родины и революции...»

В ноябре 1917 года состоялись выборы в Учредительное собрание, наглядно показавшие расстановку политических сил в Коми крае в этот период. Не исключено, кстати, что во время подготовки к выборам в Учредительное собрание в Коми край приезжал Питирим Сорокин, выдвинутый кандидатом в депутаты от Вологодской губернии. Тогда он опять-таки мог встретиться с Дмитрием Батиевым. Осенью 1917 года Батиев ездил по уезду и призывал жителей выбирать в Учредительное собрание эсеров и их представителя П.А.Сорокина. К его розвальням был прикреплен плакат: «Коми народ, не забывай своего Питирима!» Питирим Сорокин и партия эсеров одержали на выборах в Яренском уезде полную победу, получив 87% голосов; в Гаме за списки эсеров проголосовали 316 человек, а за четыре списка остальных партий (в том числе социал-демократов) – всего 25... П.А.Сорокин стал депутатом Учредительного собрания от Вологодской губернии, однако принять участие в работе Учредительного собрания он не смог, так как был арестован в начале января 1918 года Н.Д.Кондратьев, кстати, тоже был избран депутатом Учредительного собрания.

У местных политических лидеров сохранялись надежды на то, что в России большевистская власть не установится. Но дни шли, и надежды эти таяли. В губернских центрах установилась Советская власть. Возвращавшиеся с фронта солдаты были в значительной мере настроены пробольшевистски. Появились и специально направленные солдаты-агитаторы, которые должны были оказать помощь в сплочении местных сторонников нового российского правительства, в которое вошли не только большевики, но и оформившие в декабре 1917 года самостоятельную партию левые эсеры (что, вероятно, могло смягчить отношение к нему местных политиков, придерживавшихся левоэсеровских взглядов). Постепенно сил для осуществления антибольшевистских мер у местных органов управления становилось всё меньше, а давление новой центральной власти нарастало. 1 (14) декабря 1917 года «Яренская газета» сообщила: «В ночь на 30-е ноября (13 декабря – Авт.) в Яренске образовался Военно-революционный комитет. Цель и задача его – быть проводником идей «Народных Комиссаров». Сразу же комитетом был смещен начальник милиции, приступлено к учету товаров в магазинах...» В уездные центры поступали суровые телеграммы из Петрограда с требованиями действовать на местах в соответствии с указаниями большевистских лидеров. Стало ясно, что надежды на провал большевистского переворота не оправдались.

Жители края к новоявленным претендентам на власть отнеслись с осторожностью. Когда Яренский военно-революционный комитет (ВРК) предложил крестьянам с. Айкино послать своих представителей для работы в этом комитете, то «общее мнение схода было резко отрицательное к идее организации нового, неизвестно для чего организуемого военно-революционного комитета, и решено было не посылать никаких депутатов в Яренск. Впрочем, на всякий случай намечены были всё же два кандидата», –

сообщает «Яренская газета». Сходным образом отреагировали и в других волостях уезда. ВРК остался на бумаге, а его функции как органа власти возложили на исполком Яренского уездного Совета крестьянских депутатов. Продолжало действовать и земство; лишь уездный комиссар К.Добряков подал в отставку.

Противоречившие один другому приказы различных органов власти дезорганизовали и без того находившееся в кризисе хозяйство уезда. Жители Коми края, пострадавшие от нехватки всего, чего только могло не хватать, обращали свои взоры не к большевикам, левым или правым эсерам, кадетам или еще кому-либо конкретно: им нужна была какая-то реальная сила, реальная власть. Об опасности подобной ситуации еще в сентябре 1917 года предупреждал П.А.Сорокин, оставшийся на позициях правых эсеров. Тогда в Петрограде, перед открытием Демократического совещания (в нем участвовали представители ряда партий, Советов, профсоюзов, местных органов самоуправления, кооперативов и т.д.; обсуждались вопросы о положении в стране, о власти) он сказал: «Страна приближается к полной анархии, и у меня нет уверенности в благополучном исходе. Мы продолжаем упиваться словами, резолюциями, закрыв на всё глаза... Сведения с мест говорят, что крестьяне устали, перестали бывать на выборах, жаждут порядка, от кого бы он ни происходил... Масса уже хочет не слова, а хлеба... Как царский режим пал благодаря экономике, так же падет благодаря экономике и новый строй...». Никто из «старых» и «новых» претендентов на власть не мог справиться с управлением в одиночку. Требовалось соглашение, компромисс между различными политическими силами. Таким компромиссом стало установление власти Советов – но таких, в которых большевики ведущей роли не играли.

В начале 1918 года в Яренском уезде прошли выборы местных Советов крестьянских депутатов. В с.Гам «по приговору граждан от 2 февраля» председателем Совета был избран Д.А.Батиев, «из крестьян». III Яренский уездный съезд крестьянских депутатов, проходивший 5–14 марта 1918 года, объявил об установлении Советской власти в уезде. Главным уездным органом власти стал Совет крестьянских депутатов и его исполком, стоявшие на небошевистских позициях. Д.А.Батиев являлся делегатом, избирался секретарем съезда, вошел в состав уездного исполкома, активно участвовал в заседаниях. На съезде разгорелись острые споры между делегатами, стоявшими на разных политических позициях – лево- и правоэсеровских, большевистских, меньшевистских, анархистских... Батиев слушал, сопоставлял аргументы тех и других, сам вступал в дискуссии. Во время съезда произошел инцидент, характеризующий нравы того времени. Группа крестьян из Жешартской волости потребовала от съезда срочно оказать населению помощь ввиду трудностей с хлебом. Батиев в ответ на это заявил, что жители волости, несмотря на недостаток хлеба, гонят из зерна самогон; следует это искоренить, тогда и хлеба для питания останется больше. Съезд отложил

рассмотрение просьбы жешартцев. Последние в отместку после заседания напали на Батиева и намяли ему бока. На следующем заседании делегаты выразили Д.А.Батиеву сочувствие и распорядились отдать виновных под суд.

Постепенно влияние пробольшевистских сил росло. В июне 1918 года на IV уездном съезде крестьянских депутатов была принята большевистская резолюция, призывавшая объединиться вокруг Совнаркома РСФСР как единственного выразителя интересов трудящихся. Затем съезд упразднил земские учреждения в Яренском уезде. За эту резолюцию голосовал и Батиев. Политические взгляды Батиева действительно претерпели эволюцию: в списке членов уездного исполкома, избранного в июне 1918 года на IV уездном съезде крестьянских депутатов, Д.А.Батиев указан как левый эсер. Изменились («полевели») не только взгляды Дмитрия Батиева, но и большинства местных жителей: не случайно в июне 1918 года в уездный исполком входили восемь левых эсеров и лишь два правых эсера (а также по одному трудовику, интернационалисту, большевику и анархисту).

В первой половине 1918 года коми политики вполне определенно заговорили о возможности создания Коми автономии. Наиболее последовательно эту идею отстаивал устьсысольский политик Дмитрий Попов. Мысли Попова, очевидно, находили отклик и в Яренском уезде. Стремление к обособлению коми от соседних административных единиц проявилось, в частности, в том, что 17 июня 1918 года в Устюге на съезде представителей Сольвычегодского, Велико-Устюжского, Никольского, Яренского и Усть-Сысольского уездов делегаты двух последних отказались от вхождения в новую Северо-Двинскую губернию.

В эти же дни, 22 июня 1918 года, в Яренске была создана организация, одной из главных целей которой было «образование особой административной зырянской единицы» – общество «Коми котыр» (предполагалась также организация научных экспедиций, создание библиотек и выставок, проведение экскурсий, лекций и т.п.). В число его организаторов и лидеров входили Д.А.Батиев, А.С.Сидоров, В.А.Молодцов, В.И.Лыткин и ряд других видных личностей. Для Батиева это был первый опыт обращения к проблемам автономии коми народа, а также к краеведческой и культурно-просветительной работе. По словам Д.А.Батиева, «общество «Коми котыр» фактически было детищем Сорокина. Последний составил и программу этого общества, которая впоследствии легла в основу программы Общества изучения Коми края». Отметим, что П.А.Сорокин считал необходимым осуществление автономии национальностей в пределах России, отмечая при этом, что «народности культурные, достаточно многочисленные... должны получить... более полную автономию», а «малочисленные, неразвитые народы, ...начав с более ограниченных форм автономии, по мере культурного и политического созревания, будут расширять свои автономные права до тех пор, пока не установят их в полном объеме» (об этом он писал в своем труде «Автономия национальностей и единство государства», изданном в 1917 году).

П.А.Сорокин появился в Коми крае в мае 1918 года. Выпущенный из Петропавловской крепости, он встретился в Москве с Керенским и отправился со своей супругой на север России для организации антибольшевистского движения, заодно увезя в относительно более спокойный регион по просьбе А.Ф.Керенского его жену Ольгу Львовну, сыновей Олега и Глеба и мать Ольги Львовны В.Л.Барановскую. Устроив Керенских в местечке Кочпон под Усть-Сысольском, Сорокин занялся в Яренском уезде и сопредельных районах антибольшевистской агитацией; в частности, 13 июня он прочитал в Яренске двухчасовую лекцию «О текущем моменте», вызвавшую огромный интерес населения. Его бывшие сподвижники Д.А.Батиев, Ф.С.Коковкин и некоторые другие опасались, что резкие выпады Сорокина против большевиков обострят и без того непростую обстановку в уезде, и просили его воздержаться от чересчур, на их взгляд, жестких высказываний.

От эсеров к большевикам

Впрочем, вскоре левые эсеры отказались от союза с большевиками. Руководители большевистской партии пришли к выводу, что в условиях продовольственного кризиса и начинавшейся интервенции продолжать курс на постепенное вытеснение капиталистических элементов города и деревни через систему товарного производства и товарного обращения невозможно. Решено было осуществить ряд чрезвычайных мер в политике и экономике. Одним из первых шагов в этом направлении стало принятие 11 июня 1918 года декрета ВЦИК о создании деревенских комитетов бедноты (комбедов). Комбеды должны были, во-первых, содействовать органам власти в изъятии излишков и кулацких запасов хлеба, а во-вторых, распределять хлеб, предметы первой необходимости и сельскохозяйственные орудия. В руках комбедов оказывалась огромная власть, которая позволяла им не считаться с мнением остальной – большей части крестьянства, что могло привести к расколу и кровопролитию в деревне.

Эту опасность понимали Д.А.Батиев и другие руководители уездов Коми края, не ставшие создавать комбеды. IV Яренский уездный съезд Советов отверг решение о создании комбедов и продотрядов. Аналогичную позицию заняли власти Усть-Сысольского и Печорского уездов. Осуществить (или, по крайней мере, возглавить осуществление) провозглашенных мер могли – и должны были – лишь коммунисты, от которых этого требовала как партийная дисциплина, так и собственная убежденность в необходимости скорейшего построения социализма. Но в Коми крае коммунисты не пользовались известностью и авторитетом в массах. Об этом сообщали и руководители местных парторганизаций. В докладе Яренского уездного комитета (укома) РКП(б) от 19 марта 1919 года говорилось: «Организационная и агитационная работа (коммунистов – *Авт.*) в... Яренском уезде началась вести только в сентябре 1918 года... До сентября наша деревня знала о коммунистах только понаслышке».

31 июня 1918 года губернское руководство разослало на места свое указание о необходимости «разгонять вооруженной силой» неугодные большевикам Советы. В июле левые эсеры в Москве выступили против коммунистов. Но в Яренском уезде отношения между различными партиями были еще довольно спокойными. Собственно, в Яренске распоряжение о «разгоне» уездного совета, руководимого Батиевым и его товарищами, до сентября 1918 года выполнять было некому, хотя уже летом здесь появились посланцы губернских властей, среди которых были братья Степан и Павел Покровские, уроженцы вычегодского села Пезмог, сыновья священника и педагога Ивана Степановича Покровского, уважаемого в Коми крае человека, оказавшего, в частности, немалую помощь в поступлении в школу в с. Гам своему дальнему родственнику П.А.Сорокину. Во время учебы в школе Питирим Сорокин сблизился с семьей Покровских, вероятно, довольно тесно общался с сыновьями Ивана Степановича и, покинув Гам в 1904 году, сохранил о них самые лучшие впечатления. 14 лет спустя им впору было смотреть друг на друга только в прицел винтовки – судьба развела их по разные стороны баррикад.

Братья Покровские, учась в Юрьевском (Тартуском) университете, попали под влияние социал-демократов, после захвата Юрьева немцами уехали в Вологду, сотрудничали там в местной печати. Степан Покровский, в частности, активно писал статьи для различных газет, причем как большевистских, так и эсеровских. Сорокину в июле 1918 года пришлось уйти в подполье, скрываться в лесах. 13 июля председатель Северо-Двинского губисполкома И.М.Шумилов распорядился произвести «следствие по контрреволюционной деятельности П.А.Сорокина» и арестовать его в случае необходимости; по иронии судьбы, Шумилов находился в родстве с Сорокиным, ибо супругой председателя губисполкома была дочь И.С.Покровского Екатерина, приходившаяся, как вы помните, дальней родственницей Питириму Александровичу... В конце концов Сорокин решил сдаться чекистам и был заключен в устюжскую тюрьму.

П.И.Покровский 15 июля 1918 года стал секретарем редакции газеты «Известия Вологодского губернского исполкома», но вскоре был направлен в Яренский уезд для работы в агитационном отделе уездного военкомата. В том же месяце в Яренск приехал и Степан Покровский. Как уже достаточно опытный журналист он возглавил местную газету «Известия Яренского уездного Совета крестьянских депутатов». Номер газеты, в котором он впервые указан редактором, вышел 20 июля 1918 года. «Известия...» являлись органом уездного исполнительного комитета, среди членов которого в то время не было ни одного большевика. С.И.Покровский не являлся членом РКП(б), но придерживался пробольшевистских взглядов, что находило выражение в публиковавшихся в газете его статьях. Позиции уездного исполкома в отношении комитетов бедноты (создание которых уездные власти считали ненужным и даже вредным) и по некоторым другим вопросам расхо-

дились с позицией С.И.Покровского. После опубликования одной из его статей, где содержался призыв к обострению классовой борьбы в деревне между различными слоями крестьянства, Батиев и остальные члены исполкома предложили ему изменить тональность выступлений в печати и назначили соредактором газеты С.Епова (редактировавшего «Известия...» до приезда Степана Покровского).

Д.А.Батиев летом 1918 года продолжал работать в исполкоме, занимаясь, в частности, ликвидацией земских учреждений, выполняя поручения в квартирной комиссии, в комиссии по рассмотрению жалования рабочим, в участковом присутствии по подоходным налогам. Он регулярно участвовал в заседаниях уисполкома, на которых решались главные вопросы жизни уезда – 10, 15, 19, 22, 25 июля, 5, 12 августа... 15 августа 1918 года он присоединился к решению об объявлении Яренска и его окрестностей на осадном положении и создании добровольных дружин из граждан, «стоящих твердо на платформе защиты Советской власти». 22 августа Батиев выступал с докладами об удовлетворении жалованием работников волостных Советов, об организации перевозок по Удорскому тракту. Постепенно он довольно тесно сошелся с представителями пробольшевистских кругов и, в частности, с братьями Покровскими. Сохранилось несколько фотографий того времени, на которых они запечатлены вместе. Как заместитель комиссара внутреннего управления уездом, Батиев тесно контактировал с представителями военных и административных учреждений Северо-Двинской губернии, куда все же вошел Яренский уезд: в частности, поддержал предложение представителя Котласского военного командования Жавнера провести 1 сентября 1918 года митинг в Яренске «для более широкого ознакомления населения с политическим моментом». Батиев голосовал за обложение частных торговцев налогом и контрибуцией, а также в конце концов поддержал организацию продотрядов. На заседании 2 сентября 1918 года он участвовал в обсуждении уисполкома телеграммы в связи с покушением на Ленина.

Под давлением яренских большевиков, организовавших 1 сентября свою парторганизацию, и поддерживавшего их С.А.Жавнера, 9 сентября 1918 года на объединенном заседании уездного исполкома и комитета яренской ячейки большевиков решено было созвать V съезд крестьянских депутатов Яренского уезда. 10 сентября уездный исполком направил Д.А.Батиева в волости, лежавшие вверх по Вычегде от Яренска в качестве агитатора в связи с предстоящим созывом съезда.

А через четыре дня, пока Батиев изучал обстановку в волостях, 14 сентября 1918 года уездная ЧК и местные коммунисты во главе с братьями Покровскими осуществили в Яренске переворот, отстранили от власти негодных им руководителей уездного исполкома. Батиев, видимо, пользовался доверием коммунистов, поскольку те не арестовали его и даже не вывели из исполкома, а лишь назначили ему временного заместителя: «От

исполкома до приезда Батиева назначается товарищ Васев» (в квартирную комиссию). По возвращении из командировки Батиев вступил в свои обязанности (25 сентября был опубликован подписанный им приказ). 23 сентября Д.А.Батиев доложил исполкому о политической обстановке в тех волостях, где он побывал. По его докладу исполком принял решение о более активной поддержке комитетов деревенской бедноты, постановив, в частности: «...2) Выразить пожелание, чтобы комитеты деревенской бедноты чаще навещались членами уездного исполкома; 3) Все лица, тайно или явно агитирующие против комитетов деревенской бедноты или тормозящие их работу, ...будут привлекаться к строжайшей ответственности».

До 1 октября 1918 года – дня открытия V уездного съезда – Батиев оставался членом исполкома. В новый состав этого органа он не вошел, уехал в Петроград на учебу. Яренский исполком выдал ему пособие для проезда туда и назначил ежемесячное пособие до получения государственной стипендии. Примечательно, что Дмитрий Александрович поступил на юридический факультет Петроградского университета – туда же, где раньше учились П.А.Сорокин и Н.Д.Кондратьев... Одновременно он посещал занятия в Институте живого слова, совершенствуя ораторское мастерство. Надо полагать, в это время Батиев отошел от левозеро-вских взглядов. К слову, тогда же П.А.Сорокин (в ноябре 1918 года) написал в устюжской тюрьме свое знаменитое письмо о выходе из партии эсеров. В конце ноября его отправили в Москву, в декабре 1918 года освободили. Вскоре П.А.Сорокин уехал в Петроград, преподавал в университете на юридическом и других факультетах.

В июне 1919 года, по окончании учебного года, Батиев вернулся в Яренск, был кооптирован в исполком, вступил в РКП(б). Стоит отметить, что в то время большевистская организация в Яренском уезде, как и во всем Коми крае, переживала острый кризис, резко сократилась ее численность, упал авторитет, росло недовольство деятельностью коммунистов. Многие партийки распадались, потому что «были созданы скороспело, а члены, вошедшие в ячейки, не были достаточно убеждены в идеи коммунизма», – говорилось в отчете Яренского уездного комитета РКП(б) за май 1919 года. «Ячейки, которые еще остались, бездействуют. На деревенских коммунистов население смотрит враждебно». 13 июня 1919 года Яренский уездный комитет РКП(б) докладывал губернскому комитету партии: «Население относится к коммунистам очень враждебно за то, что коммунисты принимают деятельное участие в реквизициях... Местным коммунистам стало совершенно невозможно подойти к крестьянским массам и [они] остаются одиночки». Вступление Батиева в РКП(б) в этих условиях свидетельствовало о его искренней убежденности в том, что правда – за коммунистами (думается, в 1930-е годы ему пришлось горько пожалеть об этом). В июне-ноябре он являлся членом президиума исполкома и зав. отделом управления, затем – зам. председателя уездного совнархоза.

В октябре 1919 года в связи с наступлением белых красные создали в уезде революционный военный комитет, членом которого стал и Батиев. Этому комитету была передана вся власть в уезде. Батиев вступил красноармейцем в партизанский отряд. После разгрома белых на Вычегде он уехал в Петроград, где с декабря 1919 года учился, очевидно, встречался с Сорокиным, затем из-за голода в начале марта 1920 года вынужден был бросить учебу, с 20 марта преподавал в Айкино, 15 мая 1920 года стал членом яренского уисполкома, членом президиума и председателем уездного совета народного хозяйства (до середины октября 1920 года). 29 июня 1920-го Батиева кооптировали в члены Яренского уездного комитета РКП(б).

Время создавать автономию

После большевистских переворотов лета – осени 1918 года проекты государственного строительства, создания автономии на время перестали разрабатываться советскими деятелями (можно упомянуть только о коми-язычной публикации в «Зырянской жизни» 22 декабря 1918 года, содержащей призыв объединить территории с коми населением «в одну автономную землю»). К ним вернулись уже в середине 1920 года. Летом 1920 года началась подготовка к созыву Всезырянского партийного съезда, на котором предполагалось обсудить проблему объединения коми-зырян «в одно целое» в культурном и экономическом отношениях. Осенью 1920 года в политической карьере Батиева наметился взлет. В сентябре Д.А.Батиев участвовал в работе Северо-Двинского губернского съезда по просвещению зырян (в Усть-Сысольске), где его выбрали в Зырянский отдел Наркомата по делам национальностей (Наркомнаца) РСФСР. Зырянотдел, призванный заниматься изучением насущных потребностей коми народа и содействием их удовлетворению через органы власти РСФСР, был создан еще 25 ноября 1918 года. 19 декабря в Москву из Коми края были командированы М.А.Молодцова и Е.Ф.Вежева – зав. отделом и секретарь. Но уже в январе 1919 года из-за сложного положения в Коми крае все сотрудники вернулись на родину для оргработы среди местного населения.

Теперь Батиев должен был возродить его. 1 ноября 1920 года он был командирован в Москву. В середине ноября зырянотдел начал функционировать. Важнейшей задачей отдела стала организация автономного образования для коми народа. Вскоре, 17 ноября 1920 года орган Наркомнаца – газета «Жизнь национальностей» писала: «Несомненно, важной и неотложной задачей является вопрос об автономии коми – этого богатейшего угла Советской Федерации». 18 ноября Коллегия Наркомнаца назначила заведующим зырянотделом двадцатичетырехлетнего Д.А.Батиева. Его коллеги по отделу тоже были молоды: А.А.Молодцовой было двадцать пять лет, Г.А.Старцеву – девятнадцать... Появление молодого Батиева на одном из ответственных и важных для судеб коми народа постов не было случайным. Его неумная, порой бьющая через край энергия, недюжинные организа-

торские способности, уверенность в своих силах были к тому времени достаточно хорошо известны в Коми крае – недаром Батиев, единственный из троих был избран в зырянотдел единогласно.

Д.А.Батиев возглавил работу по созданию Коми автономии. Возможно, тогда возобновились его контакты с Н.Д.Кондратьевым, который жил в Москве, работал в Плановой комиссии Наркомзема, потом, видимо, в организациях, связанных с Наркомфином. За какой-нибудь месяц сотрудники зырянотдела под руководством Батиева добились ряда важных результатов. Позднее, в январе 1921 года, I Всезырянский съезд (конференция) коммунистов принял специальную резолюцию, где говорилось: «Заслушав доклад о деятельности Зырянотдела Наркомнаца, конференция констатирует большие достижения в короткий срок для народа коми, как то: 1. Открытие зырянского педагогического института (Институт народного образования – *Авт.*). 2. Возможность созвать Первую Всезырянскую конференцию РКП большевиков. 3. Представление докладов в Президиум ВЦИК и Наркомнац о выделении в самостоятельную единицу народа коми и принципиальное согласие на это центральных властей Российской республики...»

Именно Батиев сыграл ключевую роль в том, что ВЦИК и Наркомнац согласились на образование Коми автономии. 16 декабря 1920 года Батиев выступил с докладом в Наркомнаце и Президиуме ВЦИК, отметил, что создание автономного правительства позволит лучше организовать народное хозяйство, снабжение коми народа. Языковая и культурная близость местного правительства и населения, по его словам, гарантировали бы «доверие и симпатию» избирателей к руководству автономии. «Национальное правительство», как подчеркивал Батиев, должно обладать «в полной мере» правами в развитии культуры и народного хозяйства. Дмитрий Александрович подготовил для обсуждения во ВЦИК и Совнарком РСФСР проект основных положений об образовании Зырянской АССР из 16 пунктов. Таким образом, уже в начале работы над созданием Коми автономии он предлагал учредить ее в форме республики. В целом продуманный проект Батиева содержал в то же время некоторые нереальные или наивные предложения, вроде создание «отдельной зырянской армии из одного корпуса». Но надо принять во внимание, что это было время поисков, первых шагов и первых опытов в национально-государственном строительстве народов России.

Наступил 1921 год, ставший для Батиева, наверное, самым бурным годом его жизни, наполненным и радостными, и горькими событиями. В январе 1921 года в Усть-Сысольске состоялся Первый Всезырянский съезд коммунистов. Батиев участвовал в нем как делегат от ЦК РКП(б), и именно в этом качестве он 8 января открыл съезд. 9 января Батиев выступил с докладом, в котором изложил свои взгляды на образование Коми автономии: «Мы приступаем к новому строительству и поднятию экономического благосостояния страны... Необходимо в данный момент поднять на должную

высоту культурный и экономический уровень народа коми; для осуществления означенной задачи необходимо выделить его в отдельную самостоятельную административную единицу». Он предложил создать Советскую социалистическую республику Коми в составе РСФСР. Позднее Батиев еще не раз выступал на съезде, отстаивая свои взгляды.

В выступлениях на съезде и в ряде ранее разработанных проектов Батиев предлагал создать Советскую социалистическую республику Коми в составе РСФСР. В эту республику он считал нужным включить территорию, почти в семь раз(!) превышающую современную Республику Коми, в частности низовья Печоры (дабы иметь выход к морю), земли, населенные коми-пермяками, ненцами, зауральские районы с коми населением, архипелаг Новая Земля и некоторые другие острова Северного Ледовитого океана... Поднимал он вопрос и о возможном объединении в одну республику с удмуртами. (К слову сказать, в Удмуртии тоже были сторонники этого; активнейшим образом выступал за создание единой с коми-зырянами и коми-пермяками республики и за единый литературный язык известный удмуртский писатель и ученый Кузубай Герд). Республика, подчеркивал Батиев, должна иметь свою национальную армию (подчиненную, правда, Реввоенсовету РСФСР) и полное право самостоятельно распоряжаться природными богатствами. Коми республика должна была стать столь обширной и населенной (около 850 тыс. человек), что ее предлагалось разделить на три губернии. Особенный резонанс вызвали слова Дмитрия Александровича о том, что не только проклятый царизм душил национальное самосознание коми, но и Советское правительство ведет все ту же русификаторскую политику...

Предложения Батиева вызвали бурю споров. Руководство Северодвинской, Архангельской, Вятской, Пермской, Казанской и Тобольской губерний, которые должны были лишиться изрядной части своих территорий, заявили, что ничего в Коми автономии не отдадут, да и вообще никакая автономия коми народу не нужна. Среди коми коммунистов тоже было немало противников автономии. Один из них, А.В.Нахлупин, сказал: «В нашей коммунистической среде... имеются националистические тенденции»; коммунисты-сторонники автономии «попали под влияние националистов беспартийных». «У нас нет литературы, литературного языка и своей культуры и говорить о возрождении смешно».

Батиев оказал сильное влияние на выработку тезисов об образовании Коми автономии, принятых съездом. Основные их положения были взяты из его доклада. Съезд высказался за создание автономной республики в составе РСФСР (на чем настаивал Батиев в своем заключительном слове), правда, не столь обширной, как хотелось Дмитрию Александровичу. В автономную республику должны были войти Усть-Сысольский и Печорский уезды, коми волости Яренского и других соседних уездов, населенные коми-пермяками территории Пермской и Вятской губерний.

Серьезная дискуссия развернулась по вопросу «об окончательном принятии конструкции управления республики Коми». После жарких споров многие предложения Батиева были отклонены (в том числе его идея о создании национальной коми армии, которая должна была, конечно, подчиняться Реввоенсовету РСФСР). Но ряд его идей делегаты поддержали: в частности, мысль о полном праве коми народа на природные богатства края: «Все заводы, рудники и богатства на поверхности и в недрах земли переходят в непосредственное ведение» Совета народного хозяйства Коми республики. «Вся жизнь сосредоточена в экономике, – подчеркнул Батиев, – и мы имеем полное право утилизации всех богатств». Съезд также принял его предложение о том, чтобы с территории Коми республики не вывозилось продовольствие.

13 января состоялись выборы в руководящие органы Коми автономии. Батиев стал заместителем председателя республиканского ревкома. 15 января его выбрали кандидатом в члены областкома РКП(б). Кроме того, он остался главой Зырянотдела, преобразованного весной в Коми представительство при Наркомнаце. Это был наивысший взлет в политической карьере Батиева.

Борьба за республику

Пожалуй, успех слегка вскружил молодому политику голову; возможно, Дмитрий Александрович счел, что только он сам – тот человек, который наилучшим образом сумеет завершить создание республики. На первом же организационном заседании Коми областного комитета РКП(б) 15 января Батиев даже заявил, что «с настоящим составом областкома... работать не может и даст характеристик ЦК партии, а последний будет отводить некоторых членов областкома». Стоит сказать, что уже во время работы съезда проявились неуступчивость Батиева, непримиримость к иным точкам зрения; порой он демонстративно уходил со съезда, если отклонялись его предложения.

Областком в ответ решил добиваться отзыва Батиева из Наркомнаца, а докладывая ЦК РКП(б) о решениях Всезырянского съезда поручил А.В.Нахлупину. Тот объявил московскому начальству, что ни о каком национальном возрождении коми в автономии не может быть и речи, и что только пять-шесть беспартийных интеллигентов «возрождают» коми народ и своими идейками об автономизации морочат головы честным большевикам-интернационалистам... Губернские партийно-советские лидеры были того же мнения. Руководители формировавшейся Коми автономии схватились за головы – все труды могли пойти насмарку – и предпочли снова заступить в Москве энергичнейшего Батиева, тем более, что за последнего заступились его яренские коллеги («яренскими товарищами был внесен вопрос вновь о возвращении прав Батиеву, что и было сделано», – было сказано на сей счет на II Всекоми съезде коммунистов в январе 1922 года).

Д.А.Батиев вернулся в столицу, продолжал руководить Зырянотделом, а затем Коми представительством при Наркомнаце. Из-за отдаленности

Коми края от центра, плохих путей сообщения и связи многие вопросы решались Батиевым в Москве самостоятельно. Он, в сущности, являлся фактическим лидером формировавшейся автономии. Батиев обращался во все инстанции, в какие только можно, спорил, доказывал, что автономия нужна, разъяснял, что это за народ – коми (иные из лидеров страны путали коми с чукчами и коряками), «везде и всюду поспевая сам, не спал ночей, в вятских лаптях заходил в Кремль» (из письма Батиева Енукидзе). Стремясь подчеркнуть, что коми народ имеет многовековую историю и вполне достоин автономии, Батиев в представленном в ЦК РКП(б) докладе заявил, что коми некогда заселяли весь центр России, и что Москва – коми название, означающее «Коровья вода». Надо думать, этот аргумент имел успех... Вместе с тем Батиев отвергал обвинение в национализме, говорил, что он интернационалист и считает, что при социализме «не будет ни эллин, ни иудей, ни раб, но свободный человек, как некогда говорил Христос». Работа сталкивала Батиева со многими известными политическими деятелями. Он был хорошо знаком с секретарем ВЦИК А.Енукидзе, его знали М.И.Калинин, И.В.Сталин, А.И.Рыков, Е.М.Ярославский. Земляки Батиева по Гаму утверждают, что среди конфискованных в 1930-е годы документах Батиева имелаась фотография, на которой Дмитрий Александрович запечатлен вместе с В.И.Лениным.

Обработкой российского руководства Батиев не ограничивался. Он взялся даже за организацию своего рода коми коммунистического подполья в уездах с русско-коми населением! В Яренском уезде в марте 1921 года по его инициативе состоялось тайное совещание уездных руководящих работников-коми, на котором решено было втайне от своих русских коллег по руководству всеми силами способствовать скорейшему образованию Коми автономии, передаче коми волостей Яренского уезда в состав автономии и заблаговременному укреплению экономической и культурной базы коми волостей за счет остальных. Планировалось, в частности, перевести электростанцию в Серегово, педагогические курсы – в Айкино. «Заговорщики» разъехались по коми районам для подготовки соответствующих требований, которые должно было выдвинуть местное население. Эта история стала достоянием гласности, разразился страшный скандал. Несколько «заговорщиков» арестовали, Батиева обвинили в том, что он агитировал срывать лесозаготовки в уезде... Для улаживания конфликта в Яренск послали комиссию из представителей ЦК и губкома РКП(б). В конце концов кончилось тем, что кое-кого из «подпольщиков» перевели на работу в другие уезды.

Мечтой Батиева было превращение Коми края в индустриально развитый регион. Пока край представлял собой сырьевой придаток: «Так жили и живем в настоящее время, – писал он. – Работаем много: возим, возим лес и никто ничего не дает». Для разработки стратегии экономического развития в марте 1921 года Батиев организовал Экономический совет, быстро ставший

чем-то вроде «теневого правительства» Коми области. Он состоял из шести секций, в которые по инициативе Батиева пригласили московских специалистов и ученых. Не исключено, что Батиев привлекал к участию в работе этого совещания и Н.Д.Кондратьева – или, по крайней мере, порой обращался к нему за консультациями. Здесь выдвигались, обсуждались и принимались самые разные проекты, порой казавшиеся довольно фантастическими, однако же во многих из них был свой резон. На повестку дня ставилось строительство крупного морского порта на побережье Северного Ледовитого океана в незамерзающем устье р.Инди́га, канала Печора–Инди́га, железных дорог Пермь–Печора и Инди́га–Усть-Ухта, развитие лесной и нефтяной промышленности, поиск и разработка других полезных ископаемых, передача Коми республике части морского флота... Были заключены договоры на разработку лесных материалов, постройку кирпичных заводов в области. Не вдаваясь в подробное обсуждение плюсов и минусов тех или иных проектов, отметим все же, что проблема строительства железнодорожных магистралей через территорию Коми, связавших бы различные регионы страны друг с другом, открывших бы возможности для подвоза товаров к морскому порту, была поставлена Батиевым и его коллегами вполне справедливо. Сегодня эта проблема вновь обсуждается, уже на новом уровне, с несколько иными подходами, но тем не менее в каком-то смысле проект строительства «Белкомура» есть продолжение и развитие идей, отстаивавшихся Дмитрием Александровичем и его коллегами еще в начале двадцатых годов.

Предпринимались попытки внедрять новации не только в индустрии и транспорте. На Алтае на 20 миллионов рублей закупили пчел, дабы развивать в Коми пчеловодство и торговать медом. Эти расходы, как и выплата задатков по расторгнутым позднее ревкомом договорам (250 миллионов), стали затем одним из главных обвинений, выдвинутых против Батиева, Молодцовой и Елфимова. Но возлагать ответственность за невыгодные договоры только на представительство несправедливо, так как все они обсуждались в ревкоме и других областных органах (в том числе и вопрос о закупке пчел) и не вызывали возражений. Не забывали и о рекламе: планировалось организовать издание журнала на французском языке, чтобы о Коми области могли читать за рубежом. Были налажены контакты с научными учреждениями, организованы поиски и обследования месторождений полезных ископаемых на Печоре и Ухте. Работал Экономический совет в Москве; впрочем, однажды Батиев взял с собой нескольких его сотрудников и на специальном пароходе в сопровождении оркестра прибыл с визитом в Усть-Сысольск. Пребывавших там областных лидеров просто зависть брала от такого шика.

Д.А.Батиев, конечно, был сыном своего времени, и иные из его предложений, казавшиеся, видимо, вполне естественными коммунистическим лидерам страны и регионов той эпохи, сегодня в наших глазах выглядят

совсем иначе. В апреле 1921 года Батиев предложил организовать на р. Ухта огромный концентрационный лагерь и направлять туда заключенных со всей России, дабы использовать их труд на нефтепромыслах и лесозаготовках. 20 апреля 1921 года Политбюро ЦК РКП(б) под председательством В.И.Ленина решило организовать такой лагерь на 10–20 тыс. человек. В конце апреля того же года Политбюро заслушало доклад Председателя ВЧК Ф.Э.Дзержинского о плане «расселения кронштадтских бандитских матросов в карательной колонии на Ухте». Д.А.Батиев являлся членом комиссии по организации ухтинского концлагеря, образованной при ВЧК. Создание лагеря затянулось до 1929 года, когда сам Батиев оказался одним из первых кандидатов в его узники...

Пока готовились документы, обосновавшие необходимость создания Коми автономной республики, пока они проходили по инстанциям (в частности, через НКВД), минуло 3 месяца. 25 апреля 1921 года вопрос о Коми автономии обсуждал Совет национальностей Наркомнаца. Батиев убеждал присутствовавших «высказаться за выделение народа коми в автономную республику». Один из его аргументов заключался в том, что «такая республика явится буфером, ограждающим РСФСР от нападения ее врагов с севера». Однако будущий «отец народов» И.В.Сталин, возглавлявший тогда Наркомнац, был настроен против республики – достаточно будет и автономной области, рассудил он. Сталина поддержали другие члены Совета национальностей. Только один Батиев не согласился с Иосифом Виссарионовичем и потребовал внести в протокол и свое особое мнение на сей счет. Он предлагал провозгласить пока лишь необходимость создания автономии, а выбор ее формы был бы поручен «съезду Советов народа коми». Президиум ВЦИК особое мнение Батиева во внимание не принял и 5 мая 1921 года постановил образовать Коми автономную область, вопрос о границах которой оставался пока открытым. 12 мая 1921 года Президиум ВЦИК официально утвердил состав Коми (Зырянского) представительства (так стал называться бывший зырянотдел) при Наркомнаце: Д.А.Батиев – председатель, А.А.Молодцова – зам.председателя, В.Х.Елфимов – член коллегии.

Власти Архангельской губернии поначалу, в мае 1921 года, возражали только против передачи в Коми автономии русских волостей и островов, но в июне пришли к мнению, что создавать Зырянскую АО вовсе не следует, и предложили коми ревкому и областному РКП(б) заниматься только культурно-просветительскими вопросами среди коми населения разных губерний. Решительно против передачи коми-пермяцких волостей в Коми область был настроен Пермский губисполком.

Батиев и его коллеги по Коми представительству делали все для того, чтобы отстоять идею об обширной Коми республике (или хотя бы области). В докладе на заседании Наркомнаца 28 июня 1921 года они настаивали на включении в Коми область всего Прикамья, всей Печоры, островов Новая

Земля, Вайгач, Колгуев и даже Шпицберген, побережья Северного Ледовитого океана с Чешской и Карской губами, Глазовского уезда Вятской губернии. Батиев неоднократно выезжал на места, выступал в волостях с коми населением, направлял деятельность уполномоченных Коми облревкома при губисполкомах по выделению территорий, материальных ценностей, учету специалистов из коми-зырян. Но не все районы, где Батиев намеревался побывать, он смог посетить. По каким-то причинам Дмитрий Александрович так и не поехал в Пермь и Вятку (Киров). В докладе о работе обкома РКП(б) на II Всекоми съезде коммунистов говорилось, что Батиев «обещал заехать в Пермь, Вятку и Устюг для того, чтобы получить согласие на выделение. Заехал только в Устюг, и то показал себя лишь с худшей стороны, а в остальных не был и даже не поставил в известность обком, чтобы командировали представителя» вместо Батиева.

Наконец 22 августа 1921 года был подписан декрет ВЦИК «Об автономной области Коми (Зырян)», в котором территория области ограничивалась, однако, примерно рамками современной Республики Коми (без Усть-Цильмы). 27 августа появился знаменитый приказ № 1 коми ревкома о вступлении его в управление автономной областью. Не обошлось и без перегибов. Так, Батиев своей властью распространил действие приказа № 1 на территорию Коми-Пермяцкого края. Уполномоченный ревкома Некрасов, получив в Перми этот приказ, поехал к коми-пермякам и объявил, чтобы отныне они не давали продналог губернским властям. Возник большой скандал, пришлось вмешаться центральным органам...

Куда уходили миллиарды

На плечах Коми представительства лежала тяжелая ноша – надо было составлять проекты экономического развития, подбирать кадры, добиваться выделения денег, организовать поставки в Коми область медикаментов, одежды, продовольствия – всего, в чем нуждалась молодая автономия. Батиеву и его коллегам пришлось столкнуться с коррупцией, уже успевшей подобно ржавчине разъесть управленческий аппарат советской России. Вот что показал на допросе в ГПУ сотрудник облздравотдела Н.Г.Савченко: «Вскоре после утверждения Коми представительства ВЦИКом наркоматы начали протекционно отпускать на нужды области все виды... снабжения... Говорилось открыто на заседаниях представительства, что все эти «протекционные» отпуска-получки были связаны со взятками, на что представительство смотрело как на должное, говоря «получаем на миллиарды, даем миллионы – не давать, значит ничего не получать, – мы не теряем, а наоборот приобретаем и т.д. Под такой подкладкой были получены грузы из Центрального союза, НКФ (наркомата финансов – *Авт.*) (деньги), НКпроды – продукты, обувь, мануфактура, в том числе и продукты диетического питания для больных...».

За все это приходилось платить нечистым на руку чиновникам, от которых зависело, дать ли товар немедленно или бесконечно откладывать исполнение заказа (в условиях всеобщего дефицита и жесточайшей регламентации распределения власть чиновника была огромной). Приходилось прибегать и к услугам маклеров, устраивавших необходимые закупки. При этом к рукам их, очевидно, прилипали немалые суммы. Одним из таких маклеров был московский нэпман Л.Н.Мадатов, который, согласно показаниям Савченко, «сам говорил, что он очень хорошо у зырян зарабатывает». Не будем оправдывать поступки Батиева, Молодцова и Елфимова, но нельзя не учитывать, что если бы не эти вынужденные взятки, Коми область вряд ли получила бы такое количество средств и товаров...

О том, что к даче взяток вынуждала система, а не личные качества сотрудников Коми представительства, говорит такой факт: сменивший Батиева в представительстве В.И.Сорвачев (в январе 1922 года он стал председателем Коми облисполкома) также был обвинен в даче взяток, на сей раз сотрудникам Госплана (утрясали смету расходов, план социально-экономического развития Коми области). Вопрос о растрате Сорвачевым 400 червонцев, об устроенном им «ужине» для чиновников обсуждался в Центральной Контрольной Комиссии ВКП(б), на областной партконференции. В конечном итоге, впрочем, дело кончилось тем, что поступок Сорвачева признали «некоммунистическим», и ему объявили строгий выговор... Стоит упомянуть, что по «делу» Зырянского представительства проходили не только сотрудники последнего, но и зам. комиссара облздора И.С.Коканин, поручивший Савченко на деньги облздора купить кое-какие вещи лично для себя, начальник автоотдела облтрамота С.П.Томашский, представлявший представительству подложные счета о покупке запчастей для автомашин.

Ни у Батиева, ни у его коллег по представительству не было никакого опыта в обращении с большими суммами денег. Поначалу «жили они на редкость бедно, т.к. никакими материальными средствами не располагали» (из показаний Н.Г.Савченко). Лишь после официального утверждения Коми автономной области и ее представительства «им были отпущены первые ассигнования, кажется, в сумме 9 миллиардов рублей» (стоит, конечно, помнить о невероятной дешевизне денег в те годы). Тратили ли Батиев, Молодцова или Елфимов деньги на себя лично? Думается, что корыстолюбие было чуждо им. Заявления Н.Г.Савченко, по словам которого Мадатов будто бы «на деньги представительства скупал для тов. Батиева, Ануфриева, Алфимова (Елфимова – *Авт.*) и Нахлупина ценности (золото, бриллианты)», и супруги Мадатова (последняя, сообщению Колыхматова, грозила, что расскажет, «как, дескать, каталась Молодцова на рысаках и сколько у представительства проедала на мороженое») даны, вероятно, с целью запутать следствие, отвести от себя подозрение.

Батиев, фактически единолично распоряжавшийся деньгами, очень слабо контролировал финансовые дела, строя свои отношения с партнерами, в основном, на доверии, а не на надлежащим образом оформленных документах (он вообще, судя по всему, терпеть не мог всяческих отчетов и прочей «канцелярщины»), что отнюдь не украшает его как руководителя). Характерен такой эпизод, рассказанный Н.Г.Савченко со слов сотрудника представительства И.Д.Попвасева: когда однажды потребовалось уточнить расходование денег, «Батиев выгреб из портфеля разного вида клочки бумаги, годные разве только для уборной (были расписки даже на отрывках чистого поля газет). Всех документов было на сумму до 2-х миллиардов рублей». Узнав, что такие «квитанции» не годятся, Батиев, недолго думая, «часть этих «мелких» документов уничтожил, заменив «одним общим» и принял всю сумму на себя, надеясь получить с подотчетных лиц отчеты. Но... Батиев не знает многих подписей, а следовательно, и лиц, взявших у него авансы». В результате получилось, что все эти деньги «повисли» на нем лично, хотя сам Батиев не истратил на свои нужды ни копейки из них... Часть денег ушла не туда, куда полагалось, потому что Батиев, хорошо знавший, что такое голодная студенческая и не только студенческая жизнь, помогал учившимся в Москве коми студентам и командированным в Москву работникам Коми области. Н.Г.Савченко рассказывал на допросе: «Деньги раздавались... зырянским представительством всем... Таково было отношение Батиева к деньгам... Деньги у него кучей валялись на полу...».

«Очищенное вино не для партийца»

Время от времени представительство устраивало небольшие банкеты для власть имущих. Савченко сообщал, например, что однажды Батиев потребовал отдать ему два ящика с алкоголем, которые Савченко оставил у себя, и сказал, что у него будет ужин с наркомками. Наркомы выпить были, вероятно, не прочь. Известно, что среди знакомых Батиева был А.И.Рыков (заместитель Ленина в Совнарком, а после смерти Ленина ставший главой правительства РСФСР), и лечившийся позднее в Германии от алкоголизма. Вероятно, бывали на «ужинах» в Коми представительстве И.В.Сталин, председатель ВЦИК М.И.Калинин, секретарь ВЦИК А.С.Енукидзе и некоторые другие. (Любопытно, что Енукидзе ранее отбывал в Коми крае ссылку; Рыкова ссылали в Усть-Цильму; Сталин был сослан в соседний район – в Сольвычегодск. Калинин оказался подобным образом «связан» с Коми краем гораздо позже, когда в выросшие при социализме местные лагеря угодила его супруга...). Приезжавшие из Коми области официальные лица тоже не чурались угощения. «Комиссар обособе т.Багин пьянствует здесь всю, ...даже был однажды в пьяном виде задержан городской милицией, откуда его пришлось представительству выручать», – докладывали в Усть-Сысольск из столицы.

Вероятно, были и дисциплинарные нарушения, в частности, пьянство, о котором говорил Савченко: «Из обкомздрава были отпущены спиртные напитки..., все это свезено в склад... Через день я... услышал в складе крики, брань, очевидно, была там драка. Зайдя, я увидел ящики с винами разбитыми, на полу массу пустой уже битой посуды и пьяные рожи красноармейцев-зырян и тт.Попвасева, Ануфриева...» Батиев и Елфимов по возможности отрешивались от этих обвинений. Елфимов утверждал: «Пьянства при мне не было». Батиев заявил: «В большинстве случаев я не знал о выпитии, а узнавал после...» Видимо, какие-то факты имели место. Тем более что, как ни печально, подобные случаи отнюдь не были чем-то из ряда вон выходящим. Достаточно напомнить о том, как руководство Усть-Сысольского уезда отмечало годовщину Октября в 1918 году.

Председатель Усть-Сысольского уездного комитета РКП(б) В.И.Чуистов, председатель уисполкома В.П.Осипов, председатель уездной ЧК М.М.Ляпунов, уездный военком И.Г.Казаков и член Вологодского губисполкома А.А.Кузнецов для празднования первой годовщины Октябрьской революции взяли из аптеки несколько ведер спирта и устроили кутеж, длившийся довольно долго. Городские коммунисты, узнав об этом, собрались обсудить положение. Тогда уездные руководители вознамерились разогнать собрание, угрожая коммунистам револьверами и гранатами, крича «руки вверх» и угрожая всех арестовать. Но в конечном итоге в тюрьме оказались сами подгулявшие «отцы» города и уезда. Впрочем, позднее почти все они снова оказались на ответственных должностях. Стало быть, вера в их классовую сознательность не пропала после той знаменитой пьянки (да и то сказать – не религиозный же праздник отмечали, а пролетарский, коммунистический!).

Пьянство вообще было бичом местной парторганизации. Не случайно во многих решениях партийных органов один из пунктов рекомендовал усилить борьбу с пьянством среди коммунистов. Так, второй пункт резолюции II Усть-Сысольского уездного съезда РКП(б) (март 1919 года) гласил: «Тех членов партии, которые появляются пьяные или будут дебошировать, исключать из партии и предавать суду». А устьвымские коммунисты на своем собрании 3 августа 1927 года постановили: «Поставить боевой задачей – ни одного случая появления в выпившем состоянии на глазах беспартийной массы. Как правило запомнить, что очищенное вино не для партийца, что пьяная болтовня контрреволюционному шагу подобна».

Пьянство было и неременной темой, обсуждавшейся на областных конференциях коми коммунистов. Так, местный партийный лидер А.Чирков на IV облпартконференции (март 1923 года) пообещал: «Сплоченностью и единством наших партийных рядов мы организованно сумеем выбить нашу распущенность, пьяный угар...». Но обещание выполнить не удалось. На следующей облпартконференции (март 1924 года) делегаты заявляли следующее: «Одной из ненормальностей и, пожалуй, главной среди работников

партии является пьянство... Пьянство... наблюдается, главным образом, в самом областном центре» (Казаков). «Абсолютно непьющих среди нас едва ли кто найдется» (Юркин). «Пьянству летом и зимой подвержены работники советско-партийных аппаратов и руководящая часть», – с грустью констатировал и А.Чирков. Впрочем, досталось и самому Чиркову: В.И.Сорвачев «указал, как Чирков ходил босой по городу» (в состоянии опьянения). В ответ Чирков припомнил, «как Сорвачев бегал с ножом в Архангельске». К дискуссии по этой принципиальной и наболевшей проблеме подключились и другие делегаты, вступившиеся за секретаря обкома: «Выступление Сорвачева, который указывает на хождение т.Чиркова босиком без обуви – это для чего?... И мне хотелось бы задать вопрос т.Сорвачеву: всегда ли он ходит в обуви? И всегда ли он трезв?» (М.И.Попов). «Был грех – пил. Я грешил и сознался, пусть сознается и Сорвачев, что он пил в Архангельске и так пил, что с ножом гонялся за той буржуазией, с которой пил» (Никифоров). Какого-либо прогресса в борьбе с пьянством среди коммунистов не смогли найти и участники последующих областных партийных форумов: «Пьянство в организации почти поголовное, очень мало найдется непьющих товарищей» (VI облпартконференция, октябрь 1924 года). «Основной болезнью в нашей организации является пьянство...» «Пьянство, хулиганство и прочее сильно отражаются в массе и подчас вызывают (у беспартийных) совершенно справедливые нарекания» (XII облпартконференция, январь 1926 года). Цитирование можно продолжить... Но вернемся в 1921 год.

Дезертир за работой

Далеко не всегда тщательно проводился представительством набор специалистов для области. В результате могло случиться, что случайный, с неясным прошлым человек оказывался затем на ответственном посту. Именно так было с Н.Г.Савченко, сыгравшем едва ли не роковую роль в судьбе Батиева. Уроженец Томской губернии, большевик с 1909 года, Савченко находился на военной службе (врач и военком санчасти). Армейская жизнь ему надоела, и, поскольку его не отпускали со службы, Савченко (по его собственным показаниям) «с полным сознанием, будучи членом РКП(б), дезертировал из армии и на имеющемся у меня бланке санчасти... написал себе 6-ти месячный отпускной документ, поставил вымышленные подписи...».

Весной 1921 года Савченко завербовался на работу в Туркестан, но пути туда, в Москве, встретил приятеля, который познакомил его с Батиевым. Савченко приняли на работу в представительство врачом, а через неделю он был командирован представительством «в Зырянскую область для организации облкомздрава» как уполномоченный Совета Труда и Оборона. В мае 1921 года Савченко приехал в Москву на съезд наркомздрава, а также для закупок медикаментов в Германии через Внешторг, имея для этого несколько миллиардов рублей.

Медикаменты через некоторое время поступили в Коми область, затем последовали новые партии поставок. Но спустя 2-3 месяца в работе Савченко обнаружались недостатки. В постановлении коллегии Коми облкомздрава от 16 августа 1921 года указано: «...замечены... частичные хищения... Груз безо всяких накладных...». Об этом поставили в известность Савченко и Коми представительство. Согласно показаниям А.А.Молодцовой, «о том, что с грузами облздрава не совсем благополучно», она и, очевидно, другие члены представительства узнали в августе. «Было созвано заседание коллегии представительства, на котором постановили: запросить подробный отчет от Савченко и отправить последнего в область».

Сохранилось несколько записок Батиева, адресованных Савченко (от 22 августа, 23 августа и т.п.), в которых он требовал, чтобы Савченко явился к нему для объяснений, предъявил бы копии ордеров на грузы. Савченко работал в значительной мере самостоятельно, причем отчаянно сопротивлялся попыткам Батиева установить контроль за его действиями. Он неоднократно обращался в облкомздрав и ревком, настаивая на том, чтобы его поставили «в условия автономной работы от представительства». Очевидно, неподконтрольная работа была ему выгодна. Похоже, Савченко было что скрывать, особенно, если учесть упоминавшиеся недостатки с доставкой грузов. Работник представительства Попвасев показал позднее на допросе, что слышал, как Савченко уговаривал другого работника представительства, А.И.Ошмяна, принять груз без накладных.

По странному и вряд ли случайному совпадению тогда же, когда обнаружались недостатки в работе Савченко, последний послал в зыроблчека письмо о злоупотреблениях Батиева и других работников Коми представительства, на которых он попытался заодно переложить и свою вину: «Медикаменты без меня были представительством изъяты, и самый ценный ящик... с кокаином и другими ценными и ядовитыми веществами... вскрыт и расхищен», – утверждал он позднее на допросе.

Конец политической карьеры

Секретарь областкома РКП(б) Я.Ф.Потапов был недоволен чрезмерной самостоятельностью Д.А.Батиева и позднее жаловался, что «областком оказался... простым орудием Батиева» и что вообще реальное руководство областью осуществлял Батиев из Москвы. Ревком потребовал от Батиева отчетов и согласований, но Дмитрий Александрович ограничился лаконичным призывом: «Поменьше канцелярской волокиты и больше целесообразной работы». Терпеть ущемления своих руководящих прав областное начальство не собиралось; Батиев стал слишком влиятельной фигурой, от которой лучше было бы избавиться...

Случай представился, когда в Усть-Сысольск поступили «сигналы», что в делах Коми представительства не всё ладно. Батиева отозвали в Усть-Сысольск. Он собирался взять с собой Савченко, 12 сентября послал ему

очередную записку с вызовом и даже намеревался арестовать его, дав соответствующее распоряжение Ошмяну. Савченко пообещал выехать в Коми область, но вместо этого исчез. 15 сентября он отправил в облкомздрав заявление, в котором обвинил руководителей комиссариата в том, что те вместо помощи посылали ему людей, расхищавших грузы и т.д. «Такое отношение ко мне... считаю для себя чрезмерно дерзким и единственным способом воздействовать на Вас это значит уйти от Вас совсем со службы... Считаю себя свободным и устраиваюсь на другую службу, где нет Батиевых и нет разнузданного произвола политических недорослей...».

Д.А.Батиев покинул Москву 14 или 15 сентября 1921 года, а через день-два в представительство пожаловала комиссия рабоче-крестьянской инспекции Наркомнаца, начавшая изучать делопроизводство, финансы и проч. всплыли данные о взятках, плохой отчетности, банкетах для «наркомов» и других влиятельных лиц из российского руководства... Сотрудники представительства совсем пали духом, и комиссия так сообщала о положении дел: «Никто ничего не делает, потеряли головы, каждый день новости, кто травится, кто давится...».

А.А.Молодцова утверждала: «До ревизии РКИ я действительного положения дел не знала и не подозревала Батиева в злоупотреблениях». По ее словам, «выходило как-то так, что все дела справлялись Батиевым и Тебеньковой» (Евстолия Петровна Тебенькова – секретарь представительства, в 1921 году вышла замуж за Батиева). «Правильно ли расходывались деньги Батиевым я не знаю», так как «на заседаниях представительства никогда председателем... не ставился вопрос, куда и как употреблять ту или иную сумму денег».

Когда Молодцова перед отъездом Батиева осведомилась у него о плане дальнейшей работы представительства, по ее словам, «последовал лаконичный ответ: Ленин не делает никаких указаний своему заместителю, когда он бывает в командировках». Молодцова показала, что «Батиев оставил дела представительства в самом хаотическом состоянии». После ревизии РКИ Наркомнаца Молодцова попросила прислать работников из области для налаживания дела. В ответ на это в октябре приехала областная ревизионная комиссия.

Приехав в Усть-Сысольск, Батиев еще участвует в работе руководящих органов области как их полноправный член. 25 сентября заседал Президиум обревкома, распределялись обязанности между его членами. В постановлении, в частности, говорилось, что «ближайшее руководство» «проведением в жизнь новой экономической политики РСФСР и укреплением и развитием ее основ в области» должно быть поручено Батиеву на время его пребывания в городе Усть-Сысольске». 13 октября Батиев участвовал в заседании Коми ОК РКП(б), посвященном партийному и советскому строительству в области.

Но вскоре, 24 октября, председатель зырянской областной Чрезвычайной комиссии Липовский получил донесение от сотрудника зыроблчека

Кольхматова, который, сообщив о беспорядках в представительстве («Канцелярия представительства... находится в самом хаотическом беспорядке... Видно, что тут хозяина не было, и кому не лень, тот и был хозяин... Что касается финансовой и хозяйственной стороны, то тут черт ногу сломит... Лучше было бы всю эту компанию собрать и всех предать к суду или прихлопнуть...»), потребовал отправить Батиева в Москву: «Поскорей гоните его в шею сюда, а то нам без него трудно работать... Все ссылаются на Батиева...». 7 ноября Кольхматов писал Липовскому: «Работу вести в комиссии невозможно, в особенности без тов.Батиева, ибо здесь без него ничего не разберешь и не найдешь концов».

15 ноября 1921 года Батиев был исключен из партии, 16 ноября снят со всех должностей. Отстранены от должностей были Молодцова и Елфимов. Примечательно, что следствие как таковое еще не началось, а Батиева уже заранее сочли виновным во всем, что творилось в представительстве и даже в том, чего там не происходило, а лишь утверждалось в письмах исчезнувшего сотрудника Савченко. Вероятно, в поспешности, с которой последовало наказание, не последнюю роль сыграли неприязненные отношения, сложившиеся у Батиева со многими руководителями области.

Но уверенности в себе Дмитрий Александрович не потерял. Во второй половине ноября Батиева отправили в Москву разбираться с делами в представительстве. Приехав в столицу, он первым делом потребовал от работавшей там комиссии... отчета о ее работе! Рассерженная комиссия пожаловалась в экономическое управление ВЧК, и Батиев с санкции Коми областкома РКП(б) был посажен под домашний арест, а после сдачи дел новому представительству отправлен на Лубянку, где провел два с половиной месяца. Сам он позднее писал, что «благодаря склокам на месте (т.е. в Усть-Сысольске) я был вовлечен в уголовное дело зырянского представительства». Любопытно, что примерно в то же время большие перемены (и тоже не в лучшую сторону) произошли в судьбе П.А.Сорокина – его несколько раз собирались арестовывать, в 1921 году лишили права преподавания, в сентябре 1922 года выслали за границу... В списке тех, кого намеревались выслать в 1922 году, значился и Н.Д.Кондратьев. Он был арестован, но за него ходатайствовал Наркомфин; Кондратьеву разрешили остаться в России и назначили директором Конъюнктурного института при Наркомфине.

Высокие заступники

На Лубянке Батиев просидел два с половиной месяца. Скоро стало ясно, что свалить все неполадки в работе Коми представительства на одного Батиева не удастся, а многие обвинения вообще не имели под собой оснований. Не исключено, что те «наркомы», о которых упоминал Савченко, не желали, чтобы их имена в какой-либо связи фигурировали на судебном процессе. Да и областное руководство могло опасаться, что суд, чего доб-

рого, отметит и их ответственность за деятельность представительства и сложившееся в нем положение (особенно, если следствие и суд будут проходить в Москве, а не в области, «под крылышком» местных вождей). Но не поэтому ли уже на II Областной партконференции в январе 1922 года решено было просить передать следствие по делу и арестованного Батиева областными органами?..

В результате заступничества Секретариата ВЦИК и Наркомнаца в феврале 1922 года Батиева выпустили из тюрьмы под поручительство Енукидзе, Карклина, членов Коллегии Наркомнаца Павловича и Клингера, и до мая 1922 года он работал в Совете национальностей Наркомнаца заместителем заведующего отделом нацменьшинств. Елфимов остался в представительстве, правда, уже не как один из его руководителей. В его письме, адресованном жене и отправленном из Москвы в Усть-Сысольск 23 апреля 1922 года, есть любопытная информация: «Судить ничего не будут... Енукидзе надавил кнопку, а также Карклин... Здесь политика такова: замять это дело, но Батиев, кажется сядет вторично и тогда, конечно, ему не сдобровать... Ходили к Сталину – он теперь секретарь Цека партии и обещался по возможности снабдить нас и ускорить дело... Он принял хорошо, так что можно надеяться, что какую-нибудь помощь да окажет». В начале августа Елфимов писал из Москвы: «Был в Московском трибунале... Я пока не боюсь, обвинений особенных нет, да и не может быть. Сорвачев (В.И. Сорвачев, новый председатель Коми представительства – *Авт.*) говорит, что нам бояться нечего. Он, наверное, как свидетель, будет говорить в нашу пользу». В другом письме: «Пока не унываем. Сорвачев говорит, что ерунда». Ссылка на Сорвачева весьма показательна: если даже он, остро конфликтовавший с Батиевым, намеревался свидетельствовать в пользу бывших членов представительства, то можно полагать, что усилия по улаживанию «дела» предпринимались действительно мощные.

Из ВЧК дело по постановлению Президиума ВЦИК было передано в Верховный трибунал ВЦИК, оттуда – в Московский трибунал, где следствие тянулось до конца года, менялись следователи... В конце концов следователь Розов Батиеву, Молодцовой и Елфимову «определил 110 статью, а всю буржуазию освободил от суда», – возмущался позднее Батиев (под «буржуазией» он, вероятно, имел в виду Л.Н. Мадатова и кого-то еще). Московский трибунал, однако, это обвинение не поддержал и, согласно постановлению Верховного Трибунала ВЦИК от 27 ноября 1922 года, передал «дело Зырянского представительства» в судебную коллегия Верховного трибунала (11 декабря), а уже на следующий день помощник прокурора Яковлев сообщил свое решение: следствие «произведено недостаточно полно и нуждается в дополнительных следственных действиях», для чего надо «дело передать в Ревтрибунал области Коми на предмет окончания следствия и рассмотрения по существу». 18 декабря 1922 года дело (1908 листов), выписка и «пакет с

вещественными доказательствами, опечатанный сургучной печатью», были отправлены в трибунал Коми области.

Вернулись в Коми область к этому времени и бывшие члены представительства. Батиев в июне 1922 года приехал в Гам, где тут же взялся за организацию районного союза деревообделочников, затем возглавил областной союз, стал членом облпрофсовета. В 1923 году Батиева избрали делегатом областного съезда Советов. В 1922 году у Батиевых родилась дочь Ия, через два года – вторая дочь, получившая имя в честь Коми автономии – Автонома (подрастая, девочка стала стесняться своего необычного имени и предпочитала, чтобы друзья называли ее Тома или Тамара).

Таинственное исчезновение

Между тем главный обвинитель Д.А.Батиева Н.Г.Савченко уехал из Москвы на юг, в Батуми, воспользовавшись документами Наркомздрава, будто бы для лечения, а на самом деле, как сообщал позднее в ГПУ тесно контактировавший с Савченко безымянный «информатор», «предполагая, что это место будет занято белыми, и он там останется, т.к. у него было много золота, и он мог бы безбедно жить». В Батуми, однако, уже не было ни белых, ни меньшевистского правительства, и Савченко устроился работать в больнице под своим собственным именем, рассчитывая, что все обойдется...

В связи с «делом» Зырянского представительства был объявлен его розыск. 8 июня 1922 года Савченко вызвали в Батумскую ЧК и взяли подписку о невыезде. На следующий день он скрылся из Батуми. В конце года Савченко, путешествовавший, видимо, под фамилией Григорович, приезжал в Москву, разузнал, что смог, о результатах следствия по «делу». Отправив председателю ВЧК сердитое письмо с заявлением о своей невиновности и обвинениями в адрес «батиевской шайки», Савченко-Григорович решил опять сменить имя.

При бегстве Савченко захватил с собой бланки документов и печать уполномоченного Совета Труда и Оборона и теперь выписал себе документы на имя работавшего в Коми области врача Д.И.Розанова, с которым он был знаком. Под фамилией Розанов беглец поселился под Калугой на железнодорожной станции Балабаново, поступил на работу в больницу. Бог весть, сколько бы разыскивали его чекисты, если бы в начале января 1923 года в московское ГПУ не поступило донесение от «информатора», сообщившего, что «Розанов» из Балабаново и есть разыскиваемый Савченко. «Савченко все время ходит с наганом и говорит, что если его будут арестовывать, то он уложит и тех, кто его будет арестовывать, и себя. В настоящее время по точным проверенным данным он подготавливается на днях выехать в Польшу...».

Начальник секретной части Московского губернского отдела ГПУ отдал приказ об аресте Савченко-Розанова: «...Взять для этого трех комиссаров, высадку сделать на станции или разъезде весьма осторожно дабы он не

получил предупреждения и не скрылся. Предусмотреть все мелочи до ареста Савченко... Обыск сделать в его квартире самый тщательный...». 10 января МГО ГПУ выдал ордер на арест, и в тот же день Савченко был арестован. У него изъяли наган и 17 тысяч рублей (1 рубль образца 1923 года равнялся 1 миллиону рублей 1920–1921 годов).

15 января 1923 года Савченко допросили в МГО ГПУ. Он старался обелить себя и переложить вину на Батиева и других. 16 января было принято постановление по «делу Розанова-Савченко»: «Савченко Николай Григорьевич... совершил совместно с председателем представительства от Зырянской области Батиевым ряд преступлений, выразившихся в расхищении медикаментов и продуктов, закупленных на государственные средства...» Решено было «дело передать в экономчасть МГО», которая 23 января постановила отправить арестованного в Усть-Сысольск. 25 января начальник оперативной части МГО ГПУ распорядился отправить Савченко в Таганскую тюрьму «для следования этапным порядком срочно под усиленным конвоем в гор.Усть-Сысольск». 26 или 28 января дело Савченко было отослано в областной трибунал Коми области, а «арестованный по этому делу направляется этапным порядком», информировало сопроводительное письмо.

Однако, несмотря на «усиленный конвой» и «срочность», Савченко до Усть-Сысольска так и не добрался. Более того, когда прокуратура Коми области обратилась в Москву с запросом о Н.Г.Савченко, там начали твориться просто чудеса. 9 июля 1922 года Главное управление мест заключения (Главумзак) сообщило, что «сведений о местонахождении врача «Розанов Д.И.» – Савченкова Николая Григорьевича не имеется». 18 июля помощник прокурора Московской губернии информировал: «По наведенным справкам Розанов Д.И., он же Савченков Ник. Григ. не проходит и не проходил в регистратуре МГПО (московского губполитотдела – *Авт.*) и ГПУ, а также не значится и по регистратуре главумзак».

18 августа Совет Труда и Оборона обратился к начальнику губотдела ГПУ г.Калуги: «Управление делами просит навести наиточнейшие справки об учреждении его (Савченко – *Авт.*) арестовавшем». 25 августа из Калуги запрос адресовали уполномоченному губотдела ГПУ по Боровскому уезду: «По полученным нами справкам из Москвы видно, что гражданин Розанов органами дознания Московской губернии и ГПУ не арестовывался, а посему предлагается Вам детальней установить, кем был арестован Розанов, куда последовал после ареста и где находится в настоящее время». 6 сентября в Калугу, а оттуда в Москву были отправлены требуемые «наиточнейшие справки»: «Розанов был арестован кем-то приехавшим из Москвы...».

18 сентября прокуратура Коми области обратилась к московскому губернскому прокурору относительно «недоставления Савченко»: «Прошу принять соответствующие меры в отношении московполитуправления». 21 сентября оперативная часть МГО ГПУ отправила в коми областной

трибунал... цитировавшуюся выше переписку по делу Савченко, ничего другого сообщено не было... Куда же исчез Савченко – бежал из-под «усиленной охраны» с этапа? Может быть, с чей-то помощью? Отсутствие Савченко и Мадатова было выгодно тем, кто стремился замять дело: на отсутствующих проще свалить всю вину, и не надо опасаться неприятных разоблачений. Савченко и Мадатова искали еще в 1926 году, но по-прежнему без результата...

Финал «Дела Зырянского представительства»

Батиев твердо придерживался убеждения, что «действительно виновные Савченко и Мадатов, они скрываются», в то время как «коммунисты-подследственные все время держали себя хорошо и работают до сих пор в совпартучреждениях». «Если были преступления в представительстве, то я не оспариваю их, ибо точно не знаю, но преступления могли совершать московские нэпманы, пользуясь... доверчивостью коми (национальный признак)». На сходную точку зрения в конечном итоге встал и областной суд.

12 мая 1924 года ВЦИК специальным постановлением распорядился закрыть дело. 30 мая старший следователь облсуда Н.Стенин подписал постановление, подводившее итог почти трехлетнему следствию по «Делу Зырянского представительства». После перечисления выдвинутых против Д.А.Батиева, А.А.Молодцовой и других сотрудников представительства и иных деятелей обвинений в постановлении делался такой вывод: «Принимая во внимание», что договоры заключались представительством с ведома областных органов власти, «что вино получал и оставлял в представительстве... Савченко, он же им и распоряжался, что деньги и продукты выдавал Батиев учащимся в вузах коми студентам ввиду их бедственного и безвыходного положения, что выдавал сотрудникам жалование и суточные в размере, превышающем существующие тогда нормы ввиду того, что в это время сотрудники не снабжались НКП (наркомпродом – *Авт.*) пайками ввиду отсутствия продуктов, Батиев вынужден был прибавить жалование, что было известно ревкому области, каковым были приняты счета. Печать была заказана Батиевым с разрешения ревкома и находилась у него, что было также известно и ревкому; что поступки Молодцовой и Елфимова были совершены ввиду неопытности в делах; что по сему делу главные обвиняемые – Мадатов Лев Николаевич, Савченко Николай Григорьевич и Зверева Валентина Егоровна скрылись от следствия и суда...», дело следует представить в суд на прекращение с учетом ряда амнистий.

2 июля 1924 года на заседании уголовного отдела коми облсуда под председательством С.А.Захарова было решено: «Настоящее дело, в силу амнистии от 4 ноября 1921 года, 2 ноября 1922 года, 17 августа 1923 года и постановления ВЦИК от 12 мая 1924 года в отношении обвиняемых Батиева, Молодцовой, Елфимова, Коканина, Томашевского, Ошмяна, Удоратина, Попвасева и Никитина дальнейшим производством прекратить; дело же в

отношении Савченко, Мадатова и Зверевой впредь до их розыска... приостановить...». Так закончилось «дело» Зырянского представительства.

Судьбы ведущих его сотрудников сложились по-разному. А.А.Молдцова в 1923–1925 годах являлась ответственным секретарем Союза работников просвещения, затем заведовала культотделом Коми облпрофсовета, позднее работала в городских и областных органах компартии, прожила долгую жизнь и скончалась в 1979 году. В.Х.Елфимов работал на разных должностях, в том числе заведующим Печорским окружным отделом наркомзема в с.Усть-Уса, после годичного обучения на курсах в Москве стал директором Петруньского оленьсовхоза. В 1937 году снят с этой должности, год находился под следствием в Сыктывкаре, был исключен из ВКП(б). В 1941 году его восстановили в партии. Умер он в 1945 году.

Во главе Общества изучения Коми края

До октября 1924 года Д.А.Батиев руководил союзом деревообделочников, являлся членом областного профсовета, затем находился в командировке в Вятской губернии, а с 16 ноября 1924 по 2 февраля 1925 года являлся ответственным секретарем и членом коллегии Коми облплана. В 1926 году он состоял членом коллегии защитников при областном суде.

С октября–ноября 1923 года Д.А.Батиев стал принимать самое активное участие в работе Общества изучения Коми края (ОИКК), быстро выдвинувшись в число его лидеров. Вместе с другими Дмитрий Александрович занимался разработкой структуры общества, программы его деятельности. 4 ноября 1923 года на общем собрании общества он был избран членом президиума и, вероятно, заместителем председателя ОИКК. Тогда же он предложил издавать краеведческий журнал, подобный тем, что издавались в соседних губерниях. Идею поддержали. Батиев занялся организационной стороной (разработкой сметы расходов и т.п.), и весной следующего года вышел в свет первый номер журнала «Коми му». В апреле 1924 года Д.А.Батиев вошел в редколлегию «Коми му» как редактор экономического отдела журнала (позднее, в августе 1926 года на него возложили обязанность редактировать исторический отдел «Коми му»; правда, к тому времени Батиев уже не являлся редактором экономического отдела). Тогда же, в апреле 1924-го, Дмитрий Александрович возглавил и один из двух основных отделов Общества изучения Коми края – экономический.

1 июля 1924 года Д.А.Батиев был избран председателем ОИКК. 23 июля он был принят кандидатом в члены РКП(б). От имени Общества изучения Коми края высокую оценку его общественной деятельности дали члены руководства общества Н.А.Шахов и А.А.Чеусов, подчеркнувшие, что Дмитрий Александрович много делает для развития краеведческого движения и «благодаря своей настойчивой работе... завоевал безусловное доверие и авторитет» в ОИКК.

Первым крупным достижением Батиева на посту председателя Общества изучения Коми края стало открытие Коми областного музея. Основой для областного музея стала коллекция созданного в 1911 году А.А.Цембером усть-сысольского краеведческого музея, который фактически перестал существовать в 1916 году; имевшиеся в нем экспонаты хранились без особого порядка в непригодном помещении. В 1918 году работа Усть-Сысольского музея была возобновлена; его общественным директором являлся А.В.Холопов. Благодаря Обществу изучения Коми края работа музея заметно активизировалась. В 1924 году для музея выделили деньги и первый (а позднее – и второй) этаж дома Сухановых по Республиканской (ныне Орджоникидзе) улице. Торжественное открытие областного музея состоялось 2 ноября 1924 года; Батиев выступил там с речью о задачах ОИКК. 2 февраля 1925 года его назначили директором музея, состоявшего тогда из «художественно-исторического» и «общего» отделов. Большое внимание Батиев уделял сбору музейных экспонатов, проводившемуся в области и за ее пределами, пополнению созданной при музее научной библиотеки. Работа шла успешно, что отмечали и руководящие органы. Батиев лично ездил в Москву, Архангельск и Вологду за экспонатами для музея, приобретал для художественного отдела картины местных художников, участвовал в заседаниях президиума областного исполкома, на которых решались вопросы о передаче музею различных предметов старины, изъятых из церквей. Осенью 1926 года он побывал на музейных курсах в Москве.

Во многом благодаря энергии Батиева ОИКК стало активно действующей организацией, много сделавшей для изучения культуры и быта народа коми, истории, экономики и природных богатств Коми края. Самого Батиева живо интересовали, в первую очередь, проблемы экономического развития автономии. Не случайно в декабре 1924 года, отвечая на вопрос анкеты о «склонности к роду занятий», он написал: «Экономическая и национальная работа». Батиев подготовил для одного из собраний общества доклад «Экономические перспективы Коми края», активно участвовал в обсуждении докладов по экономическим вопросам, с которыми выступали в ОИКК Я.Ф.Потапов и другие. Батиев стремился найти такие пути развития, которые помогали бы обеспечить самофинансирование Коми области («Мы до сих пор живем на дотациях! – восклицал он. – Как это исправить?»). Природные богатства области, по его мнению, давали основания говорить о возможности этого. Д.А.Батиев отмечал необходимость установления прямых торговых связей Коми области с другими странами (в частности, предлагал торговать лесом), перспективность развития традиционных отраслей хозяйства местного населения (оленоводство на севере и др.). Во время командировки в Вятскую губернию в октябре 1924 года Батиев собирал экономические материалы в районах, которые предполагалось включить в Коми область. Весной 1925 года на I областной краеведческой конференции Батиев, являвшийся одним из руководителей секции производительных сил

и экономики, сделал доклад «Производительные силы и экономика Коми области». Делегаты конференции избрали его членом областного бюро краеведения. Батиев стал заместителем председателя облбюро.

Занимался Батиев и другими проблемами краеведения. В мае 1924 года президиум ОИКК принял решение издать «Историю самоопределения народа коми». Для руководства этой работой решили создать комиссию из представителей облполитпросвета, Общества изучения Коми края и областного издательства. От ОИКК в комиссию вошел Батиев. Чем закончилась работа над «Историей самоопределения», не известно. Но есть сведения, что в середине двадцатых годов Батиев написал довольно объемистый труд (15 печатных листов, то есть приблизительно 240 стандартных книжных страниц) «История революции в Коми области» с документальными приложениями. 20 марта 1927 года Общество изучения Коми края обратилось в Главнауку РСФСР с просьбой оказать содействие в издании этой работы, уже полностью законченной. Возможно, что такое название получила в конечном итоге исследование, начатое в 1924 году как «История самоопределения»; но вполне возможно также, что это разные работы. «История революции» так и не была издана, поскольку в конце двадцатых Батиев снова попал в разряд «сомнительных» в политическом отношении личностей.

Чрезвычайно активно Батиев занимался изучением природы и климата Коми области. Он являлся председателем Метеорологического совета Усть-Сысольска, много сделал для расширения сети метеорологических станций в области, работал в гидрологической секции ОИКК (это ему впоследствии пригодилось, когда он остался без работы и без средств к существованию). Батиев пропагандировал наблюдения атмосферных явлений, призывая население участвовать в подобных наблюдениях и исследованиях (в частности, в газете «Югд туй» 15 апреля 1926 года он предлагал обратить внимание на молнии).

Батиев не остался в стороне и при создании объединения коми писателей. Организационное собрание коми литературных работников состоялось в Усть-Сысольске 12 марта 1926 года. Завязалась острая дискуссия. Дмитрий Александрович считал «необходимым организацию литературных работников, без чего силы у нас слабы. Необходимо составить план работ и в первую очередь поставить освещение жизни коми народа». Новая организация, говорил Батиев, не будет дублировать литературную секцию ОИКК: «На долю секции литературных работников будет падать собирание материала, изучение быта и прочее, а новая организация будет облекать в художественную форму собранные материалы». «Всем заниматься обо всем нельзя, – убеждал он, – а то у нас ничего не получится. Писатели вполне могут использовать сюжеты из материалов, собранных Обществом изучения Коми края».

Точку зрения Батиева подверг критике краевед и общественный деятель А.А.Чеусов: «Позиция, взятая Батиевым, неправильна, Общество изучения

Коми края не может давать материалы для организации литературных работников... нужен штаб, нужна планировка работы, но новая организация не нужна, лучше пусть остается секция литературных работников. Централизовать силы, а не распыляться». Споря друг с другом, Батиев и Чеусов были едины в критическом отношении к понятию «пролетарская литература», «пролетарский писатель», вполне справедливо рассуждая, что никакой особой «пролетарской литературы» нет и не будет. Но остальные участники собрания придерживались иной точки зрения, и решено было создать Коми ассоциацию пролетарских писателей.

Д.А.Батиев прилагал немало усилий для того, чтобы научно-исследовательская деятельность ОИКК была возможно более разносторонней, но далеко не все ему удавалось. Так, в январе 1927 года, докладывая о результатах деятельности общества за минувший год, Батиев сообщил, что планировалось организовать работу целого ряда секций ОИКК: географической, почвоведения, геофизической, ботанической, зоологической, литературно-художественной, антропологии и этнологии, археологии и истории, обычного права коми, медицины, библиотеко-библиографической, «пропаганды краеведческих идей», сельскохозяйственной, кооперативной, охоты и рыбных промыслов, торговли и промышленности, оленеводства, лесного хозяйства и колонизации.

«Однако, – заявил Батиев, – осуществить секционную работу вследствие абсолютной пассивности членов... не удалось». «Это и понятно, – продолжал он. – Когда мы заинтересовать работников ни в коей мере не в состоянии, никто работать не будет». Дмитрий Александрович был, пожалуй, чересчур критичен: для того, чтобы охватить все планировавшиеся направления краеведческой работы в достаточной мере, нужно было бы, наверное, чтобы каждый из членов ОИКК обладал такой же неумной энергией и таким же стремлением браться сразу за несколько дел, как сам Батиев. В то же время, хотя на заседаниях общества и его секций зачитывалось немного докладов, краеведы активно работали над сбором материалов по истории, этнографии, фольклору и т.д., публиковали работы в местных журналах и газетах. Не случайно на заседаниях руководства ОИКК в конце 1926 – начале 1927 года обсуждался вопрос об издании научных «Трудов Общества изучения Коми края» (позднее они действительно стали издаваться, но под немного иным названием – «Записки Общества изучения Коми края»). 27 февраля 1927 года Батиев стал членом Центрального бюро краеведения, руководившего краеведческим движением страны (членом ЦБК он оставался до 16 марта 1930 года). Дмитрий Александрович пытался установить контакты с высланным за границу Сорокиным, надеясь привлечь его к краеведческой работе, но безуспешно...

«Соединить весь народ коми»

Политической деятельностью в этот период Батиев не занимался, хотя оставался приверженцем идеи о создании Коми республики, часто выступал

на эту тему в печати, высказывая в своих публикациях те же взгляды на Коми автономию, что и в 1921 году. Он по-прежнему считал, что в национально-государственном строительстве сделан лишь «первый шаг»: с образованием автономной области коми «неизменно идут по пути подъема своей культуры и развития социалистического хозяйства», но для полноценного развития Коми АО требовалось, по его мнению, объединение зырян и пермяков в составе «отдельной» автономной республики, а также присоединение к ней территории в бассейне Нижней Печоры: «...ибо только при соединении всего народа коми (пермяков и зырян и Нижней Печоры) в форме автономной республики возможно культурно-экономическое возрождение этого народа в целом», – писал Батиев в статье «К трехлетию автономной области Коми», опубликованной в «Коми му» в 1924 году. Идеи об объединении Европейского Северо-Востока России, кстати, актуальны и сегодня: не случайно на повестку дня некоторые политики ставят вопрос о слиянии Республики Коми и Ненецкого округа. Так что и здесь Дмитрий Александрович, можно сказать, опередил время.

В статье «К вопросу об объединении всего народа коми», также напечатанной в «Коми му» в 1924 году, Д.А.Батиев настаивал на «присоединении вообще всех коми к образованной уже их автономной области» (он имел в виду пермяков Кудымкарского края Пермской губернии и Зюздинского края Вятской губернии), пытался доказать наличие исторически сложившихся между ними экономических связей. Но тезис этот был не очень убедительным, поскольку пути сообщения между названными краями и Коми областью находились в зачаточном состоянии. Дмитрий Александрович предлагал объединить пермяков Пермской и Вятской губерний в округ с центром в Кудымкаре с последующим включением в состав Коми области.

Такие взгляды высказывались не только Батиевым. Их поддерживали многие руководители области, они декларировались Коми областными съездами Советов. В «Вестнике Коми обкома РКП(б)» отстаивалась необходимость создания Коми республики, включавшей бы острова Шпицберген, Новая Земля, Вайгач...

В редакционной статье журнала «Коми му» (в редколлегию входили Д.А.Батиев, А.А.Маегов, А.С.Сидоров, А.Я.Фомин и М.Н.Харапов), напечатанной в 1926 году и имевшей программное значение, выдвигалось требование присоединить к области и зауральских коми. Как член редколлегии, Батиев разделял следующее мнение: национально-государственное строительство коми народа не закончено; Коми область не должна входить в состав обширной Северо-Восточной области (идея объединить Коми АО, Вологодскую и Архангельскую губернии в эту область возникла в середине двадцатых годов), так как может утратить свою национальную самостоятельность; необходимо сохранить Коми автономную область и присоединить к ней Коми-Пермяцкий округ, нижнюю Печору и прилегающие острова Северного Ледовитого океана. Эти положения были подтверждены на

I Областной краеведческой конференции. Их поддержала вся коми интеллигенция и областное руководство.

Однако в 1929 году Коми область все же была включена в Северный край. Батиев воспринял это как личную трагедию. «Коми область, – писал он А.С.Енукидзе в октябре 1933 года, – ...превратилась в обыкновенный район, ...и теперь все отделы ...края диктуют жизнью коми народа во всех деталях... Коми народ потерял всякие автономные права... Я потерял всякое доверие к Центру в разрешении данного вопроса... В таком положении, как сейчас, эта территория оставаться не может, так как в нашем крае ничего нового не видно, строили одну... дорогу... и то приостановили, заводы не строятся, только пишут, кричат, а дело не идет. И вся политика русского самодержавия нам давала только непосильный ясак, христианскую религию, чиновника и больше ничего. Теперь... дают тоже непосильные налоги, принудительный труд, а о поднятии материальной и духовной культуры только кричат... Край остается сырьевой базой для Москвы. Этому, безусловно, должен быть предел, и теперь каждый коми образованный человек не может мириться с настоящим положением и ищет выход и выход находят именно в образовании самостоятельного государства».

По словам Батиева, он намеревался «поставить вопрос в Центре... об образовании советской республики в форме... федерации (объединив туда коми, пермяков, мари, мордву, вотяков, самоедов, остяков и вогул) с территорией от Северного Ледовитого океана с островами до Казани, Уфы, от Мезени до границ Якутской республики, захватывая г.Котлас, Вятку, Пермь... и др. с населением не менее 4-х миллионов». «Ничего плохого» в этой идее Батиев не находил, «так как самоопределение народов вытекает из самой Конституции Советского строя». Может, Дмитрий Александрович и впрямь не видел «ничего плохого» в образовании новой союзной республики в СССР, но «компетентные органы» узрели всё слишком хорошо и взяли его «на карандаш».

Тучи над краеведением

В целом дела общества и музея шли неплохо, несмотря на хронический недостаток средств (денег обществу выделялось немного). Батиев, казалось, вполне справлялся с работой организатора краеведческого движения области, но... Относительно благополучная жизнь продолжалась недолго. 10 октября 1927 года Областная контрольная комиссия во второй раз исключила Батиева из партии большевиков за недисциплинированность и «как идеологически невыдержанного». В марте 1928 года это решение подтвердила Центральная контрольная комиссия ВКП(б). 1 марта 1928 года Дмитрия Александровича сняли с должности заведующего музеем (эту должность заняла А.А.Молодцова, работавшая с Батиевым в представительстве), через три дня – с поста председателя ОИКК (на этот пост был избран Н.А.Соснин). Причина была до боли знакома: небрежность в ведении финансовой отчет-

ности. Д.А.Батиев постоянно затягивал представление отчетности в областной финансовый отдел, так что последний пожаловался в областной исполком. Проведенная проверка показала, что – как и в 1921 году в представительстве – отсутствуют расписки на часть израсходованных денег. Общество задолжало издательству, лесозаводу... Дело опять дошло до суда. Батиева обязали выплатить долги из своего кармана.

Батиев, однако, остался одним из руководителей общества, состоял членом областного бюро краеведения и, как уже говорилось, членом Центрального бюро краеведения. Именно ему президиум ОИКК поручил выступить от имени общества на торжественном заседании облисполкома, посвященном 7-й годовщине Коми автономии. Позднее, на открытии конференции Коми ассоциации пролетарских писателей 7 сентября 1927 года, с приветствием от Общества изучения Коми края также выступил Батиев. Решено было создать издательскую секцию для подготовки к публикации имеющихся в ОИКК материалов. В ее состав вошел и Батиев. Он являлся также членом редколлегии «Записок Общества изучения Коми края».

В апреле 1928 года руководители ОИКК и облбюро краеведения обсуждали вопрос об участии в издании журнала «Коми му». Мнения высказывались самые разные. Батиев и Чеусов справедливо указывали на то, что «Коми му» все меньше внимания уделяет краеведению, а редколлегия журнала все меньше прислушивается к мнению членов ОИКК. Правление общества рекомендовало включить в состав редколлегии «Коми му» Батиева как представителя ОИКК, но редколлегия отвела его кандидатуру. Батиев настаивал на реорганизации редколлегии журнала, на включении в ее состав людей, которые были бы искренне заинтересованы в краеведческой работе, в ее пропаганде и в публикации материалов о коми народе, Коми крае. В противном случае, говорил он, нет смысла сотрудничать в «Коми му», надо создавать свой печатный орган – если не научный журнал, то хотя бы «краеведческий бюллетень». Но на выпуск журнала или бюллетеня у ОИКК не имелось средств, а изменение редколлегии «Коми му» было не во власти общества. А вскоре краеведов совсем исключили из числа издателей этого журнала.

3 ноября 1928 года Батиев выступил с докладом о развитии краеведения в Коми области на расширенном заседании Национальной секции Центрального бюро краеведения в Москве. В принятой по его докладу резолюции говорилось: «Доклад признать имеющим большую ценность, принять к сведению и поблагодарить докладчика... Просить докладчика написать статью для «Известий ЦБК» о краеведческой работе в Коми области». Батиев написал такую статью, и она вскоре была опубликована.

Тем временем положение Д.А.Батиева становилось все сложнее и сложнее. Начавшаяся в конце двадцатых годов кампания против краеведов, обвиненных в «идеализации старины» (и особенно «национальной старины») автоматически поставила его как бывшего руководителя и одного из акти-

вистов ОИКК в ряды подозрительных личностей. Кроме того, в это смутное время вспомнились и старые грехи Батиева. Я.Ф.Потапов в начале 1929 года весьма негативно отозвался о деятельности Батиева в период создания автономии. Отзыв был не слишком объективен, но первый камень в сторону Дмитрия Александровича был брошен. Через некоторое время за этим «камнем» последовали и другие...

В течение 14 месяцев, с 1 марта 1928-го по 1 мая 1929 года, Д.А.Батиев был безработным (в ОИКК работа велась на общественных началах). На работу его брать, видимо, не рвались. Наконец 1 мая 1929 года Батиеву удалось устроиться в экспедицию по исследованию сплава и сплавных путей, организованную Центральным советом народного хозяйства СССР. Вначале он работал хронометристом, затем техником по исследованию рек и, наконец, руководил работами «по мелиорации рек Вишерского бассейна». Там Дмитрий Александрович трудился до 1 февраля 1930 года, а затем вновь остался без работы.

В мае 1930 года Батиев участвовал во Всероссийской конференции по краеведению в Москве. 1 августа 1930 года он поступил экономистом-статистиком в колонизационную экспедицию Наркомата земледелия, занимавшуюся исследованием строящейся трассы железной дороги Сыктывкар–Пинюг. Там Батиев работал до 15 октября 1930 года. В сентябре 1930 года состоялось торжественное заседание правления ОИКК, посвященное 150-летию присвоения Сыктывкару статуса города. Среди выступивших был и Батиев. «Широкие возможности, данные Октябрьской революцией к самопознанию мелких национальностей, обязывают местную учащуюся молодежь принять живейшее участие в изучении Коми края. Только при таком участии мы сможем сказать не через 150 лет, а через ближайшие десятилетия: да здравствует Сыктывкар – индустриальный центр обширного Коми края!» – сказал он. 17 декабря 1930 года Батиев поступил в облплан на должность старшего статистика и конъюнктуриста.

Тем временем обстановка в стране и в Коми области складывалась все тревожнее. Повсеместно началась чистка краеведческих органов, аресты «внедрившихся» в них «вредителей». В этих условиях руководители ОИКК, в том числе и Батиев, 21 мая 1931 года приняли решение о роспуске общества. Это был протест коми краеведов против установившегося в краеведении поистине аракчеевского режима – и не случайно он вызвал резкую критику со стороны тогдашней «верхушки» краеведческого движения. Во втором номере журнала «Советское краеведение» за 1932 год появилась статья «За решительный перелом в краеведном движении в Коми области». В ней говорилось, в частности, что «обострение классовой борьбы... выразилось... в оппортунистическом ликвидаторстве и роспуске краеведной организации». Не удивительно, что после таких публикаций бывшие лидеры Общества изучения Коми края отнюдь не стали менее подозрительными в глазах власти.

«Махровский националист»

В период разворачивавшейся всё шире борьбы с «национализмом», «шовинизмом», «вредительством» и т.д. Д.А.Батиев был идеальной фигурой для создания какого-нибудь громкого «дела» типа процесса так называемой «Трудовой крестьянской партии». (Одним из обвиняемых на этом процессе был арестованный в 1930 году Н.Д.Кондратьев, будто бы намеревавшийся после свержения большевиков стать премьер-министром. Тогда, быть может, Кондратьев горько пожалел, что его не выслали вместе с Сорокиным или что он вернулся в СССР из зарубежной командировки в 1925 году, хотя П.А.Сорокин, которого он посетил тогда, настойчиво советовал Н.Д.Кондратьеву остаться за границей. На свободу Кондратьев больше не вышел и умер в тюрьме в 1938 году). Просто грех было бы этим не воспользоваться. Как говорится, был бы человек, а статья найдется...

Батиеву все чаще стали припоминать события десятилетней давности. Его былые проступки раздувались до неузнаваемости, и отныне его действия в период создания Коми автономии стали характеризоваться как «национал-шовинизм», как попытка оторвать коми народ от Советской России и создать самостоятельное буржуазное государство (и это при том, что Батиев в те давние годы всегда говорил о советской социалистической республике Коми!).

Дмитрий Александрович чувствовал приближение трагической развязки и не выдержал ударов судьбы. Нет, он не стал униженно каяться в грехах, добровольно клеветать на невинных, стараясь заслужить прощение и доказать лояльность режиму, переложить хотя бы часть «вины» на чьи-нибудь плечи. Вместо этого он начал сильно пить, пытаясь, видимо, алкоголем заглушить горечь и тревогу. Можно провести параллель с В.А.Савиным, которого в тридцатые годы обвиняли в «проведении кулацкой идеологии» в его произведениях. Савин писал в сыктывкарский горком компартии: «Состояние моего здоровья никуда не годится. А реактивная невращаемость (т.е. на всякую мелочь я реагирую болезненно) приводит все к одному и тому же – выпивке». Под этими словами мог, очевидно, подписаться и Батиев. 19 сентября 1931 года его уволили с работы в облплане «за систематическое пьянство». С 1931 года Батиев заведовал геологофондами при Коми геобазе – до 1933 года, который стал роковым в его судьбе.

В январе 1933 года распалась семья. А через несколько месяцев Батиев лишился свободы, обвиненный ни больше, ни меньше как в подготовке вооруженного восстания! Еще в 1930 году столичные чекисты намеревались организовать «дело историков» – хотели объявить «контрреволюционной организацией»... Центральное бюро краеведения и все подчиненные ему краеведческие общества страны! Дескать, коварные академики готовили вооруженное восстание, а местные краеведческие кружки должны были выполнять их директивы. Тогда «процесс академиков» сорвался – главные обвиняемые крупнейшие историки С.Ф.Платонов и Е.В.Тарле наотрез

отказались «сознаваться», и вместо желанного гласного процесса пришлось ограничиться ссылкой и тюремным заключением «втихую».

Сотрудники Коми ГПУ воспользовались задумкой своих московских коллег и оказались более «настойчивыми». Арестованный 18 апреля 1933 года Д.А.Батиев в конце концов вынужден был «сознаться», что в январе 1933 года он организовал экономо-географический кружок при областном музее только как прикрытие для своей «контрреволюционной организации», возникшей якобы 13 ноября 1932 года и готовившей вооруженное восстание в Коми области. Члены-корреспонденты этого кружка в районах, ясное дело, должны были готовиться к захвату власти на местах после соответствующего сигнала из Сыктывкара... Конечной целью «контрреволюционной организации» Батиева была будто бы «организация самостоятельной демократической республики» «под протекторатом Финляндии или Англии». Помимо этого, «контрреволюционеры» занимались якобы «пропагандой идеи буржуазного национализма», «противодействием коллективизации сельского хозяйства», «агитацией против лесозаготовок и сплава», «распространением пораженческих настроений»...

Нет нужды говорить, каким способом НКВД-ГПУ добивалось «признаний» от арестованных и какова этим «признаниям» цена. Зачастую все «факты», все «антисоветские разговоры» и проч. существовали только в воображении следователей. Однако под некоторыми из показаний Батиева, пожалуй, могли бы подписаться очень многие: «Коммунисты страну довели до нищеты... Особое ярмо наложили на шею крестьянина, который собственным горбом строит благополучие чиновникам-большевикам. С коллективизацией сельского хозяйства мужика сделали бесправным рабом. В стране царит полный произвол. Права нацменьшинств, в частности, нас коми, попраны...» «Я убеждал крестьян, ...что каждый должен обрабатывать земли столько, чтобы только удовлетворить свои насущные потребности, что увеличение посевных площадей вызовет перевод хозяйства в кулацко-зачиточную часть и экономические и политические репрессии со стороны власти».

25 февраля 1934 года коллегия ОГПУ СССР приговорила Батиева к пяти годам лишения свободы по статье 58, пункты 10 и 11 за контрреволюционную агитацию. По иронии судьбы, его отправили в Ухтпечлаг, у истоков создания которого стоял он сам... Были конфискованы труды Д.А.Батиева, в том числе и его «История революции», так и не увидевшая свет.

Имя Батиева стало нарицательным. Без обличения Дмитрия Александровича не обходилась, пожалуй, ни одна важная речь, ни одна общественно-политическая статья. Ф.С.Коковкин, в годы революции и гражданской войны работавший с Батиевым в органах власти Яренского уезда, а затем в областном ревкоме, 27 апреля 1935 года в газете «За новый Север» назвал бывшего товарища по партии «явно контрреволюционным кулацким буржуазным националистом». 20 июня того же года в той же газете

Г.А.Старцев, коллега Батиева по Обществу изучения Коми края, писал о «безобразиях контрреволюционера Батиева 1921 и 1926–29 годов, о безобразиях Общества изучения Коми края при музее, где орудовали его члены...». 18 июля 1935 года газета «За новый Север» опубликовала большую статью М.П.Минина, хорошо знавшего Батиева по работе в Яренске и в областных органах власти. Призывавший «выкорчевать до конца остатки буржуазного национализма» автор много внимания уделил «одиозной фигуре Д.Батиева»: «законченный тип махрового националиста», «руководитель контрреволюционной организации», «завзятый оформившийся националист-эсер, пролезший в коммунистическую партию», проводивший «присущую ему явно махровую националистическую платформу, свою авантюристическую деятельность». Через два-три года Ф.С.Коковкин, Г.А.Старцев, М.П.Минин сами были репрессированы, и уже другие «критики», преисполнившись «праведного гнева», метали в сторону этих «контрреволюционеров» и «нацшовинистов» громы и молнии...

Из заключения Батиева освободили в 1937 году, он приезжал в Сыктывкар, навещал своих родных. Лагерная жизнь тяжело сказалась на нем. По воспоминаниям старшей дочери Дмитрия Александровича Ии Дмитриевны, ее отец навестил их и выглядел очень болезненным, ходил с трудом, опираясь на палку. Ему не исполнилось тогда и 41 года... Время было тревожное, и Батиев уехал из Коми в Архангельск, жил на квартире своего земляка И.Лудыкова, но это его не спасло. Он был арестован осенью (по другим данным – 31 августа) 1937 года. Ничего нового в вину Батиеву не ставилось; в ходу были прежние беспроегрешные обвинения. На допросе 7 октября 1937 года Батиев вынужден был подписать «признание» в том, что являлся членом подпольной националистической организации. В вину ему вменялось, в частности, что он «в период развернутого строительства колхозов... выступал как враг коллективизации».

В 1938 году органы НКВД рапортировали, что ими «вскрыта и изолирована» «контрреволюционная организация буржуазных националистов, работавшая с 1917 года по 1937 год». В числе ее членов назван и Д.А.Батиев. 4 марта 1939 года состоялся суд над одним из «членов» этой мифической организации И.Г.Коюшевым. На закрытом заседании нарсуда Коми АССР в качестве «свидетеля» допрашивался Батиев, который отказался подтвердить ранее данные показания, пояснив, что его насильно заставили их подписать. Не дал Батиев показаний и против другого обвиняемого – В.Г.Тараканова. Судьба свела их в тюрьме в 1940 году (вероятно, в начале года). По воспоминаниям Ф.Г.Тараканова, Д.А.Батиев был слаб здоровьем, но дух его не был сломлен: он с пренебрежением отзывался о тех заключенных, которые продолжали верить в мудрость и справедливость Сталина. «Их садит Иосиф I, а они все еще его боготворят», – говорил Батиев Тараканову.

В том же году, 9 февраля, Особое совещание при НКВД СССР осудило Д.А.Батиева на 3 года исправительно-трудовых лагерей по ст.58, п. 2, 10, 11. Он и его «подельщики», якобы, с 1917 по 1937 годы занимались «активной вредительской, диверсионной, террористической, повстанческой, шпионской и прочей деятельностью», стремились свергнуть Советскую власть и присоединиться к Великой Финляндии «от Карелии до Урала»... Сейчас эти обвинения воспринимаются как бред, но в те годы... Ия Дмитриевна Батиева с горечью писала одному из авторов этой книги: «Все мы были под гипнозом и верили, что это были враги народа».

Дмитрий Александрович был отправлен в Кулойлаг – по некоторым данным, на остров Мудьюг, где в годы гражданской войны находился организованный белогвардейцами лагерь для коммунистов. Воевавшего в свое время на стороне красных Батиева судьба уберегла тогда от плена и этого пользовавшегося дурной славой места. Но через много лет после окончания гражданской войны ворота лагеря снова открылись для коммунистов (правда, уже исключенных из партии)... Вероятно, был учтен срок предварительного заключения, так как спустя некоторое время Батиев вышел на свободу. Его дочь Ия, поступившая в Новочеркасский индустриальный институт, получила от отца открытку с предложением помогать ей в учебе. Открытка была послана из Кемерово, где, видимо, жил брат Дмитрий Александровича. В августе 1940 года Батиев вернулся в Гам, где жил до марта 1941 года. Затем он уехал на юг, надеясь поправить там свое здоровье.

Однако 9 апреля (по другим данным – 18 июня) 1941 года его арестовали в г.Сталино (Донецк) и этапировали в Сыктывкар. На следствии Батиев «признал», что состоял в «контрреволюционной троцкистской организации» вместе с А.М.Мартюшевым, Н.А.Сосниным и другими. За эти «преступления» 3 октября 1941 года Военный трибунал войск НКВД СССР строительства Северо-Печорской железнодорожной магистрали приговорил Батиева к высшей мере наказания по статьям 17 и 58, пункты 8 и 10, часть 2 – без конфискации имущества «за отсутствием такового у осужденного». Более полутора месяцев Батиев провел в камере смертников, где встретил и свое 45-летие. 22 ноября 1941 года нарком госбезопасности Коми АССР Кабаков и прокурор Коми АССР Фотиев утвердили приговор, отметив, что «правильность его не вызывает сомнений». В этот же день в 4 часа 10 минут утра приговор был приведен в исполнение. (По иронии судьбы дочь Дмитрия Батиева вышла замуж за сына прокурора Фотиева – это удалось установить исследователю В.М.Полещикову).

Упоминания об огромном вкладе Батиева в дело создания Коми автономии на несколько десятилетий исчезли со страниц печатных изданий; в ходу был лишь хлесткий, но вряд ли вполне оправданный термин «батиевщина». Реабилитировали Д.А.Батиева почти через полвека, в 1989 году.

Литература и источники

- Жеребцов И.Л. Дмитрий Батиев // Войвыв кодзув, 1990. № 6.
- Жеребцов И.Л. Коми интеллигенция и власть в первые послереволюционные годы // Духовная культура: проблемы и тенденции развития. Тезисы. Сыктывкар, 1994. Т. 2.
- Жеребцов И.Л. Стоявшие у истоков (коми политические и культурные деятели первых послереволюционных лет) // Жизнь национальностей. М., 1996. № 4.
- Жеребцов И.Л. Дело Зырянского представительства // Родники пармы. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1996. Вып. IV.
- Жеребцов И.Л. «Все заводы, рудники и богатства...» // Республика Коми: от Батиева до Спиридонова. Сыктывкар, 1997.
- Жеребцов И.Л. Махровый националист // Покаяние. Мартиролог. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 1999. Т. 2.
- Жеребцов И.Л. Отец Коми автономии // Связь времен. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2000.
- Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Трагедия Дмитрия Батиева // Родники пармы–93. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.
- Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Дмитрий Батиев, известный и неизвестный // Они любили край родной. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993.
- Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Дмитрий Батиев // Проблемы истории репрессивной политики на Европейском Севере России (1917–1956 гг.). Тезисы докладов научной конференции. Сыктывкар, 1993.
- Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Дмитрий Батиев: политическая деятельность в Яренском уезде // Вычегодский край в истории России. Тезисы докладов. Сыктывкар, 1994.
- Жеребцов И.Л., Дмитриков М.П. Батиев Дмитрий Александрович // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. Т. 1.
- Жеребцов И.Л., Полещиков В.М. Борец за Коми автономию // Полещиков В. И вся его жизнь... Сыктывкар, 2005.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Формирование взглядов Дмитрия Батиева // Коми-Пермяцкий округ и Урал: история и современность. Кудымкар, 2000.
- Жеребцов И.Л., Таскаев М.В. Влияние Питирима Сорокина и Николая Кондратьева на формирование Дмитрия Батиева как политика // И. А. Куратов и проблемы современного финно-угроведения. Сыктывкар: ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН, 2004.
- История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2.
- Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. Сыктывкар, 1996.

Очерк 4. Первые руководители Коми области

Председатель облисполкома

Дмитрий Ильич Селиванов... Он стоял у истоков образования Коми автономной области и областной парторганизации. Его продвижение по служебной лестнице поражает воображение. И не случайно, что в сборнике документов «Образование Коми автономной области» (Сыктывкар, 1971) эта фамилия встречается тридцать раз. Она упоминается в других изданиях по истории Республики Коми и ее коммунистической организации. Имя его вошло в энциклопедию «Республика Коми» (т. 3).

Родился Дмитрий Селиванов в 1887 году в старинной коми деревне Разгорт, что на Удоре. Рано познал нужду и голод. Видел, с каким трудом мать-батрачка сводила концы с концами. Учиться пришлось недолго. Как и мать, батрачил. Поэтому не случайно, заполняя анкету делегата III областной партконференции, в графах образование и социальное происхождение Д.И.Селиванов написал: «домашнее, пролетарий».

В июле 1914 года Дмитрий Селиванов был призван на действительную службу и зачислен в 1-ю Гренадерскую артиллерийскую бригаду, расквартированную в Москве. Здесь и застала его Первая мировая война. Четырехлетняя служба в армии дала многое. Храбрый солдат, дважды раненый в боях, он быстро распознал всю бессмысленность и преступность войны.

Прапорщик Д.И.Селиванов принял активное участие в Февральской революции, вступил в партию большевиков и стал проводником линии партии в армии. В мае 1917 года он был избран председателем дивизионного комитета. Накануне октябрьского вооруженного восстания в Петрограде Дмитрий Ильич был переведен в штаб Двинского военного округа и назначен командиром второй батареи 6-й Запасной армии. Он принял Октябрьскую революцию без колебаний.

Вскоре Д.И.Селиванов избирается членом Невельского уездного революционного комитета (ревкома) по демобилизации старой армии. В июле 1918 года он возвращается на родину.

В то время в мезенских волостях вся власть принадлежала земской управе. Не было здесь и большевистских ячеек. 14 июля 1918 года в Кослане собрание уполномоченных граждан распустило земство и учредило волостной совет крестьянских депутатов. Его первым председателем и военным комиссаром стал Д.И.Селиванов.

Между тем положение советской власти на Мезени становилось все более тревожным. Появление белых на нижней Вашке явилось сигналом для выступления против советской власти сторонников белого движения. В конце ноября 1918 года они захватили села Селиб, Кослан и Глоново. Среди арестованных активистов был Д.И.Селиванов. Их спасли красногвардейцы из Яренска под командованием военкома Е.А.Воробьева. В первых

числах декабря во всех мезенских волостях советская власть была восстановлена. Впоследствии Д.И.Селиванов был председателем комиссии по ликвидации Удорского фронта.

В составе отряда Воробьева Д.И.Селиванов прибыл в Яренск. Он назначается помощником военрука уездного военкомата, а в январе 1919 года избирается членом яренского уездного исполкома.

В то трудное для советских властей уезда время пригодился богатый военный опыт Селиванова. И он работает, не покладая рук. Заведующий отделом внутреннего управления, председатель следственной комиссии, народный судья 1-го участка... Одно перечисление занимаемых им ответственных должностей в Яренске говорит само за себя.

Накануне 1-го Всезырянского съезда коммунистов Д.А.Селиванов являлся председателем Яренского уисполкома, заменив на этом посту погибшего С.И.Покровского. Одновременно он выполнял обязанности председателя уездного комиссариата юстиции и нарсудьи 1-го участка.

В 1-м Всезырянском съезде коммунистов 9–13 января 1921 года Д.И.Селиванов участвовал как делегат от Яренского уездного комитета РКП(б). На этом съезде он был избран в состав областного комитета партии и областного ревкома. 15 января 1921 года Д.И.Селиванов председательствовал на первом организационном заседании областного комитета РКП(б), на котором был избран в президиум и секретариат обкома.

28 июля 1921 года Президиум ВЦИК утвердил состав областного революционного комитета во главе с Д.И.Селивановым. Газета «Югд туй» писала: «Утверждением революционного комитета центральная власть РСФСР окончательно утверждает новую автономную Коми область. Мы перешли рубикон. Последняя и важнейшая формальность соблюдена».

27 августа 1921 года «Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета» опубликовали декрет ВЦИК от 22 августа об образовании Коми автономной области. В тот же день Д.И.Селиванов подписал знаменитый приказ № 1 о вступлении областного ревкома в управление автономной областью Коми: «1. Сего числа революционный комитет автономной области Коми (Зырянской) вступил в непосредственное управление автономной областью Коми. 2. все граждане и учреждения в пределах автономной области Коми с сего числа подчиняются непосредственно революционному комитету Коми через его соответствующие органы и учреждения (центральный, районные, областные и проч.). 3. Все служащие в этих органах и учреждениях должны оставаться на своих местах и продолжать свою работу, исполняя все распоряжения, исходящие от революционного комитета Коми области и его местных органов. 4. Все материалы, ценности, сырье, продовольствие, фабrikаты и пр. с территории Коми области не вывозятся без ведома ревкома Коми области. 5. Виновные в нарушении сего приказа будут предаваться революционному трибуналу автономной области Коми».

Обревком проделал большую работу по подбору кадров и формированию временных органов управления. Например, 18 июня 1921 года облревком решал вопрос об организации областных народных комиссариатов и их коллегиях. Д.И.Селиванов вошел в коллегия областного комиссариата юстиции и революционного трибунала. 25 июля 1921 года облревком под председательством Селиванова принял положение о районных съездах Советов и их исполнительных комитетах. Ревком боролся за революционный порядок, против спекулянтов и саботажников.

25 сентября 1921 года на заседании президиума ревкома Д.И.Селиванов отметил, что «в настоящее время организационные работы по созданию автономии продвинулись... далеко вперед». На том заседании обсуждался вопрос об обязанностях каждого из членов президиума. Было решено, что «на председателя ревкома тов. Селиванова падает выявление основной линии всех работ по укреплению и развитию автономии Коми в составе общей трудовой федерации, с полным развитием всех присущих народу коми особенностей в бытовом, экономическом и административном отношении, что проведение в жизнь новой экономической политики РСФСР и укрепление и развитие ее основ в области также возлагается на предревкома тов. Селиванова».

На II Коми областной конференции РКП(б) (15–20 января 1922 года) Д.И.Селиванов был избран членом президиума обкома партии. I областной съезд Советов (22–29 января 1922 года) вместо временного органа управления – облревкома – избрал предусмотренный Конституцией РСФСР областной исполком, а его председателем – Д.И. Селиванова.

Руководство Коми АО предпринимало усилия для объединения с коми-пермяками. I областной съезд Советов постановил, что присоединение пермских территорий к Коми автономии должно быть проведено в наискратчайший срок. II Коми областная партийная конференция приняла резолюцию, в которой предлагалось усилить работу по «скорейшему присоединению Кудымкарского и Козинского районов Пермской губернии к народам области Коми...». Отметим, что на областных съездах и партконференциях в первое время в качестве делегатов постоянно присутствовали представители коми-пермяцких коммунистов. Они регулярно ставили вопрос о создании единой для двух народов государственности. Так, в 1922 году один из делегатов говорил, что Пермский губком противодействует присоединению их к Коми автономии, хотя население выступает за это. Ссылка на население была небезосновательной, так как в том же году на коми-пермяцких территориях был проведен референдум, на котором большинство его участников высказалось за объединение двух народов. Очевидным было и нежелание пермских властей расставаться с частью своей территории. Посланные Коми областью в конце 1921 года для собирания необходимых материалов о выяснении границ будущей автономии уполномоченные вынуждены были вернуться обратно из-за противодействия их работе.

В 1922 году Д.И.Селиванов направил два письма в ЦК партии с обоснованием родственности двух народов, делая ссылки на работы зарубежных и русских ученых. Однако оргбюро ЦК РКП(б) под председательством В.М.Молотова посчитало, что этот вопрос надо решать «в советском», т.е. государственном порядке.

Правовое оформление автономии означало лишь первый этап формирования государственности коми народа. Необходимы были чрезвычайно энергичные усилия для того, чтобы в полном масштабе реализовать национальную идею. Помимо политических, это требовало решения исключительной сложности экономических задач. Местные руководители понимали, что молодая государственность не может базироваться на той экономической основе, которая по наследству досталась им от предыдущего периода. Череда социальных потрясений привела и без того слаборазвитое хозяйство края в полное расстройство. Почти наполовину упали производственные показатели, а само производство, прежде всего сельскохозяйственное, все больше приобретало натуральный характер. Производительность трех сырьевых заводов (Кажимского, Нювчимского и Нючпасского) по сравнению с 1911 года составляла всего лишь 20%. Введение в 1921 году новой экономической политики составило их в еще более трудные условия. Делегаты первого областного съезда Советов, проанализировав состояние промышленности, пришли к выводу, что в условиях снятия предприятий с государственного бюджета хорошо, если удастся удержать заводы и промышленность от дальнейшего распада. По словам В.И.Сорвачева, сменившего Селиванова на посту председателя облисполкома, «к 1 октября 1922 года ... все наши годовые доходные поступления обеспечивали нам расход всего на полдня»; «недостаток денег нас захлестывал, как волна утопающего...». Укрепление советской власти, восстановление народного хозяйства, подготовка больших преобразований в Коми области – этими заботами жил председатель облисполкома, часто выезжая на места, оказывая практическую помощь партийным и советским органам.

В период подготовки к образованию Союза ССР ЦК РКП(б) оказывал большую помощь коммунистам национальных республик. Туда были направлены опытные партийные работники. В распоряжение Коммунистической партии Туркестана в Ташкент в начале декабря 1922 года прибыл и Д.И.Селиванов (не исключено, что его удаление из Коми области было связано с тем, что он весьма решительно и настойчиво отстаивал объединение коми-зырян с коми-пермяками, поддерживал идею включения в Коми область некоторых других сопредельных территорий (в частности, низовьев Печоры), что вызывало трения между Коми областью и соседними регионами, и российские лидеры рассчитывали, что со сменой руководства отношения между регионами наладятся, и центру не придется постоянно вмешиваться и улаживать конфликты). Д.И. Селиванов возглавил организационно-инструкторский отдел Сыр-Дарьинского обкома. Как делегат II съезда

Советов СССР, он принимал участие в принятии первой Конституции образованного в декабре 1922 года Советского Союза.

Через год Д.И.Селиванов вернулся на работу в Коми область. В декабре 1923 года он был избран членом Президиума Коми облисполкома, а на V Коми областной партийной конференции (26 марта – 2 апреля 1924 года) – членом бюро обкома партии. В том же году Дмитрий Ильич стал секретарем обкома РКП(б). Д.И.Селиванов участвовал в работе двух партийных съездов: XIII – с совещательным голосом и XIV – с решающим голосом. Он являлся и членом ВЦИК, представителем Коми области в Москве.

Дмитрий Ильич по-прежнему считал целесообразным объединение коми-зырян и коми-пермяков в составе одной административно-территориальной единицы. Более активные действия для этого заставляла принимать и начавшаяся работа по новому районированию страны, в соответствии с которым коми-пермяцкие территории должны были войти в состав Уральской области. Выступая на расширенном пленуме обкома РКП(б) в июне 1924 года с докладом «О районировании» Д.И.Селиванов сказал, что «несмотря на трехлетнее существование Коми области, до сих пор нет объединения коми нации в целом, не установлены границы, в которые входит объединенная нация».

Большие сомнения вызывал у Д.И.Селиванова выдвинутый в первой половине двадцатых годов план создания Северо-Восточной области (СВО) с центром в Архангельске; в ее состав предполагалось включить Архангельскую, Вологодскую, Северо-Двинскую губернии и Коми АО. На заседании 12 мая 1924 года Коми облисполком решил «признать вопрос о вхождении Коми области в Северо-Восточное объединение, а также образование в Архангельске организационного бюро по районированию преждевременным, о чем и сообщить административной Комиссии при ВЦИК, Архангельскому губисполкому и представителю Области в Москве т.Селиванову». Д.И.Селиванов на заседании оргбюро Северо-Восточной области 21 мая довел до сведения членов оргбюро, что Коми облисполком в принципе не возражает против вхождения в Северо-Восточную область, но требует скорейшего проведения и разрешения острых для него вопросов о присоединении некоторых волостей с населением коми».

Руководство Коми области и в последующие годы отстаивало курс на самостоятельность коми автономии. Пятый областной съезд Советов (январь–февраль 1926 года) одобрил деятельность облисполкома по вопросу районирования и оставления Коми АО самостоятельной административно-хозяйственной единицей.

Оргбюро и облплан Северо-Восточной области попытались урегулировать отношения с Коми АО через Госплан СССР. В Комиссию по районированию РСФСР также была послана докладная записка, в которой областные органы просили «сделать надлежащее распоряжение через Президиум ВЦИК члену Оргбюро – представителю области Коми т. Селиванову о

принятии участия в работах оргбюро СВО и... о восстановлении связи с облпланом СВО».

На VII Коми областной партийной конференции (январь 1926 года) говорилось о необходимости «в интересах большего хозяйственного роста области» не только сохранения автономной области, но и преобразования ее в республику и выделения ее, в связи с экономическим районированием, в самостоятельную экономическую единицу. В апреле 1926 года облисполком Коми АО представил доклад во ВЦИК (с копиями в ЦИК СССР и в Совет Национальностей при ЦИК СССР) «О преобразовании Коми Области в Коми АССР с оставлением при экономическом районировании РСФСР Коми Республики отдельной административной единицей». К докладу прилагалась, в частности, брошюра «К вопросу о преобразовании Коми Области в Коми АССР». Среди подписавших документ был и член Президиума облисполкома, секретарь обкома Д.И.Селиванов.

В 1926–1927 годах в руководстве Коми автономии возникли разногласия, связанные с организацией лесозаготовок, недостаточно быстрыми темпами развития лесной промышленности, проблемами со строительством и реконструкцией других промышленных объектов. Д.И.Селиванов и часть его коллег связывали недостатки в промышленном развитии области с недостатком опыта, средств, кадров и другими объективными причинами. Их оппоненты считали, что значительная часть проблем вызывалась ошибками руководимого Селивановым обкома, который, по их мнению, недостаточно руководил хозяйственным строительством. Разногласия существовали и относительно целесообразности вхождения Коми АО в Северо-Восточную область (или Северный край), и о возможностях расширения границ автономии за счет коми-пермяцких территорий, нижней Печоры и островов Ледовитого океана.

В условиях политической ситуации тех лет, шедшей в компартии борьбы с различными «уклонами», эта дискуссия не могла не сопровождаться наклеиванием политических ярлыков, взаимными обвинениями во «фракционности», «оппозиционности» по отношению к «генеральной линии партии» и т.п. Партийные взыскания, полученные противниками Селиванова, воспринимались ими как незаслуженные. В Центральную контрольную комиссию РКП(б) стали поступать жалобы на руководство Коми обкома. Дискуссия стала вырождаться в личные конфликты (позднее новое руководство Коми обкома компартии называло эти события «сколой»), дисциплина в парторганизации упала. Центральная контрольная комиссия в марте 1927 года решила вмешаться в ситуацию. Некоторые лидеры Коми обкома получили взыскания, однако по-прежнему считали свой подход верным и излагали его в местной печати (в частности, в газете «Югд туй»).

В конце концов, решили вмешаться руководители Центрального комитета компартии. Д.И.Селиванова отозвали из Коми области. Расширенный пленум Коми обкома, состоявшийся в июне 1927 года, не мог не согласиться

с этим решением. В том же месяце Дмитрий Ильич уехал в Москву на курсы Академии марксизма, после окончания которых был направлен в Сталинград на ответственную партийную работу.

В 1930 году судьба его вновь соединила с Севером. Он работает в сельхозотделе Севкрайкома ВКП(б), ведает агитмассовой работой. Но вскоре Д.И.Селиванова вновь отзывают в Москву. Для только что созданного треста «Оленевод» требовались кадры, имеющие опыт работы среди северных крестьян. На посту заместителя директора треста он немало сделал по организации оленеводческих колхозов на Севере и в Сибири.

Осенью 1933 года Д.И. Селиванова, как опытного советского и партийного работника, выдвигают в аппарат высшего органа власти Российской Федерации – ВЦИК. В течение почти пяти лет он работал инструктором Президиума ВЦИК.

Вкупе с другими партийными и советскими работниками 23 апреля 1938 года Д.И.Селиванов был арестован по стандартному обвинению тех лет. Приговором Верховного суда Коми АССР от 21-26 января 1939 года был осужден по статьям 58, п.10, ч.1 и 58, п. 11 УК РСФСР к пяти годам лишения свободы. 21 августа 1939 года Верховный суд РСФСР оставил в силе этот приговор. Свой срок необоснованно осужденный отбывал в Верхне-Човской ИТК НКВД Коми АССР. В заключении он и умер 13 декабря 1941 года. 3 мая 1957 года Д.И.Селиванов был реабилитирован.

Безусловно, Д.И.Селиванов был сыном своего времени, представителем чисто большевистского менталитета. Это вовсе не означает отрицания или умаления его роли и места в организации Коми автономной области и ее партийной организации. Имя Дмитрия Ильича навсегда вписано в историю Коми.

Первый секретарь

Один из первых руководителей Коми автономной области Яков Федорович Потапов родился в 1890 году в с.Додзь в семье крестьянина. Начало его жизненного пути похоже на сотни биографий коми крестьянских паренков, родившихся в конце позапрошлого столетия. До восемнадцатилетнего возраста он работал в крестьянском хозяйстве отца, в 1908 году уехал на заработки на Урал, заготавливал дрова для заводов, работал на Богословском медеплавильном заводе. Через четыре года, в 1912-м, его взяли на военную службу и направили в Кронштадт, в крепостную артиллерию.

Кронштадт в 1917 году оказался в центре революционных событий. Я.Ф.Потапов показал себя не пассивным наблюдателем, а активным борцом. После Февральской революции 1917 года, в начале марта, Потапов стал членом ротного комитета, в июне вступил в большевистскую партию, участвовал в выступлении против Временного правительства в Петрограде в том же месяце.

В переломные октябрьские дни 1917 года Я.Ф.Потапов в составе 6-го Кронштадтского отряда разоружал офицерские школы в Ораниенбауме,

Петергофе и Стрельне, захватил Балтийский вокзал. Во время наступления на Петроград отряда генерала Краснова 6-й Кронштадтский отряд участвовал в его отражении: 30 октября революционные отряды заняли Царское Село, в ночь на 1 ноября вступили в Гатчину. В начале ноября 1917 года Я.Ф.Потапова выбрали в Кронштадтский Совет рабочих и солдатских депутатов. Он был среди делегатов съездов артиллеристов в Петрограде в ноябре-декабре 1917 года.

Не забывал он и про Коми край. Один из руководителей керчомской ячейки большевиков Е.А.Напалков позднее вспоминал, что Я.Ф.Потапова «знал еще в декабре 1917 года и в начале 1918 года как большевика и красногвардейца в г. Кронштадте. Мы, керчомцы, с ним имели переписку, вернее, керчомская большевистская организация получала указания и инструкции через тов. Потапова».

В феврале 1918 года Потапова демобилизовали, он вернулся в Додзь и оказался в гуще событий. Шла борьба за власть между сторонниками различных политических сил. Как вспоминал сам Я.Ф.Потапов, тогда «в волости еще существовало земство. Сгруппировавшись, несколько солдат повели работу за организацию Советов, да и к этому времени из уезда (т.е. из уездного центра г. Усть-Сысольска, где был создан уездный Совет – *Авт.*) поступило распоряжение об организации Совета». Я.Ф.Потапов стал одним из лидеров солдатской группы и, вероятно, главным организатором волостного Совета в родном селе, появившегося в марте 1918 года. Вот что говорится в его воспоминаниях: «В марте был избран в члены Совета, а там и в секретари исполкома, работал в исполкоме по организации советского аппарата, на что потребовалось порядочно времени, причем удалось завоевать симпатии крестьян».

«Завоевать симпатии крестьян» было чрезвычайно важно и очень сложно. В Додзи, как и во всем крестьянском Коми крае, большевики не пользовались сколь-либо значительной известностью и популярностью. Можно сказать, что до свержения Временного правительства местное население вообще мало что знало о партии большевиков. Предпочтение отдавалось социалистам-революционерам, сторонники которых составляли большинство в уездных органах власти. Но поскольку тем не удавалось добиться зримого успеха в борьбе с усиливавшейся хозяйственной разрухой, симпатии жителей качнулись в сторону РКП(б). Я.Ф.Потапов организовал в волости коммунистическую ячейку, возглавил ее. В нее записалось 67 человек, которые, как сказано в одном из документов, «начали усиленно наступать на местную буржуазию».

С июня 1918 года Я.Ф.Потапов заведовал агитационно-вербовочным отделом Усть-Сысольского уездного военкомата, вошел в созданный в июне Усть-Сысольский комитет большевистской партии. В мае 1919 года он стал комиссаром Усть-Сысольского добровольческого отряда, направленного на Восточный фронт, являлся комиссаром Пермского полка. После победы

красных над войсками А.В.Колчака Потапов вернулся в Усть-Сысольский уезд и был избран секретарем уездного комитета РКП(б).

Я.Ф.Потапов участвовал в подготовке и проведении первого Всезырянского съезда коммунистов, который состоялся 8-13 января 1921 года в Усть-Сысольске и организационно оформил областную партийную организацию. В тот период ее численность превышала немногим 900 человек. Даже к концу 1920-х годов численность коммунистов в области была небольшой – около 1700 человек. Однако ключевые государственные и общественные посты находились в их руках. Поскольку в структуре политической системы страны партия большевиков оказалась единственной, то вполне естественно, что вскоре она стала подменять собой государственные органы. Этот процесс ярко проявился и на местах. Уже на первом съезде коммунистов Коми края основное внимание делегаты уделили не партийному строительству, а созданию национальной государственности коми народа.

В работе съезда приняли участие 40 делегатов с решающим и два делегата с совещательным голосом. Большинство из них не имели опыта практической государственной работы, за исключением участия в гражданской войне. Тем не менее, увлеченные революционным творчеством, они горячо взялись за решение чрезвычайно трудных задач.

13 января 1921 года съезд принял резолюцию, гласившую, что на территории Советской Социалистической Республики Коми «организуется Областной комитет РКП (так в тексте – *Авт.*) с отделениями:

- а) Агитационно-пропагандистским с подотделом по работе в деревне.
- б) Организационно-инструкторским.
- в) Учетно-распределительным с подотделами информационным и статистическим.
- г) По работе среди женщин.
- д) Общим с подотделом финансовым».

В областной комитет РКП(б) в тот же день, 13 января, были избраны 15 человек, получившие наибольшее число голосов (выборы происходили, как говорится, на альтернативной основе): А.И.Михайлов, В.Н.Данилов, Д.И.Селиванов, Е.Е.Ануфриев, П.Е.Колыхматов, М.И.Безносова, М.Е.Торлопов, Я.Ф.Потапов, В.И.Сорвачев, Ф.С.Коковкин, И.С.Коканин, В.А.Савин, И.М.Томилин, Матюшев и Н.И.Попов. Наибольшее число голосов получил А.И.Михайлов (38 из 40), меньше всего – Попов (13). Я.Ф.Потапов получил немногим больше половины голосов – 22. Кандидатами в члены обкома были избраны В.П.Юркин, В.Г.Лихачев, Д.А.Батиев, А.Я.Фомин и Лодыгин.

15 января 1921 года Коми обком РКП(б) собрался на свое первое заседание. Участвовали в нем члены обкома Д.И.Селиванов, Я.Ф.Потапов, В.Н.Данилов, Е.Е.Ануфриев, П.Е.Колыхматов, М.И.Безносова, М.Е.Торлопов, В.И.Сорвачев, Ф.С.Коковкин, И.С.Коканин, В.А.Савин, И.М.Томилин. Председательствовал на заседании Д.И.Селиванов, секретарем являлся

Я.Ф.Потапов. Присутствовал также Д.А.Батиев, который внес в заседание сумятицу, заявив, что некоторых членов обкома следует из него вывести. Однако с ним не согласились. На заседании был избран президиум обкома из пяти человек, трое из которых (Д.И.Селиванов, Я.Ф.Потапов, Е.Е.Ануфриев) составили секретариат обкома; кроме них, в президиум вошли также В.И.Сорвачев и И.С.Коканин. Президиуму было поручено назначить заведующих отделами обкома. Поскольку Д.И.Селиванов возглавлял ревком и был занят созданием органов советской власти, партийным строительством занимался секретарь обкома Я.Ф.Потапов.

Как отмечалось позднее (в январе 1922 года) в докладе о работе обкома на II Всекоми съезде коммунистов, только после «принципиального решения ЦК РКП и ВЦИК о выделении коми» в автономную область (май 1921 года) «начинается организационно-подготовительная работа областкома. До этого же времени работа [обкома] велась явочным порядком, не имея юридических прав, ни аппарата» (приходилось использовать аппарат усть-сысольского уездного комитета РКП(б), секретарем которого, как уже говорилось, являлся Я.Ф.Потапов); «находясь между небом и землей, ... все же [обком] вел кое-какую работу».

Руководимый Потаповым обком не ограничивался только партийными делами; не оставлял он без внимания и советское строительство. Более того, в упоминавшемся уже докладе на II Всекоми съезде коммунистов говорилось: «В первых порах своей работы областком задался целью организации советского аппарата: фактическое оформление ревкома и организация его отделов, взяв на себя мелочную опеку последнего с тем, чтобы при организации не раздувать штаты; организация временного правления областного союза кооперативов».

6 июля 1921 года на заседании обкома Я.Ф.Потапов поставил вопрос о проведении съездов и конференций в Коми области, предложил обсудить вопрос о советском строительстве, выработке его планов и положения. По его докладу обком постановил: «В первую очередь немедленно организовать райкомы и райревкомы, районные съезды [Советов] должны предшествовать Всезырянскому съезду. О времени созыва съезда предложить президиуму ревкома сделать доклад. Открыть дискуссию на страницах печати о структуре советского аппарата и сокращении штатов». Обком также утвердил временное положение о районных и волостных исполнительных комитетах. На том же заседании, кстати, было утверждено название газеты – органа облревкома и обкома; она получила название «Югд туй» («Светлый путь»). Первый номер газеты вышел через девять дней.

Состав Коми обкома РКП(б) был утвержден оргбюро ЦК РКП(б) 12 июля 1921 года. В него вошли все 15 членов, избранных на всезырянском съезде, и четверо из пяти кандидатов в члены (кроме В.Г.Лихачева). После этого обком, говорилось на II Всезырянском съезде коммунистов, «взял на себя и ответственность за работу самочинно возникшего ревкома». Деятель-

ность руководимого Я.Ф.Потаповым областного комитета РКП(б) проходила в сложных условиях: одновременно совпали организация советского аппарата, страдная пора (а в крестьянском крае, естественно, сельскохозяйственные работы – главное дело), да еще и перемены курса экономической политики на новый лад (на смену военному коммунизму пришла новая экономическая политика). Всё это, вместе взятое, поставило обком перед такими колоссальными задачами и трудностями, что порой казалось, что обкому не хватит на их решение ни сил, ни времени. «Но все же, – говорилось на II Всекоми съезде, – областком в своей работе исходил из тех новшеств и преломлял их по местным условиям».

Чрезвычайно важной частью работы обкома была организация райкомов и установление связей с ними. И тут встретились большие трудности: отсутствие средств передвижения и связи (с некоторыми райкомами, к слову, связь не была налажена как следует и в начале 1922 года. Я.Ф.Потапов был командирован в самый отдаленный район Коми области – на Печору – для организации коммунистических и советских органов власти Ижмо-Печорского уезда. Кроме того, обком взял на себя организацию сбора продналога, мобилизовав на проведение этой кампании половину коммунистов, провел агитационную кампанию помощи голодающим, создав специальную комиссию. Летом и в начале осени обком занимался также мобилизацией коммунистов, комсомольцев и членов профсоюзов на коммунистические курсы, подготовкой, проведением и руководством областными съездами работников просвещения, молодежи, женщин, заводских и строительных рабочих. «Самая важная работа – чистка партии, исключено 102 чел.» (из доклада на II Всекоми съезде коммунистов).

Наконец после того, как закончились и летняя страда, и первоначальная организация советского аппарата области, и процесс отделения населенных коми народом территорий из Северо-Двинской и Архангельской губерний обком приступил «к прямой подлежащей ему работе», занявшись усилением партийных аппаратов, усилению работы в большевистских ячейках. Большую работу Я.Ф.Потапов и его товарищи по обкому проделали по подготовке четырех областных съездов – коммунистов, Советов, профсоюзов и кооперативов, которым предшествовали районные партконференции и съезды Советов и уполномоченных кооперации, а также совместного расширенного заседания обкома и областного ревкома 10 ноября 1921 года, на котором обсуждалось советское строительство в области (Я.Ф.Потапов, естественно, участвовал в нем).

Помимо этого, руководимый Я.Ф.Потаповым обком РКП(б) взял на себя контроль за работой всех советских органов и профсоюзов путем организации в них большевистских фракций. При участии обкома было организовано правление профсоюза советских служащих. На заседаниях обкома (к январю 1922 года их состоялось 21, заседаний президиума обкома – 30) обсуждались вопросы организации лесозаготовок, управления заводами

и предприятиями области, создания и функционирования отделов обкома и другие (всего на состоявшихся заседаниях обкома было решено 127 вопросов, на заседаниях президиума обкома – 239). «Так что, – говорилось на II Всекоми съезде коммунистов 15 января 1922 года, – в деятельности обкома во всей советской работе было достаточно руководящего начала и контроля без всяких трещин и в полном контакте».

Тем не менее, съезд коммунистов не был полностью удовлетворен работой Я.Ф.Потапова и его коллег. В резолюции съезда (конференции) о деятельности обкома, принятой 17 января 1922 года, говорилось: «Работа областкома за указанный период (между двумя съездами коммунистов – *Авт.*) была направлена преимущественно по советской линии, но при отсутствии твердой политической линии областкома. Но принимая во внимание трудности организационного периода выделения автономной области и отсутствия достаточного количества работников, конференция признает работу областкома в общем и целом удовлетворительной и обращает внимание нового состава областкома на необходимость усиления внутривнутрипартийной работы и установления регулярной связи с местами. Внутренняя партийная работа в области Коми является особенно важной по составу членов РКП и условиям оторванности края как [от] областного, так и общереспубликанского (общероссийского – *Авт.*) центров».

20 января 1922 года на съезде состоялись выборы нового состава Коми обкома РКП(б). Наибольшее число голосов получили Е.М.Мишарин и Ермаков (41 «за» из 42 голосовавших), ненамного отстали от них Я.Ф.Потапов и Д.И.Селиванов (39 «за»), М.П.Минин и А.Я.Фомин (38 «за»). Из прежних 15 членов обкома в новый состав (тоже 15 человек) вошли только трое: Я.Ф.Потапов, Д.И.Селиванов и А.Я.Фомин. Делегатом на XI Всероссийский съезд РКП(б) избрали Е.М.Мишарина (20 голосов); Я.Ф.Потапов на этих выборах занял второе место (9 голосов) и стал лишь «кандидатом в делегаты» (на случай, если Мишарин не сможет поехать на съезд по какой-либо причине).

На организационном собрании обкома 21 января 1922 года был избран новый секретарь обкома – М.П.Минин. Я.Ф.Потапов стал заведующим организационно-инструкторским отделом обкома и остался членом президиума (из прежних членов президиума обкома в его составе остался также Д.И.Селиванов). Вероятно, причиной отставки Я.Ф.Потапова с поста секретаря обкома стали не только отмеченные съездом недостатки в работе обкома, но и проявившиеся в истекшем 1921 году острые разногласия в руководстве области, связанные с территориальными спорами между Коми областью и соседними регионами, конфликт между Я.Ф.Потаповым и Д.А.Батиевым.

Я.Ф.Потапов участвовал в работе I съезда Советов Коми области, состоявшегося 22–29 января 1922 года, был выдвинут в президиум съезда от обкома РКП(б). На выборах в областной исполнительный комитет, состояв-

шихся на съезде 29 января, он не прошел в члены облисполкома и был избран лишь кандидатом в члены.

В дальнейшем Я.Ф.Потапов, наряду с партийной работой, принял активное участие в организации Общества изучения Коми края. Общество было создано 16 мая 1922 года. Я.Ф.Потапов являлся одним из десяти его членов-учредителей. Он сумел обеспечить краеведческому движению поддержку руководящих кругов области, так необходимую на первых порах, и во многом благодаря этому Общество изучения Коми края вскоре прочно стало на ноги. В ноябре 1923 года Я.Ф.Потапов вошел в состав правления общества и был избран его председателем. В начале 1924 года он стал членом редколлегии журнала «Коми му», редактировал его краеведческий отдел, 3 февраля выступил на заседании Общества изучения Коми края с докладом «Очередные задачи экономической политики области». На этом его связь с краеведческим движением завершилась – весной того же года Я.Ф.Потапов уехал в Вятку, где работал в органах компартии. Позднее Потапова обвинили в том, что в 1923–1924 годах он «принадлежал к троцкистской оппозиции». Из Вятки Я.Ф.Потапов был переведен на партийную работу в Курск. В 1927 году он вернулся в Коми область, возглавил областной профсовет.

В это время достигла своего апогея дискуссия между Архангельском и Коми относительно вхождения Коми АО в Северный край (или Северо-Восточную область) с центром в Архангельске. Добиваясь подчинения Коми автономной области, Архангельск имел в виду ее ресурсы, прежде всего лесные, пытаясь сосредоточить у себя их переработку. В то же время коми руководители возлагали большие надежды на лес, предполагая создать у себя деревообрабатывающие и лесохимические предприятия и за счет этого изыскать средства на реализацию своих экономических проектов. В дискуссию были вовлечены общественность коми автономии, средства печати. Различные мнения публиковались на страницах местных газет, в краеведческом журнале «Коми му» («Коми край»), в специальных изданиях. Накал страстей дошел до того, что появились утверждения о том, что «Коми не признаются за национальность» и чтобы оградить свои права, надо преобразовать Коми автономную область в республику. Главным аргументом против вхождения Коми автономии в состав Северного Края являлись опасения о превращении области в сырьевую окраину центра. Как показали дальнейшие события, они оказались небезосновательными.

Даже после включения Коми области в Северный край в начале 1929 года, коми руководство некоторое время продолжало отстаивать свою позицию. Выступая на первом Северном краевом съезде Советов в Архангельске в августе 1929 года, председатель Коми областного исполнительного комитета И.Коюшев заявил: «Коми область остается автономной областью, ...остается независимой от некоторых краевых отделов... Область Коми будет иметь особые бюджетные права...».

Одновременно предпринимались и попытки добиться повышения статуса Коми автономии, преобразования области в автономную республику. Руководители Коми АО (и Я.Ф.Потапов, вероятно, в их числе) вполне резонно считали, что в таком случае национальная государственность коми народа получит больше возможностей для самостоятельного развития. Было очевидно, что Коми область, обладающая большими природными ресурсами, может обеспечить их освоение за счет собственных средств. Но при одном условии – если значительная часть денежных поступлений будет оставаться в распоряжении местных властей. Но этого не было. Например, только пушнины в пределах области в 1921–1924 годах было заготовлено на сумму 3,5 млн. рублей, однако в силу сложившихся экономических условий местный бюджет от этого практически ничего не получил. Автономная же республика в этом случае обладала бы большими правами.

В феврале 1929 года Я.Ф.Потапов опубликовал в журнале «Коми му» статью, посвященную истории областной организации коммунистов. В ней говорилось, в частности, и о том, что курс коми коммунистов на создание в 1921 году автономной республики, а не области, был правильным, так же как и стремление включить в состав республики не только земли коми-зырян, но и коми-пермяков. По утверждению Потапова, только «анархическое поведение» Батиева в 1921 году привело к тому, что вместо республики была создана область, в которую не вошел Коми-Пермяцкий край и некоторые другие районы. Если с некоторыми другими критическими замечаниями в адрес Батиева (относительно его вольного обращения с отчетностью, нежеланием прислушиваться к чужому мнению и т.п.), высказанными Потаповым, можно согласиться, то это утверждение вряд ли можно признать справедливым. Пожалуй, в данном случае сыграли свою роль личные не слишком приятные отношения между Батиевым и Потаповым – ведь хорошо известно, что Батиев немало сил приложил для того, чтобы была образована именно республика, и отстаивал это мнение, что называется, до последнего.

В условиях ужесточившегося политического курса в стране «вольномыслие» по поводу вхождения в Северный край, создания автономной Коми республики и включения в ее состав обширных сопредельных территорий долго продолжаться не могло. В 1929 году И.Коюшев, а также редактор журнала «Коми му» («Коми край») М.Попов и редактор местной газеты «Югд туй» («Светлый путь») Н.Шахов были обвинены в национализме и освобождены от занимаемых должностей. Очевидно, не случайно покинул Коми область в том же году и Я.Ф.Потапов – он уехал в Москву, учился там на курсах марксизма-ленинизма до 1933 года. По окончании учебы Я.Ф.Потапов приехал в Сыктывкар и стал членом обкома, кандидатом в члены бюро обкома ВКП(б), заведующим областным финансовым отделом (ОБФО), 15 марта 1935 года объединенное заседание бюро Коми обкома ВКП(б) и партколлекгии Коми области рассматривало его личное дело. В

постановлении заседания отмечалось, что Потапов «за сокрытие от партии своей принадлежности к троцкистской оппозиции в 1923–1924 годах и сокрытие активно оппозиционной деятельности, которую вел в то время, он заслуживает исключения из рядов партии, но, принимая во внимание полное разоблачение Потаповым себя сейчас и признание им до конца своей грубейшей политической ошибки – ограничиться исключением его из состава членов обкома и кандидатов в члены бюро обкома, объявить выговор и снять его с работы зав. ОБФО».

Однако этим дело не кончилось. 24 июля 1935 года газета «За новый Север» сообщила: «Потапов Я.Ф. ...в течение десятка лет обманывал партию... Двуршничая, ...он забирался на ответственные руководящие работы области, вплоть до секретаря ОК ВКП(б) и зам. председателя Коми облисполкома. Но где бы ни работал Потапов, он продолжал свою гнусную практику националиста и троцкиста, держа ставку на отделение рабочих, колхозников и всех трудящихся Коми области от родной и счастливой семьи других национальностей Советского Союза». В этих обвинениях было еще меньше правды, чем в тех, которые сам Потапов раньше адресовал Батиеву... Газета проинформировала своих читателей, что «двуршник Потапов исключен из партии».

Во второй половине тридцатых годов Я.Ф.Потапов был репрессирован, после отбытия заключения он жил в городе Малоярославец под Москвой, работал на заводе. Во время войны город был занят немцами. В период оккупации Потапова допрашивали в гестапо, но отпустили (по некоторым сведениям, после того, как он назвал гестаповцам имена нескольких местных коммунистов, которых, как ему было известно, в это время не было в городе). А через некоторое время после освобождения Малоярославца советскими войсками Я.Ф.Потапов был арестован и расстрелян по подозрению в «сотрудничестве с врагом» (по некоторым сведениям, это произошло в 1943 году).

Литература и источники

- Борцы за Советскую власть. Сыктывкар, 1988.
Жданов Л.А. Путь коммуниста // Красное знамя, 1986. 6 авг.
Жданов Л.А. Селиванов Дмитрий Ильич // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. Т. 3.
Захаров В.Д., Жеребцов И.Л. Председатель облисполкома. Связь времен. Сыктывкар: Фонд «Покаяние», 2002.
История Коми. Сыктывкар, 2004. Т. 2.
Кузиванова О.Ю., Попов А.А., Сметанин А.Ф. В начале пути. Сыктывкар, 1996.
Национальный архив Республики Коми. Ф. 3, оп. 2, д. 689.
Чупров В.И. Потапов Яков Федорович // Республика Коми. Энциклопедия. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2000. Т. 2.

Они были первыми (Вместо заключения)

Возникновение Коми автономии стало плодом усилий многих людей. У многих на устах имена двух Дмитриев – Д.Я.Попова и Д.А.Батиева. Но, отдавая должное двум этим ярким личностям, мы все знаем, что рядом с ними, в одной шеренге стоят имена еще одного Дмитрия – первого председателя Коми облисполкома Д.И.Селиванова, первого секретаря Коми обкома РКП(б) Я.Ф.Потапова, а также крупнейшего коми лингвиста и деятеля культуры революционных лет В.А.Молодцова, о котором рассказывалось в первом выпуске серии «Стоявшие у истоков», видного коми политического деятеля начала XX века А.М.Мартюшева, вступивших в политическую жизнь в послереволюционные годы А.А.Маегова, В.А.Савина и их сподвижников, рассказ о которых еще впереди. При всех своих различиях во взглядах, подходах и интересах (а, может быть, во многом именно благодаря этим различиям), эта достойная плеяда сделала возможным то, что еще менее чем за десятилетие до образования Коми автономии признавалось мало реальным даже наиболее, используя популярное выражение наших дней, «продвинутыми» представителями коми интеллигенции.

Мы не случайно говорим о различиях. Думается, в том коллективе, который стоял у истоков Коми автономии, можно (разумеется, с известной долей условности) выделить «романтиков» и «прагматиков», диалог (порой – дискуссия, споры, в которых рождалась истина) между которыми позволил добиться результата в деле создания Коми автономии. Одинаковые подходы, одни и те же идеи, идентичные интересы, будь они присущи названным деятелям в то переломное время (1917–1921 годы), на наш взгляд, не позволили бы им стать «отцами-основателями» автономии. В это сложный период необходима была система противовесов, которая позволяла удерживать Коми край, существовавшие в нем органы власти и управления, политические организации в состоянии равновесия, обеспечивать постепенность реализации идей создания Коми государственности. Стоило ослабить систему противовесов, допустить крен в какую-либо сторону – и сразу возникали проблемы...

В этом плане очень важной представляется роль А.М.Мартюшева. Значение этого политика в деле развития идеи Коми государственности не оценено по достоинству. Конечно, он остается в тени яркого «романтика» автономии Д.Я.Попова, вместе с которым Мартюшев руководил многопартийным коалиционным усть-сысольским уездным советом в первой поло-

вине 1918 года. Безусловно, именно «романтик» Попов выдвинул и сформулировал идею о необходимости и возможности образования национальной государственности для коми, о чем сегодня уже говорилось. Роль Мартюшева заключалась в другом – может быть, даже не в том, что он сделал, а в том, что он НЕ сделал...

Мартюшев, председатель уездного совета и исполкома, главное должностное лицо в Усть-Сысольском уезде, с одной стороны, НЕ препятствовал своему заместителю Попову активно пропагандировать и развивать идею Коми государственности, сам участвовал в дискуссиях; благодаря этому на заседаниях уездного совета и уездных съездах в 1918 году Д.Я.Попов постепенно «шлифовал» высказанные им в январе этого года идеи, в конечном итоге легшие пару лет спустя в основу деятельности Дмитрия Батиева и его сподвижников. Для практической реализации идей Д.Я.Попова группой его единомышленников (А.А.Маегов, Н.А.Шахов, братья Чисталевы) в Помоздино была даже создана партия: «Коми автономист чукёр», которая, впрочем, не смогла сколь-либо значительно развернуть свою деятельность по созданию «национальной автономной Зырянской республики».

С другой стороны, Мартюшев НЕ позволил своим коллегам по руководству чрезмерно увлечься идеей скорейшего, немедленного провозглашения Коми автономии. Если Попов считал, что в переломное для России время надо пользоваться случаем и, так сказать, «брать суверенитета сколько проглотить», то Мартюшев предпочитал «революционному» решению вопроса эволюционное, дабы избежать конфликта с центральными властями по этой проблеме и не допустить негативных последствий для экономики, говоря нынешним языком, «дотационного региона». И был в тот период прав, поскольку неизбежный в случае одностороннего провозглашения автономии конфликт мог бы привести к тому, что идея создания Коми государственности была бы вообще похоронена или, по крайней мере, ее реализация оказалась бы отложена на длительный срок. Известно, что когда представители уездов Коми края отказались летом 1918 года входить в новую Северо-Двинскую губернию (рассчитывая, очевидно, в ходе начавшейся реформы административного деления на создание собственной административной единицы), это вызвало негативную реакцию центральных властей и, возможно, стало еще одним стимулом к осуществлению вскоре «большевизации Советов» в Коми крае.

Для распространения идеи создания Коми автономии (в рамках эволюционного подхода «прагматиков» к проблеме) большое значение имела политизация местного населения, привлечение его к активной общественной и политической деятельности. Именно этому А.М.Мартюшев придавал первостепенное значение. Еще в 1917 году на собрании коми солдат Петроградского гарнизона, состоявшемся, вероятно, по его инициативе, была принята резолюция, в которой отвергались «сепаратные идеи среди зырян» (то есть идея провозглашения суверенитета, автономии, отделения от

демократической России) и во главу угла ставилось на тот момент вовлечение жителей Коми края в политическую жизнь, создание национальных политических организаций, воспитание и выдвижение национальных политических лидеров (которым, как можно предположить, затем и следовало решать вопрос о дальнейшей судьбе края – но уже в условиях более развитой политической структуры и более политически образованного населения). Реализация этой идеи была, в частности, осуществлена в 1917 году А.М.Мартюшевым и его товарищами в рамках «Общества обновления местной жизни».

Пока таким образом в рамках диалога между «романтиком» Д.Я.Поповым и «прагматиком» А.М.Мартюшевым в Усть-Сысольске развивалась «политическая составляющая» идеи Коми государственности, в Яренске столь же активно развивалась ничуть не менее (а в чем-то даже и более) важная «культурная составляющая», включавшая, в частности, проблемы сложения коми литературного языка, письменности, национальной литературы и науки. Здесь в уездных органах власти работали В.А.Молодцов и будущий коми гуманитарий-энциклопедист А.С.Сидоров. Они, а также политик Д.А.Батиев и ряд других деятелей организовали общество «Коми котыр», основная часть задач которого относилась к культурно-просветительской и научно-исследовательской сферам. Однако общество видело в качестве одной из своих целей и «образование особой административной зырянской единицы».

Примечательно, что «большевизация» уездных советов летом – в начале осени 1918 года привела лишь к временному отходу небольшевистских деятелей, занимавшихся в той или иной мере вопросами Коми государственности, от участия во властных структурах Коми края. Уже через полгода – а некоторые – и раньше) бывшие социалисты-революционеры, «автономисты», беспартийные демократы Д.Я.Попов, Д.А.Батиев, В.А.Молодцов, А.С.Сидоров, А.М.Мартюшев, А.А.Маегов и другие стали тесно сотрудничать с большевиками (некоторые из них вступили в компартию). Этому способствовали слабо оформленные в Коми крае партийные различия. Зачастую принадлежность к той или иной партии (в том числе и коммунистической) лишь декларировалась. Установились неплохие деловые контакты между пришедшими к власти людьми, именовавшими себя коммунистами, и местной интеллигенцией (особенно учителями), чьи политические взгляды были ближе эсеровским.

В специфических условиях Коми края близкий коми интеллигенции лозунг развития национальной культуры (и связанный с ним лозунг автономии) воспринимался местными большевиками как социальный лозунг развития народной культуры – в противовес дореволюционной русификаторской образовательной и культурной политике самодержавия. И политические устремления коми коммунистов находили свое реальное, позитивное выражение не только в слове старого политического и экономического

механизма, но и в работе по реорганизации народного просвещения, в помыслах об автономии – в начале культурной, а затем и политической. Организовать и квалифицированно руководить такой работой могла только местная интеллигенция.

Можно сказать, что коми интеллигенты, ставшие политическими или культурными деятелями, в 1918–1919 годах составляли в известной мере общую группировку, занимавшуюся и вопросами культуры, и политики: не случайно, например, В.А.Савин был не только поэтом, драматургом, композитором, но и одним из руководителей усть-сысольской организации коммунистов и ЧК, а политики Д.А.Батиев и Я.Ф.Потапов возглавляли Общество изучения Коми края. В то сложное время многие представители коми национальной интеллигенции, обратили свой взор к большевикам – именно потому, что после захвата коммунистами власти стали ускоренными темпами осуществляться реформа системы просвещения и создание национальной коми школы.

В 1919–1920 годах Усть-Сысольск стал центром развития как политической, так и культурной составляющих движения к Коми государственности. Здесь стали работать приехавшие из Яренского уезда В.А.Молодцов и А.С.Сидоров, появление которых значительно усилило национально-культурное движение, получившее в конце 1918 – начале 1919 года значительный импульс одновременно с некоторым ослаблением политического движения за автономию. Огромную роль в успешном развитии культурной составляющей движения к национальной государственности коми сыграл В.А.Молодцов, которого, на наш взгляд, также следует причислить к «романтикам» автономии. В.А.Молодцов подобно Д.Я.Попову всеми силами стремился к скорейшей реализации на практике своих идей, связанных с коми алфавитом, литературным языком и т.п., нередко предлагая чрезмерно форсированные темпы внедрения своих наработок. Его более прагматичным коллегам по уездному руководству приходилось порой «придерживать» Молодцова, что приводило к острым конфликтам.

В.А.Молодцов в 1920 году вошел в бюро по подготовке Всезырянского съезда для решения вопроса о «культурно-политико-экономическом объединении всего народа коми», разработал с В.А.Савиным и другими коллегами по бюро цели и предполагаемую программу съезда, в которой отмечалось: «По отношению зырян необходимо принять какие-то решительные меры, ...которые заставили бы жить и в культурном и в экономическом отношении, чтобы зырянская народность воспрянула от векового сна... Такой мерой является объединение зырян в одно целое. Прежде всего в культурном, а затем и в экономическом отношении».

Осенью 1920 года на авансцену движения за Коми автономию вышел Д.А.Батиев. Его стремительный взлет к политическим вершинам, бесспорно яркая, напористая, чрезвычайно разнообразная и результативная деятель-

ность и столь же бесспорные недостатки позволяют отнести его к представителям «романтиков» автономии.

Наверное, все идеи Батиева, связанные с созданием обширной Коми республики, с различными экономическими и культурными проектами, имели под собой какую-то основу и были нацелены в конечном итоге на всестороннее развитие Коми государственности. Без этих идей (порой расценивавшихся более прагматичными коллегами Батиева как полуфантастические), наверное, не состоялось бы столь решительного прорыва в строительстве Коми национальной государственности. Но, как и все «романтики», Батиев не мог полностью оценить ситуацию, диктовавшую необходимость ограничения и политических, и экономических планов.

«Прагматики» из руководства формировавшейся Коми автономии (Я.Ф.Потапов, Д.И.Селиванов и некоторые другие) стремились по мере сил скорректировать деятельность Д.А.Батиева, но это далеко не всегда удавалось (и, к слову сказать, не всегда действительно диктовалось необходимостью). На наш взгляд, именно в той мере, в какой удалось найти баланс подходов, идей, интересов (не личных, разумеется, а общественных) между Батиевым, с одной стороны, и Потаповым и Селивановым, с другой, в деле развития Коми государственности был достигнут успех: на карте России появилась Коми автономная область. Дальнейшее постепенное ее развитие в середине 20-х годов происходило под руководством «прагматиков», но отошедший от непосредственного участия в органах власти Батиев продолжал развивать в печати свои идеи, отражавшие, надо подчеркнуть, умонастроения довольно широких слоев населения, и потому оказывавшие воздействие на политических руководителей области.

Таким, в самых общих чертах, представляется «личный фактор» в процессе возникновения Коми государственности. Именно разнообразие взглядов «отцов-основателей» Коми автономии в сочетании с умением находить точки соприкосновения, общие, объединяющие их направления работы обеспечило в сложнейший переломный в истории страны период 1917–1921 годов успех движения за национальную государственность коми. При всех своих различиях эти деятели в главном были коллективом единомышленников. Общей оказалась и их судьба. Почти все упомянутые нами личности (Д.А.Батиев, Я.Ф.Потапов, Д.И.Селиванов, А.М.Мартюшев, В.А.Молодцов, В.А.Савин, А.А.Маегов) были репрессированы.

К концу 1920-х годов окончательно возобладали тенденции к унитаризму и авторитарности в национально-государственном и политическом устройстве страны. В 1936 году Коми автономная область была преобразована в Коми автономную советскую социалистическую республику. Статус национальной государственности коми народа был повышен. Но в смысле самостоятельности в сложившихся в стране политических условиях республика по сравнению с областью каких-то существенных преимуществ не получила. Отказ от принципов демократизма и федерализма в пользу

унитаризма и авторитаризма в государственном управлении негативно отразился на всех сторонах национальной жизни. Был деформирован эффективный механизм национально-языковой политики. Право коми народа на самоопределение и самоуправление в рамках федерации в значительной степени было сведено на нет.

Содержание

Предисловие редактора (<i>Е.Н.Рожкин</i>).....	3
Очерк 1. Долгий путь к национальной государственности (Из истории управления и административного устройства Коми края) (<i>И.Л.Жеребцов</i>).....	4
Очерк 2. Духовный отец Коми автономии (<i>М.В.Таскаев</i>).....	47
Очерк 3. Борец за Коми республику (<i>И.Л.Жеребцов</i>).....	62
Очерк 4. Первые руководители Коми области (<i>Л.А.Жданов, А.Ф.Сметанин, И.Л.Жеребцов</i>).....	106
Они были первыми (Вместо заключения) (<i>И.Л.Жеребцов</i>).....	121

Игорь Любомирович Жеребцов, Александр Франсович Сметанин,
Михаил Владимирович Таскаев, Леонид Александрович Жданов

СОЗДАТЕЛИ КОМИ АВТОНОМИИ

Оригинал-макет – Н.К. Забоева

Редакционно-издательский отдел Института языка, литературы
и истории Коми НЦ УрО Российской АН.
167982 г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26